

В Ъ С Т Н И К Ъ
Е В Р О П Ы,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Николаемъ Карамзинымъ.

Ч А С Т Ъ П.

М О С К В А , 1802.

ВЪ Университетской Типографіи
у Люби, Гарія и Попова.

Съ дозволенія Московской Цензуры.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

МАРТЪ 1809.

№ 5.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

РОЗА,

или

ПАЛАТЫ и ХИЖИНА (*).

(Изъ новыхъ сочиненій Гжи. Жанлисъ.)

Бѣдная и несчастная крестьянка, изнуренная усталостію, несла на рукахъ двумѣсячную дочь свою и шла шихонько по берегу Рейна, въ концѣ прекраснаго лѣтняго дня. „Ахъ! я вижу башни дворца!“ сказала она: „если бы только могла дойти! . . . Принцесса милоспива, добра, сердечна; она мать и также сама кормитъ своего младенца!“ . . . Несчастливая хохляла иппи скорѣе, но спутила босою

(*) Сей анекдотъ рассказывала Авшору одна знашная дама въ Берлинѣ.

ногою на острой камень, закричала и должна была състь на дорогѣ подѣ деревомъ. „Боже мой!“ говорила она, заливаясь слезами: „я вижу дворецъ, и не могу быть шамъ! . . . младенецъ пребуеть пищи, а молоко изсохло въ груди моей! Мы умремъ на этомъ камнѣ, смотря на дворецъ!“ . . . Она рыдала; младенецъ горящимъ ртомъ своимъ искалъ ея груди, и кричалъ пронзительно. „Бѣдная невинность!“ думала опчаянная мать; „если бы кровь и мои слезы могли питать шебя! . . . Боже мой! она перестала кричать; закрыла глаза! . . . Не уже ли мнѣ два раза умирашь? не уже ли должна я видѣть ея смерть прежде моей смерти? . . . Ахъ! кто избавитъ меня отъ жизни?“ . . . Тутъ несчастная взглянула на быструю рѣку, которая текла близъ дороги: ужасное искушеніе привело въ волненіе ея душу. Опчаяніе замѣняетъ силы: блѣдное лицо ея оживляется румянцемъ. Она прижимаетъ къ сердцу своему умирающаго младенца, который вдругъ открываетъ глаза. . . . Мать затрепетала — отворошилась — снова могла заплакать, и взглянувъ на дворецъ, сказала: „Какъ несчастливы знатные и богатые, живущіе въ изобиліи съ дѣтми своими! . . . Но они также умираютъ:

„одинъ Богъ будетъ всѣхъ судишь, и
 „бѣдной крестьянинъ, можетъ быть,
 „испугается суда Его менѣе, нежели ро-
 „скошной богачъ и Князь!“ . . . Она при-
 слонилась къ дереву, устремила взоръ свой
 на небо, и тоска ея облегчилась Боже-
 спвенною надеждою; чувство муки исче-
 зало въ душѣ ея вмѣстѣ съ мыслями.

Уже смерть готовилась поразить
 сію невинную жертву злощасія. . . .
 Вдругъ скачешъ по дорогѣ великолѣпная
 карета: въ ней сидѣла Принцесса Аме-
 лія, которая, увидѣвъ бѣдную кре-
 стьянку, закричала: „Боже мой! женщина,
 „масть, лежитъ на землѣ какъ мертвая!
 „Ей надобно помочь!“ Кучеръ остано-
 вилъ лошадей. Любезная, чувствительная Аме-
 лія выпрыгнула; старой Камергеръ бро-
 сился за Принцессою, чтобы подать ей
 руку; толстая Гофмейстерина кличетъ
 гайдука, чтобы опереться на плечо его и
 вылезти изъ кареты; пажы, которые
 скакали впереди верхомъ, скачутъ на-
 задъ. . . Въ семъ быстромъ движеніи за-
 бытая Гофмейстерина кричитъ, бра-
 нится; а Принцесса, подбѣжавъ къ не-
 щасливой крестьянкѣ, съ удовольствіемъ
 видитъ, что она расшворяетъ глаза. Аме-
 лія даетъ ей нѣсколько лудировъ. „Ахъ!
 „это золото (говоритъ бѣдная масть)

„женеръ бесполезно: мнѣ надобно молока; у меня его нѣтъ, а дочь моя умираетъ!“
 „Какъ?“ спрашиваетъ Амелія содрогнувшись. „Она умираетъ съ голоду,“ отвѣчаетъ мать. Тутъ Амелія, приведенная въ ужасъ, пронувшая до глубины сердца, взглядываетъ на младенца, который напоминаетъ ей маленькаго сына, ею самую кормимаго, и который своею милою красотою еще болѣе прогааетъ ея душу. „Ахъ! живали она?“ говоритъ Принцесса, беретъ руку ея, и чувствуетъ, что младенецъ шпихонько жметъ у нее палецъ. „Нѣтъ, ты будешь жива!“ восклицаетъ она; бросается на колѣни, рукою поддерживая голову дѣвочки, и даетъ ей грудь свою.

„Ахъ, сударыня!“ сказала крестьянка, поднимая руки къ небу, и не могла говорить болѣе; сладкія слезы живѣйшей благодарности оросили ея лицо. Она не въ силахъ была выразить своей признательности, и лучше хопѣла молишь Небо о добродѣтельной героинѣ, нежели словами благодарить ее (*).

Между тѣмъ младенецъ оживалъ на груди Амеліиной. Свидѣтели сей прога-

(*) Здѣсь не выдуманно ни одного общедѣлства; все было точно такъ.

тельной сцены смотрѣли въ безмолвіи и съ удивленіемъ; одна толстая Гофмейстерина скучала въ каретѣ и не видала ничего: пажи, старой Камергеръ и слуги закрывали отъ нее Принцессу.

Можно ли описать радость мапери и Амеліи, когда младенецъ началъ видимо приходишь въ силы, и когда живая краска показалась на лицѣ его? Минуть черезъ двадцать онъ насытился, приподнялъ голову, взглянулъ на Амелію и улыбнулся... Принцесса, заливаясь слезами, поцѣловала его, вспала и сказала: „поѣдемъ скорѣе домой, чшобы помочь бѣдной мапери; донесите ее до кареты.“ Тутъ гайдукъ взялъ и повелъ больную за Принцессою, которая несла на рукахъ младенца, и сѣвъ въ карету, посадила кресьянку рядомъ съ собою, къ великому изумленію Гофмейстерины, принужденной уступить ей мѣсто свое. Старой Камергеръ сѣлъ на козлы — и такимъ образомъ поѣхали въ городъ.

Баронесса Клакенбергъ, Гофмейстерина, была въ осьмомъ-надесять вѣкъ едва ли не болѣе всѣхъ другихъ привязана къ обыкновеніямъ; она думала, что ни въ какомъ случаѣ не должно отходить отъ нихъ, и сіе важное правило могло, по ея мнѣнію, быть единственныиъ для воспитанія

знатныхъ молодыхъ людей: правило конечно мудрое, но не совсѣмъ новое, хотя Баронесса Клакенбергъ и присвоивала себѣ честь такого великаго изобрѣшенія при Дворѣ N. N.

Изумленіе Баронессы еще увеличилось, когда она сѣдала, что Амелія кормила своею грудью крестьянскаго младенца. *Это странно, очень странно!* говорила или думала она во всю дорогу. Между тѣмъ прѣехали ко дворцу. Тамъ отвели особливую комнату для бѣдной крестьянки, положили ее на постелью, и сыскали женщину, которая взялась кормить ея дочь. Принцесса, исполнивъ законъ благодѣтельности, вошла въ свои комнаты и съ неописанною радостію взглянула на колыбель сына. „Я спасла „чужаго младенца,“ думала она: „Богъ „конечно спасетъ и моего!“ Сынъ ея проснулся и закричалъ: Амелія, взявъ его на руки, сказала: „Милой другъ! „я заставила тебя раздѣлить пищу „свою съ жертвою бѣдности, и надѣюсь, „что этотъ случай предзнаменуетъ доб- „родѣтель совершенныхъ лѣтъ твоихъ, „когда ты будешь въ состояніи по- „могать нищетѣ. Что принадлежитъ „до меня, то я слѣдовала одному движе- „нію материнской любви, представивъ

„тебя въ этомъ бѣдномъ младенцѣ: ты въ образѣ несчастной говорилъ моему сердцу.“

Въ самую ту минуточку, какъ нѣжная Амелія съ воспоргомъ глядѣла на сына своего, вошелъ къ ней мужъ ея, копорой возвратился съ охоты. Онъ былъ *добрый Принцъ*, какъ говорятъ въ Германіи: по естѣ, не гордъ, не спесивъ; на улицѣ и за городомъ кланялся всякому мужику; а во дворцѣ говорилъ ласково съ придворными и весьма учтиво съ женщинами; всегда улыбался, часно хохоталъ, и всѣ на свѣшѣ хвалили его чрезмѣрную милость. Но эта милость не имѣла уже никакихъ дальнѣйшихъ слѣдствій: доброй Принцъ не давалъ ничего любилъ одного себя, никогда не чиналъ, ѣздилъ съ собаками, и всякой день часовъ по-пяти сидѣлъ за столомъ. Однакъжъ, естѣли любимецъ его, Графъ Секендорфъ, совѣтовалъ ему сдѣлать иногда доброе дѣло (что, правду скажемъ, бывало очень рѣдко), но Принцъ соглашался, и всѣ Нѣмецкія газеты славили въ такомъ случаѣ благодѣтельность Его Свѣтлости. Мудрено ли, что онъ и самъ повѣрилъ наконецъ газетамъ и вообразилъ себя лучшимъ изъ Князей Нѣмецкихъ?

Добродѣтельная Амелія не имѣла никакого вліянія на его образъ мыслей, и Принцъ крайне не доволенъ былъ шѣмъ, что она сама кормила дѣтей своихъ; ибо Графъ Секендорфъ и Баронесса Клакенбергъ не понимали, какъ владѣтельница Принцесса можетъ быть кормилицею.

Амелія рассказала мужу свое приключеніе. Принцъ, не судя ни о чемъ самъ собою, не зналъ, что думать о поступкѣ жены своей, и спѣшилъ къ Баронессѣ Клакенбергъ, будучи увѣренъ, что онъ найдетъ тамъ любимца своего, который уже двадцать лѣтъ слѣдовалъ одному плану жизни, и всякой вечеръ являлся у нее въ восемь часовъ. Принцу сказали, что бѣдная крестьянка при смерти, и что супруга его поступила весьма неблагоразумно, вздумавъ кормить своею грудью ея младенца, конечно не здороваго. Онъ нахмурилъ брови и попребовалъ своего Медика, Профессора Шпирбмейстера. Баронесса изъявила взоромъ свое одобреніе, а Графъ примолвилъ, что совѣтъ Медика въ самомъ дѣлѣ всего нужнѣе. Принцъ обрадовался своей шасливой мысли, и нѣсколько разъ съ довольнымъ видомъ повторилъ, что онъ конечно вывѣдаетъ изъ него истину во всѣхъ отношеніяхъ. Это было очень не легко,

потому что Докторъ Шпирбмейстеръ не любилъ говорить много, отвѣчалъ всегда коротко и всегда двусмысленно. Онъ явился; выслушалъ Принца съ великимъ вниманіемъ и ужасомъ; помолчалъ нѣсколько минутъ, и объявилъ, что ему прежде всего надобно видѣть крестьянку, ея младенца и молоко Принцессы. Амелія выпернула строгой выговоръ отъ своего мужа; а Докторъ велѣлъ ей принять двѣ или три буылки изобрѣшеннаго имъ сиропа, и опнать сына отъ груди. Она не разсудила за благо исполнить его предписанія: вылила сиропъ за окно, а сына кормила еще тихонько два или три мѣсяца. Между тѣмъ бѣдная крестьянка черезъ два дни умерла, и все хвалили осторожность Медика, которой, по общему мнѣнію, лекарствомъ своими спасъ Принцессу отъ опасныхъ слѣдствій. Самъ Докторъ за тайну сказывалъ, что молоко ея сдѣлалось совершеннымъ ядомъ, и что оно въ двѣ минуты уморило бы маленькаго Принца. Дочь умершей крестьянки была совершенно здорова; но ученой господинъ увѣрялъ, что у нее въ крови *золотушная* остропа, которая рано или поздно опкроется.

Амелія узнала отъ крестьянки, что у мужа ея, не далеко отъ Бингена, есть

бѣдная хижина ; и что онѣ лежитъ больной около двухъ мѣсяцевъ. Принцесса отправила къ нему лекаря ; а дней черезъ шесть послѣ крестьянкиной смерти рѣшилась сама видѣть несчастнаго ; выбрала такой день, въ которой Принцъ былъ на охотѣ ; сѣла въ легкую коляску съ Барономъ Саргансомъ , спарымъ придворнымъ и съ своею Камерфрейльною — и поѣхала въ Бингенъ.

Крестьянинъ, бѣдный Германъ, зналъ уже о смерти жены своей. Амелія нашла его все еще больного и весьма огорченнаго. Онъ былъ лѣтъ тридцати отъ роду, уменъ, добросердеченъ и съ характеромъ. Отецъ, Мангеймской мѣщанинъ, воспиталъ его очень хорошо, но вдругъ обѣднялъ и съ горя умеръ. Сынъ, не имѣя пропитанія, записался въ солдаты; служилъ десять лѣтъ въ Прусской арміи, получилъ опставку, женился на молодой крестьянкѣ и возвратился съ нею въ свое отечество; купилъ маленькую землю съ хижиною; работалъ прилѣжно — но частый неурожай и худое здоровье довели его до крайней бѣдности. Несчастливая жена, два дни не имѣвъ куска хлѣба, рѣшилась прибѣгнуть къ великодушнѣйшей Принцессѣ.

„Я прїѣхала къ тебѣ съ важнымъ предложеніемъ,“ сказала Амелія Герману: „мнѣ кажется, что я имѣю права матери на любезнаго младенца, мною спасеннаго: оставь его у меня; я воспитаю дочь свою, и возьму на себя попеченіе о судьбѣ ея.“ — Она ваша, отвѣчалъ Германъ со вздохомъ: обязана вамъ сохраненіемъ жизни своей; и для того я долженъ оставить ее у васъ. Да и могу ли самъ воспитывать? — „Нѣтъ, Германъ,“ сказала Принцесса: „не хочу, чтобы крайность заставила тебя рѣшиться на такую жертву; я опредѣляю тебѣ доспапочную пенсію, которую будешь получать во всякомъ случаѣ: возьмешь ли дочь къ себѣ, или оставишь у меня. Воинъ первой годъ пенсіи. Сверхъ того велю поправить твоей домикъ; куплю все нужное для сельскаго хозяйства и еще нѣсколько десятинъ земли подлѣ твоей; и еслили возьмешь къ себѣ дочь, и когда она войдетъ въ лѣта, то я дамъ ей хорошее приданое. Теперь выбирай.“ — Амелія вынула изъ кармана нѣсколько луидоровъ и положила на деревянной столъ.

Германъ, вмѣсто отвѣта, смотрѣлъ пристально на Амелію, и глаза его наполнились слезами. „Ты соглашаешься?“ сказала пронухая Принцесса. — Ахъ,

милоспивая государыня! отвѣчалъ онъ: дай-те ей ваше сердце: это благодѣянїе важнѣе всѣхъ другихъ! Но дозвольте мнѣ не принимать пенсіи. — „Для чего же?“ — Лѣность не доспойна милоспей. Добродѣпель ваша поможетъ нещасному и невинному, но единспвенно тѣмъ, что дастъ ему возможность работать съ успѣхомъ.

Принцесса, удивленная и еще болѣе обрадованная такими благородными чувствами, съ великимъ любопытствомъ разспрашивала Германа о всѣхъ обстоятельспвахъ его жизни. Онъ разсказалъ ей свою исторїю; и наконецъ, поговоривъ нѣсколь-ко часовъ искренно и съ довѣренностїю, Амелїя настояла, чтобы Германъ, не соглашаясь взять пенсіи, взялъ по крайней мѣрѣ кошелекъ съ луидорами; чтобы жи-жина была исправлена и убрана; чтобы онъ принялъ въ подарокъ шесть или семь коровъ и нѣсколько десятинъ земли.

У Принцессы были дорогїя серыги: она спхонько продала ихъ за десять ты-сячъ ливровъ, и сими деньгами поправила хозяйство добродушнаго Германа. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ очутились у него хо-рошенькой домикъ, скопной дворъ, боль-шой лугъ, поле и садъ. Амелїя, видя изобилїе и щаспїе тамъ, гдѣ прежде была

нищета и горестъ — видя живую, сердечную признапельность добраго челоуѣка — думала съ радостію: „все это сдѣлали серыги, копорыя драли мнѣ уши! „Какая безумная женщина предпочла бы „ихъ неизъяснимому удовольствію благо„дѣянія?“

Нѣтъ, не будемъ клеветать на челоуѣческое сердце; нѣтъ, почти все женщины на мѣстѣ добродѣтельной Амеліи имѣли бы такія чувства. Но рѣдкія *мшутъ* способовъ бытъ на ея мѣстѣ; у копорой нѣтъ брилліансовъ, та хочетъ ихъ имѣть; у копорой есть, та бережетъ. Мы бываемъ жестокосерды отъ привычки, забвенія и незнанія; надобно *узнать*, что бы *любить*. Склонность къ блестящимъ бездѣлкамъ и роскоши происходитъ отъ недосыпка въ опытахъ добродѣтели.

Между тѣмъ Германова дочь, не смотря на предсказаніе Доктора, разцвѣтала какъ свѣжая, прекрасная *роза*; для того Амелія назвала ее *симвоименемъ*, и черезъ три года взяла къ себѣ. *Къ чему это?* говорила въ своемъ обществѣ Баронесса Клакенбергъ, пожимая плечами: *что выдетъ изъ этой дѣвочки?* Но любезная Принцесса слѣдовала любви своей къ добру, не думая, что мыслятъ и говорятъ объ ней люди. У нее было два сына:

одинъ въ лѣша Розы, а другої старѣе, именемъ Фридрихъ, котораго, не смотря на ея благоразуміе, придворное воспитаніе уже крайне испортило. Принцъ не хотѣлъ слушать Амеліиныхъ совѣтовъ. „Я хочу, говорилъ онъ, чтобы сыновья мои воспитывались по моимъ *правиламъ* —“ хотѣя въ самомъ дѣлѣ не имѣлъ никакой идеи о воспитаніи и никакихъ *правилъ*. Онъ совѣтъ ни во что не вѣшивался, полагаясь на Фридрихова надзирателя, и никогда не спрашивая его о сынѣ. Надзиратель имѣлъ такую же довѣренность къ дядкѣ, а дядька къ камердинеру, невѣждѣ и льстивцу, который такимъ образомъ былъ единственнѣйшимъ гофмейстеромъ молодого Принца.

Амелія *освятила* то мѣсто, на которомъ лежала безъ чувствъ Розина мать. Она велѣла построить на дугу, близъ дороги, маленькій домикъ; отдала его одному бѣдному крестьянину; купила ему двухъ Голландскихъ коровъ и приказала, чтобы онъ всякой день нѣсколько разъ выходилъ на большую дорогу, и бѣднымъ, усталымъ пѣшеходцамъ предлагалъ свѣжее молоко въ фарфоровой чашѣ. Добрая и чувствительная Германъ выпросилъ у нее дозволеніе посадить шупъ кипарисовой и розовой кустъ: трогательное из-

ображеніе Розы и матери ея. Сіе мѣсто называется памятникомъ *гостепріимства*; оно извѣстно въ Германіи.

Роза, пріученная любить отца своего, часто къ нему ходила; и время, проводимое ею въ Германовой хижинѣ, было для нее самымъ лучшимъ временемъ. Дядя ея, наживъ въ Англіи нѣсколько тысячъ шалеровъ, возвратился къ брату своему, Герману; купилъ себѣ подлѣ него землю съ домикомъ, и поселился шутъ съ женою и съ сыномъ, которой былъ спарѣе Розы двумя или тремя годами. Она во дворцѣ никогда не играла ни съ Принцами, ни съ дочерьми придворныхъ господъ, которыя запрещали имъ дружитья съ *крестьянскою дѣвоткою*; и такъ не мудрено, что она скучала въ пышныхъ залахъ. Видя удовольствіе ласковаго отца своего, радость молодого Вильгельма, ея двоюроднаго брата, которой давалъ ей множество цвѣтовъ, кормилъ яблоками, пирогами, и всегда игралъ съ нею отъ добраго сердца, Роза безъ всякаго философскаго и моральнаго умствованія находила, что люди въ хижинѣ гораздо щасливѣе, нежели во дворцѣ. Эпистъ образъ мыслей утверждался въ ней съ лѣтами. Когда Розѣ исполнилось 14 лѣтъ, Амелія, любя ее нѣжно, повѣдала ей свои

тайныя горести. Роза, будучи равноумна и чувствительна, скоро узнала, что ея благодетельница несчастлива и мужемъ и дѣтьми своими. Сравнивая положеніе сей милой Принцессы съ положеніемъ тещки своей, щасливой въ мирномъ семействѣ, любимой, всегда ушѣнаемой мужемъ и сыномъ, она тайно говорила въ мысляхъ: „Нѣтъ, щастье „не любитъ палатъ огромныхъ; чптобы „укрыться отъ глазъ и зависти людей, „оно поселилось съ невинностъю и простотою въ смиренномъ домикѣ земледѣльца.“

Роза не бывала никогда въ собраніяхъ и на праздникахъ Двора; но ее видали иногда у Принцессы, и всѣ говорили о рѣдкихъ ея прелестяхъ. Она каживала къ опцу только на нѣсколько часовъ, потому что уроки занимали все ея время; но въ пятнадцать лѣтъ, имѣя уже болѣе свободнаго отъ ученья времени, любя Искусства и чпеніе, она выпросила у Амеліи дозволеніе всякую недѣлю проводить съ опцомъ два или три дни. Германъ прекрасно убралъ для нее маленькую комнату подлѣ своей: тутъ были книги, арфа и піано-форте. Когда Роза шла въ *хижину*, она сидала съ себя богатое платье и всѣ украшенія, кромѣ Амелина портрета; надѣвала бѣлую юбку, корсетъ, соломен-

ную шляпку, и казалась еще прелестнѣе, нежели въ шелковомъ и кисейномъ *левитѣ*: казалась *Виргиліевою* или *Геснеровою* папашкою. Всѣ родные дожидались ее у Германа: дядя, шепка, братъ *Вильгельмъ*, которому тогда было уже 19 лѣтъ. Германъ любилъ сего молодатаго человѣка какъ сына, и ревностно занимался его воспитаніемъ. *Вильгельмъ* былъ прудолюбивъ, обрабатывалъ землю, но читалъ и книги, особливо же въ долгіе зимніе вечера; разумѣлъ музыку, подобно всѣмъ Нѣмецкимъ крестьянамъ, и, какъ многіе изъ нихъ, игралъ пріятно на флейшѣ. Ожидая сестры, онъ срывалъ всѣ цвѣты въ саду отца своего, приносилъ ихъ къ дядѣ и украшалъ ими ея комнату; сверхъ того, зная, что *Роза* любила пшницъ, сдѣлалъ для нее маленькой пшичникъ въ Германовомъ огородѣ. Однимъ словомъ, *Вильгельмъ* былъ нѣженъ, ласковъ, пріятенъ лицомъ, кропокъ, добродушенъ и чувствителенъ. *Роза* привыкла съ младенчества любить его какъ брата, и никогда въ обхожденіи съ нимъ не имѣла той робости, которая обнаруживалась въ ней при другихъ молодыхъ людяхъ. Но *Вильгельмъ* съ нѣкотораго времени сдѣлался скромнѣе и задумчивѣе. *Роза* не примѣчала того, потому что онъ не перемѣ-

нялся въ своемъ ласковомъ вниманіи къ ея удовольствіямъ. Она всегда приходила къ отцу въ субботу, чтобы провести съ родными цѣлой день, посвящаемый отдохновенію. Въ воскресенье поутру ходили въ церковь: и свѣтскіе люди, самыя набожныя, не могутъ вообразить, сколь сладостно для поселянъ исполненіе сей Христіанской должности! Людямъ всегда пріятно собираться вмѣстѣ *по одному чувству и мнѣнію*; тогда они съ любовью смотрятъ другъ на друга; мысль, что сердца ихъ *однимъ* занимаюся, пріятна и душѣ и самолюбію — но это можетъ быть только въ сельскомъ храмѣ. Какъ священна *приходская церковь* сама по себѣ для земледѣльца! Въ ней онъ слышалъ первыя наставленія добродѣтели; тутъ Религія благословила его брачное соединеніе; тутъ онъ въ своемъ ребячествѣ пѣвалъ на крылосѣ съ такимъ удовольствіемъ; тутъ приходитъ молиться съ вѣрою; тамъ надеется, и въ горестяхъ упѣшается! . . .

Можно наскучить удовольствіями, прошивными строгой Морали; но тѣ, которыя считаются долгомъ благочестія и представляются памяни въ видѣ добрыхъ дѣлъ, всегда милы сердцу. Великолѣпные обряды Богослуженія возвы-

шаютъ душу поселянъ и пріятно занимаютъ ихъ часы свободные. Большіе годовые праздники соснавляютъ для нихъ эпохи въ жизни. Дѣти, увѣнчанныя розами, идущія съ важностію за служителями олшарей, — опцы и матери, смолряющіе на нихъ съ душевною радостію; — сельскія дѣвушки, которыя украшаютъ жершвенникъ цвѣтами и собираются вмѣстѣ пѣть Рождество Христово — имѣютъ такія живыя чувства, какихъ не могутъ дать наши съѣзскіе и по большей части скучные праздники.

Новые Философы! знаете ли вы, о чемъ говорю? Не думаю; но друзья человечества должны знать сію спасительную необходимость его (*).

Прежде, когда Роза возвращалась во дворецъ, Вильгельмъ съ матерью провожалъ ее; но съ нѣкопорога времени не ходилъ уже далѣе *памятника гостепрѣимства*, не сказывая, для чего; одна мать его провожала Розу, и возвращаясь находила сына сидящаго въ глубокой задумчивости, между кипарисоваго и розоваго куста.

(*) Все это отношится къ нынѣшнимъ обстоятельствамъ Франціи, и писано не для насъ.

Сынъ Короля Англійскаго, въ проѣздѣ свой въ Берлинъ, остановился на нѣсколь-ко дней въ столицѣ Амеліана Княже-ства. Для него давали балы, и Баронъ Саргансъ хотѣлъ также угоспипть Принца. Онъ думалъ, что Роза могла быть на его балѣ. Амелія съ удовольствіемъ на то согласилась, и сама Роза тайно веселилась мыслию явиться среди блестящаго собранія въ свитѣ своей благо-творительницы. До того времени, воспитываемая въ уединеніи и прощомѣ, она не чувствовала въ мирномъ сердцѣ своемъ никакихъ движеній тщеславія; но когда, на канунѣ бала, ей принесли отъ Амеліи бѣлое атласное платье съ флоромъ и съ полевыми васильками, она вышла изъ себя отъ радости; тотчасъ надѣла его, и смотрясь въ зеркало, думала, что видитъ себя въ первый разъ: потому что въ первый разъ сравняла себя въ воображеніи съ другими женщинами; а когда человекъ дозволилъ себѣ такое сравненіе, то всегда обратишь его въ свою пользу. . . . Сперва она подумала: „я желаю, чтобы Вильгельмъ увидѣлъ меня въ этомъ нарядѣ;“ а слѣдующія мысли ея обратились на балъ. Роза, про-пивъ своего обыкновенія, во весь этотъ день не могла ничѣмъ заниматься; была

въ волненіи и въ разсѣянности. Это случилось въ субботу: она написала къ отцу, что не можетъ быть у него, не упоминая о праздникѣ; но иреровала, чтобы Вильгельмъ пришелъ къ ней на другой день послѣ обѣда, говоря, что въ случаѣ опказа она на него *разсердится*.

Въ день бала Роза послѣ обѣда въ своей комнатѣ одѣлась, выслала служанку, сѣла на кресла и взяла книгу; всякую минушу смотрѣла на часы, ожидая Вильгельма; подумала о балѣ — и вдругъ, отъ неизбѣнимаго безпорядка въ идеяхъ, не только уже перестала непернѣливо ждать Вильгельма, но и боялась даже прихода его. Всякая минуша, всякая мысль умножала эту боязнь. Волненіе сдѣлалось въ ней такъ сильно и мучительно, что она рѣшилась прежде назначеннаго часа итти къ Амеліи. . . . Вспала, взяла опахало, перчатки. . . . Въ сію минушу услышала Вильгельмовъ голосъ, запрепепала и не могла дышать. . . . Дверь отворилась; вошли и мать и сынъ. Первая, увидѣвъ Розу въ такомъ прелестномъ нарядѣ, ахнула отъ удивленія и радости; а сынъ поблѣднѣлъ, спунилъ шага два, оперся на стулъ, и сказалъ: *ахъ, Роза!* . . . Въ голосѣ его была такая жалкая укоризна, что Роза поняла всю

ея силу; взглянула на Вильгельма; встрѣшила его взоръ, упала на кресла и залилась слезами. . . . Тетка огорчилась, не понимая слезъ ея; глядѣла съ изумленіемъ на сына, на племянницу. . . . Вильгельмъ, утѣшенный чувствительностію Розы, наконецъ ободрился, подошелъ къ ней и сказалъ: „Вотъ для чего не хотѣлъ я быть здѣсь! Не въ палатахъ, не въ богатомъ нарядѣ люблю видѣть милую сестру мою; здѣсь не узнаю Розы; здѣсь бѣдной Вильгельмъ уже не братъ твой!“ . . .

„Всегда, всегда милой братъ души моей!“ сказала съ жаромъ Роза: „о Вильгельмъ! ничтожная суешность оскорбила истинную нѣжность: какая непростительная вина въ любви сердечной! Мнѣ хотѣлось, чтобы ты видѣлъ меня въ этомъ платьи; а теперь ненавижу его, сорву съ себя, и не выду изъ комнаты!“ . . . Она еще не успѣла договорить, какъ Амелія прислала за нею. Вильгельмъ просилъ, заклиналъ ее итти къ Принцессѣ. Роза въ замѣшательствѣ, въ горести, медлила. Тетка и братъ оставили ее: Роза пошла къ Амеліи.

Она въ самомъ дѣлѣ хотѣла бы освободиться отъ бала; но должно было исполнить волю Принцессы, которая, за-

мѣпивъ ея печальной видѣ, приписала его робости и боязни явиться въ первой разѣ во многолюдномъ собраніи. Амелія, какъ нѣжная мать, осмопрѣвъ весь нарядъ своей воспитанницы, велѣла позвать Баронессу Клакенбергъ, которая пришла съ дочерью, достойною своей матери, по естѣ спесивою, щеславною и грубою. Баронесса не знала, что Роза вѣхала на балъ, и съ удивленіемъ закричала: „какъ! и дѣвица Германъ ѣдетъ съ Вашею Свѣп-лостію?“ ... Конечно, отвѣчала Амелія: не правда ли, что она прекрасно одѣта? — „Да, плашье очень богато.“ — Не богато, а къ лицу; вы согласитесь. — „Только дѣвица Германъ вѣрно сама себѣ удивляется въ такомъ нарядѣ.“ — Ни мало; одни глупцы удивляются бездѣлкамъ. Но Баронъ Саргансъ ждетъ насъ. Поѣдемъ. — Сказавъ это, Амелія вышла. Баронесса, въ великой досадѣ, раза три повпорила дочери: *лоди, лоди скорѣ!* что значило: „не пускай впередъ Германовой дочери!“ Дѣвица Клакенбергъ, не уснукая матери въ ея благородной досадѣ, нѣсколько разъ полкнула смиренную Розу, которая совсѣмъ не думала оспаривать

! Великой лѣдестти быть шагомъ впереди!
Молодая Баронесса, сидя въ каретѣ подлѣ Розы, всячески старалась измять ея пре-

красное платье. Говорили мало. Мать и дочь злились; Принцесса, не смотря на крошечность свою, на нихъ досадовала; Роза въ великомъ замѣшательствѣ молчала. . . . Прѣехали къ Барону. Всѣ глаза устремились на Розу; она всѣхъ затмила; одну ее видѣли. Англійской Принцъ три раза танцовалъ съ нею, и уѣхалъ съ бала, не зная, что есть на свѣтѣ знамя дѣвица Клакенбергъ. Среди такихъ блестящихъ пріятностей скромная, застенчивая Роза вела себя наилучшимъ образомъ: мысль о Вильгельмѣ удаляла отъ нее всякую суешную мысль. Въ грустномъ своемъ расположеніи она упрекала себя баломъ, и ничѣмъ не занималась; зависть не могла ничего осудить въ ней; шѣмъ болѣе пылала ненависть и злоба.

Старшій Амеліинъ сынъ, подобно отцу, не судилъ никогда собственнымъ умомъ, и крайне удивился всеобщимъ похвалямъ, которыми осыпали Розу. Онъ прежде совсѣмъ не замѣчалъ ее, и вѣря придворнымъ Госпожамъ, думалъ, что она не отлична ни красою, ни умомъ своимъ. Но слыша, что всѣ хвалятъ ее безъ памяти, доброй Принцъ вдругъ смертельно въ нее влюбился, и на другой день открывалъ свою тайну сыну Баронессы Клакенбергъ, другу его. Сей молодой

человѣкъ , лѣтъ двадцати лѣтъ , воображалъ себя великимъ Философомъ , поному что онъ зналъ наизусть нѣсколько выражений Вольтеровыхъ и Дидеротовыхъ , и старался слѣдовать въ жизни ихъ Эпикурейскимъ правиламъ ; сохранилъ въ душѣ всю надменность Нѣмецкихъ Бароновъ , но за то славился презрѣніемъ ко всѣмъ готическимъ наставленіямъ Морали . Обрадованный довѣренностію *наслѣднаго* Принца и мыслию , что во дворцѣ будетъ еще новая *тайность* , онъ утвердилъ Фридриха во мнѣніи , что спроситъ его жива , и слѣдственно *непобѣдила* , и старался увѣрить , что ему ни мало не безчестно погубить невинную дѣвушку , воспитанную его матерью ; примолвилъ даже , что Амелія будетъ рада какой *связи* , въ надеждѣ удержатъ его пѣмъ отъ слабостей , менѣе *благопрістойныхъ* . Принцъ , ободренный такимъ образомъ въ своей любви , написалъ къ Розѣ нѣжное письмо и спрячалъ его , въ ожиданіи удобнаго случая . Дни черезъ два послѣшого привели ему пару лошадей , купленныхъ для него въ другомъ городѣ . Это было въ самый часъ прогулки . Ему сказали , что лошади не очень смиренны ; но онъ считалъ себя *славнымъ* кучеромъ , и вздумалъ покашашъ на нихъ мать свою

и Розу. Амелія сперва не хотѣла; наконецъ согласилась съ тѣмъ условіемъ, чпобы ѣхать не далѣе *ламятника гостепріимства*. Въ коляскѣ было два мѣсца: Принцесса и Роза сѣли въ нее, а Фридрихъ на козлы, и поскакалъ, не дожидаясь лакеевъ. Лошади спали горячишься: Роза боялась. Принцъ увѣрялъ ее, что онъ и самыхъ львовъ смирилъ бы въ одну минушу; спалъ на ноги съ гордымъ видомъ и замахнулся бичемъ: лошади поднялись на дыбы, а Фридрихъ испугался, и слезъ на землю. Амелія закричала. . . . лошади поскакали берегомъ вдоль рѣки, и коляска всякую минушу могла опрокинуться въ воду. Амелія и Роза, въ ужасѣ и безпамятствѣ, обнялись другъ съ другомъ и ждали смерти. Вдругъ человекъ бросается на встрѣчу лошадямъ, сильною рукою схватываетъ ихъ за узду, удерживаетъ и кричитъ: *Роза! сойди! Принцесса! выходите!* . . . Роза съ восторгомъ узнала голосъ Вильгельмовъ; ободрилась, откинула подножку, и вышла съ Амелією, благодаря Небо и милаго брата. . . . Амелія сѣла на землю, говоря слабымъ голосомъ: *гдѣ сынъ мой? что съ нимъ сдѣлалось?* Она упала въ обморокъ. Роза, обливаясь слезами, схватила ее на руки и звала Вильгельма, ко-

порой, привязавъ лошадей къ дереву, спѣшилъ упастъ къ ногамъ своей любезной, подѣ видомъ, что помогаешь Амеліи; онъ держалъ ея голову, а Роза давала ей нюхашъ соль. Она еще въ первой разѣ видѣла человѣка безъ памяти, была въ опчаяніи, и кричала: „Боже мой! она умираетъ! блѣднѣетъ! не дышетъ!.. Я лишаюсь ее на самомъ помѣ мѣстѣ, гдѣ она спасла жизнь мою!“ . . . Наконецъ Амелія открыла глаза, и спросила опять о сынѣ. Онъ шелъ уже къ ней; и хопя не много прихрамывалъ, но впрочемъ былъ здоровъ. Амелія, увидѣвъ его, была внѣ себя отъ радости; цѣловала Розу; съ живымъ чувствомъ благодарила Вильгельма и называла своимъ спасителемъ. Принцъ, оскорбляясь такими похвалами, съ холоднымъ видомъ предложилъ матери возвратиться пѣшкомъ во дворецъ; но Амелія отъ великой слабости не могла итти. Вильгельмъ сказалъ, что у нихъ пошчасъ будетъ карета; бросился къ коляскѣ, отвязалъ лошадей, сѣлъ на козлы и пустился какъ изъ лука спрѣла. Принцъ, досадуя на его смѣлость, кричалъ ему, чпобы онъ остановился; но Вильгельмъ, показывая, будто не слышитъ, скачетъ далѣе. Роза, въ безпокойствѣ, но съ нѣкоторою прі-

япную гордостію, провожаетъ его глазами. Амелія хвалила молодого человѣка; а Роза, слушая ее съ нѣжнымъ умиленіемъ, поцѣловала руку ея, какъ будто изъ благодарности за милость къ Вильгельму. Хотя Принцъ былъ не великой наблюдатель, однакожь замѣнилъ это невинное движеніе, и почувствовалъ, что Вильгельмъ его совмѣстникъ.

Карета прѣехала; возвратились во дворецъ. Фридрихъ въ такой несчастной для себя день не смѣлъ отдать Розѣ письма своего, и сверхъ того считалъ за нужное посовѣтоваться съ Философомъ Клакенбергомъ о своей ревности. Баронъ смѣялся надъ забавнымъ совмѣстничествомъ, и шакъ ободрилъ Фридриха, что онъ на другой день отдастъ свое любовное объявленіе. Роза, заплакавъ отъ досады, прибѣжала съ письмомъ къ Амеліи. Тутъ Принцесса открыла ей свое намѣреніе. „Графъ N., сказала она, любитъ тебя; ему тридцать пять лѣтъ; онъ доброй человѣкъ, богатъ, хочетъ на тебѣ жениться, и мнѣ одной объявилъ тайну свою. Мы согласились отсрочить свадьбу на годъ; но дурачество сына моего заставляетъ меня ускорить ее. И такъ, любезная Роза, пооди теперь же къ отцу, скажи ему о томъ, и требуй его

согласія. Думаю (примолвила она съ улыбкою), что онъ не будетъ спорить съ нами. Скажи, что Графъ даетъ ему землю и прекрасной домикъ близъ того замка, гдѣ вы будете жить семь или восемь мѣсяцевъ въ году; слѣдственно онъ не распаненся съ милою своею дочерью.“

Роза пренепала, и наконецъ не могла удержаться отъ слезъ; не отвѣчала ни слова, пошла въ *хижину*, и рассказала отцу все слышанное отъ Амеліи. „Что же ты думаешь?“ спросилъ Германъ. Она покраснѣла и пошупила глаза въ землю. — „Хочешь ли знанности?“ — Нѣтъ, бабюшка, отвѣчала Роза: я увѣрена, что этотъ бракъ не сдѣлаетъ меня щасливѣю. . . Германъ обнялъ ее съ восторгомъ, говоря: „Милая дочь! Богъ наградишь тебя за то усѣненіе, которое чувствую въ эту минуту! Однакожь не думай, чтобы, отказываясь отъ знанности и богатства, ты приносила великую жертву добродѣтели; нѣтъ, это ложное щасіе заспавило бы тебя часно плакать отъ горести. Изъ добраго семейства, которое тобою славилося, ты перешла бы въ такую фамилію, которая снѣдилась бы видѣть тебя въ своемъ кругу. Ты была бы тамъ послѣднею; напрошивъ, оснаваясь съ нами, по добродѣ-

шелямъ своимъ, пріятностямъ и скромности будешь всегда имѣть первое мѣсто. Однимъ словомъ, ты жерпвуешь одною гордоспїю и ложными удовольствїями роскоши; но всѣ истинныя пріятности у тебя остаются: миръ души, дружба, изобиліе, спокойной домикъ, плодородная земля, прекрасной садикъ и цвѣтники. Сохрани, милая Роза, сохрани на себѣ эту просную одежду, и руку свою отдай навѣки такому человѣку, копорой приметъ ее съ воспоргомъ и благодарноспїю, и копорого душа тебѣ извѣсна.“..... Германъ замолчалъ; а Роза, уснремивъ на него наполненные слезами глаза, взоромъ своимъ, казалось, преровала, чпсбы онъ наименовалъ *человѣка*. . . . Я позову Вильгельма, сказалъ наконецъ Германъ. . . . „Ахъ нѣтъ! сами говорите!“ оспвѣчала Роза. — Не уже ли ты не понимала нашего общаго желанїя? . . . „Бапюшка! другъ мой!“ — Хочешь ли его исполнишь? — „Бапюшка! дочь ожидаетъ вашего повелѣнїя“ . . . Германъ вспалъ, вынелъ, и черезъ минупу возвратился съ Вилгельмомъ, копорой, упавъ на колѣна передъ Розою, однѣми слезами могъ изъявить свою радость, свое изумленіе и щаспїе. — Положили бытъ свадьбѣ черезъ мѣсяць, и преровать на шо согласїя Принцессы.

Роза возвратилась во дворецъ. Надѣвая другое платье и видя опять великолѣпныя комнаты, блескъ и роскошь, она почувствовала въ сердцѣ какую-то горечь; испугалась себя, и не разумѣла, какъ можно жалѣть о томъ, что не достойно уваженія. Она не знала, что это минувшее *противорѣчiе* есть дѣло не сердца, а воображенія. Вспомнивъ о Вильгельмѣ и своемъ опцѣ, Роза успокоилась; но только съ величайшею робостію могла сказать Амеліи, что Германъ не соглашается. Принцесса изумилась. „И такъ онъ помѣшался!“ отвѣчала она: „но не тужи, милой другъ мой! я завтра сама поѣду къ нему.“ . . . Ахъ нѣтъ! воля его тверда и рѣшительна. — „Чего же онъ хочетъ?“ — Зная по своему сердцу и, должно признаться, по моему! — „Кого же?“ — Избавишеля моей благошворительницы. — „Вильгельма?“ — Я его люблю. — „Ты предпочитаешь Вильгельма Графу N.“ — Бапюшка выбираетъ его. — „И ты сама?“ — Ежели мнѣ только позволено выбирать.

Оскорбленная Амелія, помолчавъ, сказала съ холоднымъ видомъ: „Признаюсь, что я ожидала отъ тебя другихъ, благороднѣйшихъ чувствъ, и не думала воспринимать тебя для хижины“ . . . Ахъ! ваки

благодѣянія не поперяны, съ жаромъ опвѣчала Роза: признапельность оспанется навѣки въ моемъ сердцѣ. Таланпы, копорые имѣю по вашей милости, не будушь конечно славилься въ свѣтѣ, но украсяпъ мое уединеніе; мнѣ не спанупъ завидованъ, но я буду щасплива; щасплива и пѣмъ, что всегда могу видѣпъ васъ. Блескъ знатности и богатства ослѣпитъ ли чувствительное сердце, вами образованное? — — „Довольно, довольно, Роза!“ сказала Амелія, смягчивъ голосъ и видъ свой: „подумай еще хорошенько, и опвѣчай мнѣ рѣшипельно черезъ недѣлю.“

Принцесса, гордясь своею пипомицею, желала ей блестящаго замужства; однакожь внутренно удивлялась ея пвердопсти. Могла ли сама нѣжная, добрая Амелія, размысливъ основательно, не чувствоватъ, что истинное благородство состоитъ въ презрѣннн гордой суепы, и что обыкновенная душа плѣнилась бы пѣми выгодами, копорыхъ не хотѣла Роза? Такія мысли были уже великимъ достоинствомъ для Принцессы; однакожь Амелія все еще желала, чтобы Роза вышла за богатаго и знатнаго господина.

Недѣля минула, и Роза повпорила все то, что она говорила прежде. Амелія начала досадою, а кончила искрен-

нимъ, добродушнымъ согласіемъ, обѣщая Розѣ, вмѣсто приданого, нѣсколько десятиинъ земли и стадо овецъ. Условились сдѣлать свадьбу безъ всякой пышности, и до того времени не говорить объ ней.

За недѣлю до назначеннаго дня Роза скинула навсегда то платье, которое носила при Дворѣ, и надѣла креспьянское, съ тѣмъ, чтобы уже никогда не осипавлять его. Переодѣваясь такимъ образомъ, она грустила; и чтобы оправдаться въ собственнѣхъ глазахъ своихъ, повторяла: *я расстаюсь съ моею благодѣтельницею, и только объ ней, жалѣю!*

Роза съ трепетомъ вошла въ кабинетъ къ Амеліи, и съ рыданіемъ упала къ ногамъ ея. „Милая Роза! сказала Принцесса, обнимая свою питомицу: одно суезное предразсужденіе заставляло меня не соглашаться на благоразумное твое намѣреніе; теперь удивляюсь тебѣ, и вижу, что разсудокъ бываетъ всегда на стѣбронѣ невиннаго и чувствительнаго сердца. Гордость не ослѣпила тебя: за тую наградою твоею будетъ щасіе; ты найдешь его въ жизни сообразной съ природою, въ вѣрности мужа и въ добродѣтели дѣшей своихъ. Ахъ! не жалѣй никогда о пышности, которою жертвуешь! Среди великолѣпія, меня окружающаго —

среди всѣхъ блестящихъ изобрѣженій роскоши — естли бы ты знала, сколько слезъ я пролила въ жизни, сколько принужденія и скуки вынесла, и сколь много доброты надлежало мнѣ имѣть въ сердцѣ, сколь много разсудка и мучительной оспорожности требовалось на то, чптобы не развратиться! . . . Поди въ щасливую свою хижину; сокройся подъ мирнымъ ея кровомъ отъ сѣпей порока и злобы! Я часпо буду тамъ видѣться съ побою; и естли бы не споль нѣжно любила себя, то могла бы — тамъ единспвенно могла бы въ первой разъ почувствовать зависть!“

Роза, ободренная ласками и благословеніемъ своей вперой, нѣжной мапери, вырвалась изъ ея объятій, и пошла въ хижину съ служанкою отца своего, копорую онъ прислалъ за нею . . . Отошедши нѣсколько шаговъ отъ дворца, она оспановилась, взглянула на него и сказала: „Простите, великолѣпныя палаты! прости, милое жилище моей благодѣтельницы! Роза, воспитанная въ спѣнахъ твоихъ, уже никогда не войдетъ въ тебя; Роза въ смиренной хижинѣ своей не будетъ уже предметомъ зависти!“ . . . Последняя мысль умножила тайную грусть ея сердца. *Прости!* сказала она еще тихимъ, жалкимъ

голосомъ , и спѣшила удалиться. Это горестное движеніе было послѣднимъ вздохомъ свѣтской суешности , которую природа , любовь и дружба истребили навѣки въ невинномъ и чувствительномъ сердцѣ Розы. Она встрѣтила Вильгельма , и забыла грусть свою. Германъ также вышелъ къ ней на встрѣчу , и съ восторгомъ обнялъ вмѣстѣ Розу и Вильгельма — Розу , которая шла жить къ нему ! Онъ спѣшилъ показать ей Амеліины подарки : корзину, наполненную прекраснымъ бѣльемъ и крестьянскимъ плащемъ изъ кисеи и шелковыхъ матерій ; большой столъ краснаго дерева съ серебромъ и съ фарфоромъ , шесть померанцевыхъ деревьевъ и множество цвѣтвъ въ горшкахъ , которые всѣ были разспавлены въ Розиной комнатѣ.

Любезная дочь! сказалъ Германъ: наслаждайся своимъ богатствомъ , не бойся , чтобы злоба людей оправдала ядомъ твое счастье. Мы будемъ всегда жить просто ; будемъ скромны и челоуѣколюбивы. Бѣдные порадуются нашему избытку , и сосѣды не будутъ ему завидовать. Они всѣ думали , что ты сдѣлаешься госпожею : возвращаясь въ ихъ состояніе , утѣшаешь самолюбіе поселянъ и придаешь имъ болѣе важности въ ихъ собщвенныхъ глазахъ ;

они проспятъ тебѣ умъ, паланты и богатство свое. Примѣръ твой можетъ образумить честлюбивыхъ людей; и предпочипая сельскую жизнь, ты испишь за насъ гордой знапности.

Амелія, желая прославить добродѣтель своей милой Розы, объявила наконецъ всѣмъ, что она не хотѣла выйти за Графа Н. Придворныя госпожи, радуясь, что прекрасная Роза навсегда заключилась въ хижинѣ, искренно хвалили ее. Онѣ, разсуждая о томъ, сто разъ повторили все, что обыкновенно говорится о щастіи сельской жизни, любви и неизвѣстности. Ни копорая изъ нихъ не вѣрила сему щастію, но думала увѣрить другихъ. *О Напура! о любовь!* восклицали Дамы — и дней шесть придворные разговоры менѣе обыкновеннаго были сухи и скучны.

Роза вышла за Вильгельма, копорой переселился къ Герману; и всякому путешественнику говорятъ въ Бингенѣ: „Есть ли хотите видѣть прекрасную галерею, богатое собраніе медалей, большой Англійской садъ, подите во дворецъ; но еслили хотите видѣть образъ невиннаго и совершеннаго щастья, то подите въ *жизну* мудраго Германа.“

II.

Сравненіе Дидерота съ Лафатеромъ.

Между сими двумя славными характе-рами были разныя сходства; а главное — что всего болѣе привязывало меня къ тому и другому — находилъ я въ ихъ мламенномъ умѣ и добродушіи. Дидеротъ и Лафатеръ много писали; но таланты обоихъ были гораздо превосходиѣ ихъ сочиненій. Оба въ своемъ родѣ имѣли убѣдительное, особенное краснорѣчіе; оба повиновались воображенію; оба (можетъ бытъ не думая) чувствовали стремленіе бытъ начальниками Сексы, и родились со всѣми нужными для того свойствами. Оба одарены были отъ природы благородною, привлекапельною наружностію: Рафаель выбралъ бы Дидерову голову для изображенія Платоновой, а по Лафатеровой написалъ бы снова голову любимаго ученика Іисусова.

Если бы Дидеротъ не имѣлъ нещастія бытъ атеистомъ, то чувствительность души его была бы милѣе и трогательнѣе, воображеніе пріятнѣе, разумъ яснѣе. Если бы Лафатеръ не былъ Теологическимъ Миспикомъ, то мысли его имѣли бы болѣе разнообразія, блеска, твердости, связи и обширности; онъ

писалъ бы конечно менѣе, но основательнѣе и зрѣлѣе; заслужилъ бы болѣе удивленія, но — менѣе благодарности! вся жизнь его была бы и не такъ славна и не такъ полезна.

И Теологъ и Философъ думали, что бышіе Вышняго Существа и безсмертіе души не подлежатъ дѣйствию обыкновеннаго ума; но первый, силою чувства, ума превосходнѣйшаго всѣхъ систематическихъ отвлеченій, вѣры еще святейшей, достигъ до совершеннаго, внутренняго увѣренія въ тѣхъ безцѣнныхъ, утѣшительныхъ истинахъ, которыя упрямому вольнодумцу казались однимъ суевѣремъ.

Оба страстно любили Изящныя Искусства, и сочиненіями своими доказали необыкновенныя свѣдѣнія въ ихъ красотахъ и правилахъ; но оба судили всегда о произведеніяхъ Искусства пристрастно и *въ духѣ системы*: одинъ судилъ о картинахъ какъ Поэтъ драматическій, а другой какъ Физіогномистъ-наблюдатель.

Вольнодумецъ и Теологъ ревностно хотѣли распространять свои мнѣнія, считая ихъ для людей полезными, а еще болѣе любили благотворить нищету, утѣшая горестныхъ. Когда надлежало помогать бѣднымъ, тогда ашеки не слы-

дился кланяясь набожнымъ людямъ, а Теологъ вольнодумцамъ.

Естьли Дидеротъ имѣлъ болѣе силы ума и таланта, то Лафатеръ былъ дѣятельнѣе волею и сердцемъ, нѣжнѣе и пламеннѣе душою. Но оба имѣли такое изобиліе въ природныхъ дарахъ, что оно мѣшало имъ пользоваться каждымъ даромъ въ особенности и выбиратьъ лучшіе предметы для разума и воображенія.

(Изъ Journal de Paris.)

III.

Рѣчь Французскаго Министра внутреннихъ дѣлъ, произнесенная имъ въ Парижскомъ Музыкальномъ училищѣ, при раздачѣ награжденій.

Юноши!

Естьли бури политическія и безпокойства войны долговременной никогда не мѣшали намъ торжесивовать успѣховъ таланта, то нынѣ слава ихъ еще лучезарнѣе, еще радостнѣе, и мысли о народномъ благоденствіи оживляющъ ревностъ къ щаспливымъ Искусствамъ, когда гимнъ бипвы умолкаетъ, когда пѣснь мира улаждаетъ сердце.

Всѣ дарованія ; должны славить сію радостную эпоху; но всѣхъ болѣе, можетъ быть, искусиво Музыки, которое вливалось въ грудь нашу пламя геройства, а теперь будешь готовить души къ наслажденіямъ мира, и другими звуками питать другія страсти.

Сіе дарованіе, котораго [начало теряется въ дѣйствѣ міра, означило первые шаги человѣка къ гражданскому благоденствію. Прежде нежели опытность научила его выражать свои мысли языкомъ совершеннымъ, Природа даровала ему сіи начальныя звуки, выраженіе юныхъ страстей, ихъ первое краснорѣчіе.

Человѣкъ, не умѣя изображать своего удивленія и желаній, обнаружилъ ихъ пѣніемъ. Величество Природы, поразивъ его чувство, было предметомъ гимна. Красота славилась гласомъ самыхъ желаній, и первая пѣснь родилась съ первою любовію.

Успѣхи Музыки всегда предупреждали успѣхи гражданской общественности. Уже лира гремѣла въ священныхъ дубравахъ, но храмы еще къ облакамъ не возносились. Уже флейта сливала звуки свои [съ пѣніемъ гимновъ, и веселая юность размѣрляла по ней свои быстрыя движенія въ пляскѣ; но мраморъ и [шкань еще не изображали намъ боговъ и красоты.

Съ какимъ же изумленіемъ слѣдуетъ воображеніе за Музыкою опъ сего перваго дѣйствія до успѣховъ ея въ наше время! Нынѣ быспрые звуки утверждены закономъ и чертами изображаются; спремительныя, пламенныя спраспи обузданы правиломъ; всякая мысль, всякое чувство имѣетъ свою краску, звукъ, движеніе и предѣлы свои. И такъ не удивительно, что мы назвали *гармонією* и хипрря дѣйствія Музыки и вѣчныя законы, которыми Творецъ управляетъ вселенною.

Но успѣхи новой Музыки всего болѣе оказываются въ совершенствѣ ея орудій. Легкій смычекъ одушевляетъ сіи четыре инструмента, которыя удовлетворяютъ, такъ сказать, всѣмъ потребностямъ Искусства: будучи соединяемы, служатъ основаніемъ нашихъ концерповъ; а порознь ліютъ въ сердце нѣжность прогательнаго *адажіо*; изображаютъ препенаніемъ спрунъ гласъ и рыданіе скорби; изображаютъ радость звуками яркими, а свирѣность мрачными и быспрыми. Кажется, будто въ нихъ таится душа, которую можемъ вызывать для соединенія съ нашею во всѣхъ ея движеніяхъ.

Рогъ, который нѣкогда раздавался только въ лѣсахъ дремучихъ, звалъ охотниковъ на ловлю, успрашалъ звѣрей и

воспалялъ огонь въ коняхъ гордыхъ, нынѣ равняется нѣжностію съ человѣческимъ голосомъ; изъясняетъ всякое чувство благородныхъ спраспей; тремитъ часто подобно кларнету; возвеличиваетъ Сцену, и умножаетъ ея дѣйствія.

Что скажемъ еще о семъ новомъ орудіи, котораго звонкіе кристаллы гармоническимъ *свистомъ* и *трелетомъ* такъ сильно дѣйствуютъ на душу; котораго священная мелодія попрыскаетъ наши органы, возбуждаетъ чувствительность, вселяетъ задумчивость и посепенно восхищаетъ насъ въ тайное святилище Божества?

Я боюсь ослабить нѣжныя впечатлѣнія, оставленныя въ сердцахъ вашихъ сладкими звуками флейты, гобоя, фагота, арфы; и для того не буду говорить о ихъ дѣйствіи.

Представляя вамъ совершенство, до котораго въ теченіе временъ дошло Искусство, хочу возбудить въ васъ ревность распространить его предѣлы; ибо Искусства безконечны — стремятся отъ творенія къ творенію, и горизонтъ ихъ удаляется по мѣрѣ успѣховъ.

Но среди блестящихъ пріятностей сего пути, не забывайте, о юности! ни дѣли своей, ни вашихъ обязанностей. Чѣмъ

болѣе власти надъ сердцами имѣетъ ваше Искусство, тѣмъ болѣе пребудетъ отъ васъ опечесство. Знайте, что Музыка можетъ исправить или развратить нравы, вселяя склонность къ добродѣтели или къ опасному сластолюбію, творитъ сыновъ Лакедемона или Сибаритовъ.

Сія-по любовь къ добродѣтели вознесла древнихъ Архистовъ на степень Философовъ и самыхъ законодателей. Стремитесь достигнуть нѣкогда такой славы, юные питомцы, и помните, что одною добродѣтелію можете заслужить и щастіе и народное уваженіе.

IV.

О достоинствѣ Древнихъ и Новыхъ.

(Переводъ съ Нѣмецкаго.)

Нѣкоторые люди, очень не молодые, ежедневно перзаютъ слухъ нашъ похвалою минувшаго, унижаютъ новое передъ старымъ и радуются мыслию, что люди и духомъ и шѣломъ вѣкъ отъ вѣка становятся хуже. По ихъ мнѣнію всѣ науки въ упадкѣ, художества грубѣютъ, великія добродѣтели исчезли, и нравственность испорчилась. Они доказываютъ,

что люди нынѣ менѣе ростомъ , слабѣе силами — климаты перемѣнились — земля теряетъ свое плодородіе , а солнце жаръ свой. Хотя и соглашаюсь , что нѣкоторыя изъ сихъ жалобъ справедливы ; соглашаюсь (на примѣръ) , что наша музыка не дѣйствуетъ уже такъ сильно на камни , на лѣса и на звѣрей , какъ музыка Орфеева ; что самой Польской Король Августъ , которой рукою ломалъ подковы , не могъ бы бороться съ Геркулесомъ ; и что уже на моей памяти многія отрасли благороднаго повареннаго искусства пришли въ упадокъ : однакожь могу доказать , что эта мрачная картина въ разныхъ отношеніяхъ не справедлива ; и смѣю увѣрить , что по основательномъ размысленіи перевѣсъ окажется на сторонѣ новаго свѣта.

Я не намѣренъ входить въ подробное изслѣдованіе сего важнаго предмета , а хочу только представить нѣкоторыя возраженія на доводы бранчивыхъ старыхъ людей , которые не могутъ быть ничѣмъ довольны , для того , что они въ ссорѣ съ Природою. Не думаю о соблюденіи методическаго порядка ; картина моя состоитъ изъ разныхъ часшей : съ которой ни начну , все одно.

Не понимаю, какъ можно утверждать, что люди нынѣ развращеннѣе предковъ своихъ. Они конечно открыли много новаго въ искусствахъ и наукахъ; но убійства, грабежъ, вѣроломство, не принадлежащъ къ числу ихъ открытій, еспди не ошибаюсь. Хотя во всѣхъ дѣлахъ человѣческихъ бываетъ какая-то непоспоянная мода, имѣющая вліяніе даже на самыя пороки и добродѣтели; но я увѣренъ, что съ этой стороны мы гораздо лучше Древнихъ. У нихъ была варварская мода во всякомъ случаѣ, такъ сказать, *лѣзть прямо на стѣну*. Кто ненавидѣлъ сосѣда своего, тотъ, при первой съ нимъ встрѣчѣ, вѣдплялся ему въ бороду, или зажигалъ домъ его. Но теперь мода гораздо лучше, и въ гражданскихъ обществахъ нѣтъ уже дикихъ звѣрей. Теперь и непріятель кажется другомъ; всегда учтивъ, всегда ласковъ, когда говоритъ съ вами, и дозволяетъ себѣ одно невинное удовольствіе чернить васъ за- глаза. Онъ помогаетъ вамъ въ нуждѣ, и сажаетъ васъ въ тюрьму единственно тогда, когда вамъ ѣсть нечего. Нынѣ самой жестокой злодѣй не подумаетъ заколотъ меня на улицѣ; а еспли я, по его милости, возненавижу жизнь и брошусь въ рѣку, то онъ не виноватъ. Когда же выведу человека изъ

жертвѣнїя; когда спрашнымъ образомъ оскорблю его, то емь, въ спектаклѣ толкну нечаянно; или скажу ему въ игрѣ: *государь мой! вы смотрите мнѣ въ карты*; или (опѣ чего Боже сохрани!) выгоню его изъ дому за невинный умыселъ приклеить мнѣ рога: тогда онъ пишетъ ко мнѣ самое учпивое письмо; говоритъ, что почитаетъ меня нѣжнымъ въ правилахъ чести, и проситъ зайки или заѣхать въ такой-то лѣсъ, гдѣ онъ намѣренъ опрубить мнѣ носъ или прострѣлить голову.

Всякой согласится также, что Древнїе были ничто передъ нами въ разсужденїи вкуса и добронравїя; ибо пощкой вкусъ, происходящїй всегда опѣ презрѣнїя къ собственному, опѣ любви къ иностранному, кажется особеннымъ характеромъ нашего времени. Хорошо воспитанный Нѣмецъ есть въ самомъ дѣлѣ гражданинъ свѣта; одѣвается какъ Французъ, поетъ какъ Италїанской кастрапѣ, лѣнивъ какъ Гишпанецъ, дурачится и спесивъ какъ Англичанинъ. Таковъ онъ и въ Религїи: Конфуцїй, Брама, Магометъ — для него все одно. А Римляне — какая розница? Привязанные къ своимъ нравамъ и обычаямъ, они презирали иностранцевъ.

Мудрено ли, что варвары и всѣхъ другихъ называли варварами?

Всего болѣе хвалятъ Древнихъ за ихъ любовь къ отечеству; но эпа похвала кажется мнѣ излишнею. Правда, что многіе изъ нихъ могутъ служить примѣромъ сей героической добродѣтели; однакожь замѣшимъ, что Греческая и Римская чернь совсѣмъ не производила великихъ, мудрыхъ Папріотовъ. Поденщики, конюхи были въ Аѣинахъ и въ Римѣ совершенными невѣждами въ Подипикѣ; плотники, каменщики образовали города и деревни однимъ попоромъ или лопаткою; порпные и сапожники занимались только иглою и шиломъ; Римская нищета довольствовалась хлѣбомъ и спектаклями. А у насъ въ Германіи?

Разсмотрѣвъ основательно, увидимъ, что Папріотизмъ нѣкоторыхъ Героевъ древности совсѣмъ не удивителенъ, и что Новые ни мало не уступятъ имъ въ сей добродѣтели. Что опмѣннаго въ славномъ примѣрѣ Ариспида и Темиспокла? Они были враги, но въ опасности Аѣинъ забыли вражду свою и примирились, чтобы Персы не овладѣли Греціею. Наши Папріоты также нынѣшній день ссорятся, а завтра мирятся. Децій по-

жертвовалъ опечеспву своею жизнію: великое дѣло! наши военачальники изъ любви къ опечеспву жертвовали иногда цѣлыми арміями: это гораздо славнѣе! Однимъ словомъ: загляните полько въ нынѣшнія газетны, и вы должны будете сдряпать древнюю Испорію.

Упомянувъ о газетахъ, замѣчу, что въ нихъ находимъ безчисленные доказательства нашего превосходства въ искусствахъ и наукахъ. На примѣръ: въ спасительной наукѣ врачеванія дошли мы до такого совершенства, что трудно понять, какъ умираютъ люди! Въ каждомъ номерѣ вѣдомостей предлагаются самые вѣрные способы излеченія для всякой болѣзни. Одно упрямство людей бываетъ теперь причиною ихъ смерти: они не хопятъ *во - время* прибѣгнуть къ Медицинѣ. Но скоро истребитъ и сіе произвольное самоубійство. Нѣкоторые изъ нашихъ Эскулаповъ думаютъ посвящать себя леченію однѣхъ неизлечимыхъ болѣзней. Одинъ славный, великій Докторъ объявилъ уже въ вѣдомостяхъ, чтобы всѣ больные спарались какъ можно скорѣе приходить въ опчаянное состояніе: ибо онъ твердо рѣшился помогать однимъ умирающимъ.

Наука исправлять человѣческую наружность имѣетъ нѣкоторое сходство съ Медициною: въ ней также неоспоримо превосходство новыхъ временъ. Древніе знали только, какъ украшать лицо; но совсѣмъ не знали великаго творческаго искусства, которое, преображая черпы лица, надѣляетъ людей орудіями чувствъ и цѣлыми новыми членами. Бумажныя нкры, пуховыя груди, спекляныя глаза, поддѣльные зубы, изобрѣнены въ наше время. Когда совершенство новой Механики произвело деревяннаго человѣка, играющаго въ шашки и на скрипкѣ, ходящаго и даже поющаго: то можно надѣяться, что мы скоро увидимъ на улицахъ множество искусственныхъ людей, исправляющихъ всѣ обыкновенныя житейскія дѣла; они будутъ еще гораздо смиреннѣе и безопаснѣе людей истинныхъ, не имѣя въ сердцѣ никакихъ мятежныхъ страстей. Какое благодѣяніе для общества, естли чиновники и судьи будутъ со временемъ избираемы изъ деревянныхъ механическихъ твореній! Тогда красавица не плѣнитъ ихъ опасными улыбками и слезами; тогда блескъ золота не ослѣпитъ ихъ глазъ; тогда пристрастіе не покачнетъ вѣсовъ Оемидиныхъ; тогда настанетъ истинной Аспреинъ вѣкъ,

которой мы изъ благодарности назовемъ
деревянныиъ.

Я могъ бы еще многое прибавить ;
но довольно и сказаннаго для объясне-
нiя моихъ мыслей.

V.

Б л а г о д ѣ л н и е.

Дѣла человѣколюбiя служатъ украшенi-
емъ вѣку и Государству. Когда и гдѣ
бы люди ни поступали добродѣтельно ,
всякое чувствительное сердце радуется ;
но чѣмъ ближе къ намъ благошворитель ,
тѣмъ живѣе наше удовольствiе. Естли
Россiянинъ прогааетъ меня великодушi-
емъ , то я радуюсь какъ человѣкъ и еще
какъ сынъ Россiи. Имперiатрица , любя добро-
дѣтель во всѣхъ земляхъ , обожаетъ ее
въ своемъ отечествѣ ; она есть важнѣй-
шая услуга Государству , и примѣръ ея
не только утѣшительнъ , но и полезенъ
въ гражданскихъ связяхъ , имѣя спаси-
тельное влiянiе на общiе нравы. Потому
обнародованiе великодушнаго дѣла есть
прiятная обязанность для всякаго граж-
данина.

Издатель *Вѣстника* искренно благодаритъ почтенную Особу, кою было сообщено ему слѣдующее (*):

„Одинъ благодѣтельный человѣкъ,
 „проѣзжая черезъ городъ Бахмутъ, узналъ,
 „что нѣкто Роменскій, бывшій тамъ въ
 „Уѣздномъ Судѣ Регистраторомъ, въ 1800
 „году невинно сосланъ въ Нерчинскъ съ
 „знаками безчестія, и что бѣдное семей-
 „ство его въ опчаяніи. Не довольствуясь
 „безплоднымъ сожалѣніемъ, споль (къ не-
 „щастію) обыкновеннымъ въ подобныхъ
 „случаяхъ, сей другъ человѣчества, увѣ-
 „ренный въ добродѣтели и справедливости
 „нашего Монарха, написалъ прогашель-
 „ное письмо къ Осипу Петровичу Козо-
 „давлеву, Сенатору и Члену Коммиссіи,
 „учрежденной для пересмотра прежнихъ
 „уголовныхъ дѣлъ; изобразилъ ему жал-
 „кое состояніе бѣдной жены, шестерыхъ
 „дѣшей, а всего болѣе невинность спра-
 „дальца; просилъ его вступить за не-
 „щастныхъ, и скрылъ имя свое, желая
 „доказать безкорыстіе такой ревности:
 „ибо, зная нашего добродѣтельнаго Госу-

(*) Описаніе сего происшествія, къ общему удо-
 вольствію, уже напечатано въ *Вѣдомостяхъ*;
 но Издатель, помѣщая его въ *Журналъ*, же-
 лаетъ присоединить усердную хвалу свою къ
 общей.

„даря, онъ могъ думать, что поступокъ
 „его удостоится Монаршаго благоволенія.
 „Послѣдствіе доказало, что неизвѣстный
 „имѣлъ справедливое мнѣніе о любви къ
 „добру того достойнаго Сенатора, кото-
 „раго избралъ онъ въ посредники между
 „невиннымъ спрдадльцемъ и Государемъ.
 „Осипъ Петровичъ Козодавлевъ предспа-
 „вилъ его письмо Комиссеи; а сія, испре-
 „бовавъ дѣло несчастнаго и разсмотрѣвъ
 „его, поднесла Императору докладъ. Мило-
 „сердый написалъ на докладѣ: *возвратя*
 „*тны, освободить*; а Кабинету повелѣлъ
 „Указомъ (отъ 4 Февраля, 1802) про-
 „изводитъ Роменскому ежегодной пенсіи
 „по 500 рублей, и сверхъ того доставить
 „ему единовременно 1000 рублей.“

Сіе дѣйствіе Монаршей милости,
 дерзну сказать, не удивляетъ насъ по-
 слѣ всѣхъ благодѣяній АЛЕКСАНДРА
 Перваго. Щастливъ народъ, который при-
 выкаетъ такимъ образомъ *не удивляться!*
 Щастливъ Монархъ, отъ котораго под-
 данные ожидаютъ всегда единаго блага:
 ибо Онъ можетъ быть увѣренъ въ живѣй-
 шей любви ихъ!

А ты, неизвѣстный благодѣтель, по-
 давшій Государю случай спасти и награ-
 дить невиннаго за бѣдствіе! наслаждайся
 успѣхомъ своего дѣла! Сей несчастный,

возвращенный свѣту и семейству, не забудетъ себя въ своихъ молитвахъ — и всѣ добрые Россіяне хотѣли бы знать имя твое, чптобы заплапишь тебѣ дашь общей признапельности!

Издапель желаетъ, чптобы *Вѣстникъ Европы* часто украшался анекдотами добродѣтели, и проситъ всѣхъ Паптрисовъ, всѣхъ друзей челоуѣчества, доставлять ему свѣдѣнiя о происшествiяхъ, утѣшительныхъ для чувствительнаго сердца.

VI.

С М Ъ С Ъ.

Санкт-Петербургская Академiя Наукъ скоро получитъ Гершелевъ телескопъ, котораго стекло величиною въ 20 футовъ. Еще ЕКАТЕРИНА Вторая заказала сдѣлать сiе стекло Гершелю; оно долго лежало безъ употребленiя въ Академiи. Нынѣшней Императоръ пожаловалъ Академiи 14000 рублей, чптобы она возвратила его Гершелю для оправы. Сей Астрономъ самъ сдѣлаетъ весь инструментъ — и Россiя будетъ имѣть лучшiй изъ телескоповъ. (Изъ *Magazin Encyclopedique.*)

Король Прусскiй учредилъ особенную Коммиссiю для разсмотрѣнiя свекольнаго

сахара; дѣлаемаго Докторомъ Ахардомъ. Опыты доказываютъ, что Пруссія посредствомъ сего сахара можетъ ежегодно сберечь два милліона съ половиною талеровъ. (Россія можетъ выиграть еще болѣе.) Изъ остатковъ (marc) выходитъ и водка и родъ кофе, довольно вкуснаго.

Въ Лондонѣ печатается 48 Журналовъ (кроме газетъ). Лучшие изъ нихъ суть: „Monthly Magazine“, издаваемый Филипомъ (самымъ дѣятельнѣйшимъ Лондонскимъ книгопродавцемъ); онъ всѣхъ богатѣе матеріями, и лучше всѣхъ расходуется — 2) Philosophical Magazine, издаваемый Господиномъ Тилло, сочинителемъ славныхъ вечернихъ вѣдомостей, называемыхъ Star; сей Журналъ отличается выборомъ пѣсень — 3) Critical Review, издаваемый Гм. Гамильтономъ; онъ считается нынѣ лучшимъ критическимъ Журналомъ, какъ для иностранныхъ, такъ и для Англійскихъ книгъ. — Книгопродавецъ Филипсъ издастъ еще три Журнала: Модной, Всенной и Купеческой; разумѣется, что онъ не самъ пишетъ, а нанимаетъ Авторовъ. (Англичане могутъ нынѣ славиться только числомъ, а не дарованіемъ Писателей; у нихъ нѣтъ теперь ни одного, даже второкласнаго Автора.)

Французскихъ Вѣдомостей, называемыхъ Мониторомъ, расходится 20000 экземпляровъ, Парижскаго Журнала 14000, *Защитника Отечества* 12000, *Французской Газеты* столько же, *Ключа Кабинета* 8000: по сему можно судить, въ модѣ ли Журналы во Франціи!

Упрехтское Ученое Общество обѣщаетъ наградить золотою медалью того, кто рѣшитъ слѣдующій вопросъ: „Какимъ образомъ можно опвращать поединки, въ такой землѣ, гдѣ считается безчестьемъ не мстить шпагою за нѣкоторыя оскорбленія? и какъ надобно поступать въ такихъ случаяхъ?“ Сей вопросъ не кажется смѣшнымъ только отъ добраго намѣренія спрашивающихъ.

Въ Германіи *дождь идетъ Журналами*, какъ говорятъ Французы: но главная столица ея, Вѣна, сохраняла свою непорочность среди всѣхъ искушеній. Теперь ударилъ послѣдній часъ ея невинности: общество Ученыхъ согласилось тамъ издавать Журналъ *Австрійской и Баварской Литтературы*; вѣроятно, что онъ духомъ и характеромъ своимъ отличится отъ всѣхъ другихъ Нѣмецкихъ Журналовъ. — Миръ оживилъ Словесность въ Венгріи: почти ежедневно выходятъ тамъ новыя книги. Кажется, что Авторы ожидали только

сей щасливой эпохи для успѣховъ своихъ. — Что принадлежишь до вѣдомоспей, то онѣ печатающя и въ самыхъ маленькихъ Австрійскихъ городахъ. Въ Краковѣ выходятъ Польскія и Нѣмецкія газеты. — Вѣнская Ценсура запрещаетъ почти всѣ Французскія и Нѣмецкія книги; однакожь Правленіе дозволяетъ ихъ выписывать любителямъ чпенія, съ тѣмъ условіемъ, чтобы они не продавали ихъ, а только сами пользовались ими.

Уже нѣсколько мѣсяцевъ говорятъ въ Европѣ о новой Планетѣ, открытой въ Палермѣ Астрономомъ Пиацци; но между тѣмъ, какъ Ученые спорили объ ея имени, и какъ славный Лаландъ уговаривалъ ихъ назвать ее именемъ открывателя, то есть *Пиацци*, она скрылась въ небесныхъ пространствахъ. Острое зрѣніе Астрономовъ, *ножныя* телескопы, *акроматическія* шрубки — все бесполезно, и новая Планета исчезла. Наблюдатели успѣли только примѣтить, что она цвѣтомъ своимъ похожа на Юпитера, имѣетъ блескъ осьмиклассной звѣзды, должна совершать свое обращеніе года въ чепыре, и быть въ пять разъ менѣе земли.

VII.

Гимнъ Глупцамъ.

Блаженъ — не шопъ, кто всѣхъ умнѣе:
 Ахъ иѣтъ! онъ часто всѣхъ грустнѣе —
 Но шопъ, кто будучи глупцомъ,
 Себя считаетъ мудрецомъ!
 Хвалю его! блаженъ спокрапно,
 Блаженъ въ безуміи своемъ!
 Къ другимъ здѣсь щасіе превращено:
 Къ нему всегда стоишь лицемъ.

Ему ли ссориться съ судьбою,
 Когда доволенъ онъ собою?
 Ему ль чернить сей бѣлой свѣтъ?
 По маслу жизнь его печешъ.
 Онъ ѣстъ пріятно, дремлетъ сладко;
 Ничѣмъ въ душѣ не оскорбленъ.
 Какъ ночью кажешся все гладко,
 Такъ міръ для глупыхъ совершенъ.

Когда другой съ умомъ обширнымъ
 Прославъ Философомъ всемірнымъ,
 Вдыхаетъ, чувствуя, сколь онъ
 Еще ошъ цѣли удаленъ;
 Какими узкими спезями
 Намъ должно мудрости искашь;
 Какъ прудно слабыми очами
 Неправду съ правдой различашъ;

Когда Сократъ, мудрецъ славнѣйшій,
 Но въ славѣ всѣхъ другихъ скромнѣйшій,
 Всю жизнь наукамъ посвятивъ,
 Для нихъ и жизни не щадивъ,

За тайну людямъ объявляетъ,
 Что все загадка для него,
 И мудрый развѣ по лишъ знаетъ,
 Что онъ — не знаетъ ничего:

Тогда глупецъ въ мечтѣ пріятной
 Намъ хвалитъ умъ свой необъятной:
 „Ему подобныхъ въ мірѣ нѣтъ!“
 Хошите ль? звѣзды онъ сочтетъ
 Вѣрнѣ нашихъ Астрономовъ.
 Хошите ль? онъ расскажетъ, какъ
 Сіяетъ солнце въ царствѣ Гномовъ,
 И радъ божишься вамъ, что такъ!

Боясь спулишь неоспорожно,
 И зная, какъ упасъ возможно,
 Смиренно смогришь внизъ мудрецъ:
 Глядишь спесиво вверхъ глупецъ —
 Спощкнешся ль, въ яму упадая?
 Нѣтъ нужды! вспанетъ безъ стыда;
 И грязь съ себя рукой стирая,
 Онъ скажетъ: *это не бѣда!*

Съ умомъ въ покоѣ нѣтъ покоя.
 Одинъ для имени Героя
 Радъ мірѣ въ могилу обратишь,
 Для крестика безъ носа бышь;
 Другой, желая громкой славы,
 Всѣмъ вѣкъ надъ приемами корпитъ;
 Глупецъ смѣется: „вошъ забавы!“
 И самъ — за бабочкой бѣжитъ!

Ему нѣшѣ дѣла до Правленій,
 До понкихъ, шрудныхъ умозрѣній,
 Какъ спрасши къ благу обращаешь,
 Людей учишь и просвѣщаешь.
 Царь кропкій или Царь ужасный
 Любезенъ, спрашенъ для другихъ.
 Глупцы Нерону не опасны:
 Неронъ не спрашенъ и для нихъ.

Другимъ чувствительность спраданье,
 Любовь не даръ, а наказанье:
 Кто жь вѣкъ свой прожилъ не любя?
 Глупецъ! . . онъ любилъ лишь себя,
 И слѣдственно любимъ неложно;
 Не вѣдаешь измѣны злой!
 Другимъ грустишь въ разлукѣ должно:
 Онъ веселъ — онъ всегда съ собой!

Когда, узнавъ людей коварныхъ,
 Холодныхъ и неблагодарныхъ,
 Душею нѣжный человекъ
 Клянется ихъ забыть навѣкъ,
 И хочетъ лучше жить съ звѣрями,
 Чѣмъ жертвой лицемѣровъ быть:
 Глупецъ считаешь всѣхъ друзьями,
 И мнишь: „меня ли не любишь?“

Есть томная на свѣшѣ мука,
 Змѣя сердецъ; ей имя *скука*:
 Она лезаетъ по землѣ,
 И плаваетъ на кораблѣ;

Она и съ дѣломъ и съ бездѣльемъ
 Приходитъ къ мудрымъ въ кабинетъ;
 Ни шумомъ свѣтскимъ, ни весельемъ
 Отъ скуки умный не уйдетъ.

Но шастливый глупецъ не знаетъ,
 Что скука въ свѣтѣ обитаетъ.
 Гремущку въ руки — онъ блаженъ
 Одинъ среди чепырехъ спѣнъ!
 Съ умомъ всѣ люди Гераклипы,
 И не жалѣютъ слезъ своихъ;
 Глупцы же сердцемъ Демокрипы:
 Родъ смертныхъ Арлекинъ для нихъ!

Они судьбу благословляютъ,
 И бышь умнѣе не желаютъ.
 Раскроемъ лѣтопись временъ:
 Когда былъ человекъ блаженъ?
 Тогда, какъ, думаешь не умѣя,
 Безъ смысла онъ *желудкомъ жилъ*.
 Для глупыхъ здѣсь всегда Аспрея,
 И вѣкъ влашой не проходилъ.

ф.

ПОЛИТИКА.

I.

Италянская Консульта въ Ліонѣ.

(Выписка изъ Журнала сей Консулты.)

Чизальпинская Республика, образованная среди войны соединеніемъ разныхъ областей, могла только отъ мира, времени и мощнаго Правленія ожидать своей политической твердости и внутренняго спокойствія. Она желала своего конечнаго образованія, требовала того отъ Перваго Консула и ждала отъ руки, которая основала ее въ шестое лѣто Республики и возстановила черезъ два года попомъ, способа получить народное единство и рѣшительное бытіе.

Первый Консулъ, удовлетворяя сему желанію, хотѣлъ пріобрѣсти всѣ свѣдѣнія, которыя имѣютъ только сами Чизальпинцы о выгодахъ своего опечесва; и для того чрезвычайная Консульта, составленная изъ 450 Членовъ, людей просвѣщеннѣйшихъ въ Чизальпинской Республикѣ, собралась въ Ліонѣ, какъ въ самомъ удобнѣйшемъ мѣстѣ для нее и Консула, и болѣе другихъ городовъ связан-

номъ, по разнымъ сношеніямъ, съ сѣвѣрною Италією.

Министръ *внѣшнихъ дѣлъ*, прѣѣхавъ въ Ліонъ, вступилъ въ частныя переговоры съ Чизальпинскими Депутатами каждой области, и способствовалъ внутреннему учрежденію Консульты. Она раздѣлилась на пять частей, сообразно съ пятью главными народами Республики, чтобы дѣйствовать спокойно и тѣмъ надежнѣе изъяснить общее согласіе для образованія единого народа. Сіи *отдѣленія* слѣдовали въ своихъ разсужденіяхъ одному плану, чтобы къ прибытію Консула согласить *различныя* мнѣнія и представить ему *общее*, вмѣстѣ со всѣми нужными для него свѣдѣніями. Основаніе Конституціи, утвержденное Законодательнымъ Совѣтомъ Миланскимъ, было предложено каждому Отдѣленію Консульты въ особенності, чтобы узнать мнѣнія и сообщивъ ихъ Французскому Министру. Сверхъ того всякой Членъ написалъ 60 именъ для составленія Законодательнаго Совѣта изъ лучшихъ людей. Консулъ, прѣѣхавъ въ Ліонъ и сѣдавъ все сѣланное Собраніемъ, счелъ необходимымъ для основанія Республики образованіе *трехъ избираемыхъ Коллегій*, и требовалъ отъ всѣхъ пяти Отдѣленій по два списка тѣмъ гра-

жданамъ, которые достойны быть Членами сихъ Коллегій. Между тѣмъ Президенты Отдѣленій собирались у него, и разсуждали о Конспитуціи. Консуль сдѣлалъ въ ней нѣкоторыя перемѣны, сообразно съ его опытнымъ свѣдѣніемъ о пользѣ Чизальпинской Республики. Оставалось только назначить людей для Правленія. Консульша въ первомъ общемъ собраніи своемъ избрала Комитетъ, ссоставленный изъ 50 человекъ, и поручила ему сдѣлать двойной списокъ Кандидамъ для сообщенія Первому Консулу. Сей Комитетъ, по основательномъ разсужденіи, предложилъ Консульшѣ слѣдующее:

„Граждане Депутаты!

„Ваша Комиссія, съ величайшимъ усердіемъ исполнивъ возложенную на нее должность, сдѣлать списокъ гражданамъ, достойнымъ быть Членами Правленія, сообщаетъ вамъ слѣдствіе разсужденій своихъ о выборѣ Перваго Чиновника.

„Она занималась симъ важнымъ предметомъ въ трехъ засѣданіяхъ, и конечное слѣдствіе всѣхъ соображеній вышло дило всегда одно.

„Естьли вообще мало людей, достойныхъ быть первыми Чиновниками, то въ нашемъ внутреннемъ сословіи

„ихъ должно казаться еще менѣе подлин-
 „наго. Шестъ разныхъ народовъ, соспа-
 „вляющихъ нашу Республику, не имѣ-
 „ли времени согласиться во мнѣніяхъ о
 „превосходныхъ людяхъ. Не лзя безъ
 „опасенія выбрать человѣка шамъ, гдѣ
 „люди споль различны законами, обык-
 „новеніями, нравами и мнѣніями — чело-
 „вѣка, который, оставляя всякую частп-
 „ную систему, долженъ заниматься шоль-
 „ко общею для произведенія *духа народ-*
 „*наго*, сей главной опоры Республикѣ.

„Перемѣны и судьба Чизальпинской
 „Республики еще болѣе затрудняли нашъ
 „выборъ. Тѣ люди, которые донинѣ со-
 „всѣмъ не участвовали въ дѣлахъ, едва
 „ли могутъ имѣть нужныя свѣдѣнія для
 „управленія Республикою; а тѣ, которые
 „отправляли важныя должности, въ сіе
 „нещасное время мятежа и раздоровъ
 „не могли снискать общаго уваженія,
 „пріобрѣтаемаго удобнѣе во времена спо-
 „койныя.

„Но естли и найдемъ человѣка для
 „шаконъ великонъ должности, по другія,
 „еще важнѣйшія затрудненія не дозво-
 „лятъ намъ совершенно положиться на
 „сей выборъ. Французское войско не мо-
 „жетъ еще вытши изъ Чизальпинской
 „Республики; оно необходимо для нашей

„политической безопасности, пока еще
„не имѣемъ своей арміи.

„Сверхъ того Чизальпинская Рес-
„публика, хотя и признанная Толентин-
„скимъ и Люневильскимъ практатами,
„не можетъ еще сама собою вдругъ
„пріобрѣсти отъ старѣйшихъ Правленій
„Европы общаго уваженія, необходимаго
„для ея швердаго бытія внѣ и внутри.
„Надобно еще, чтобы многія другія
„Державы признали ее. Нуженъ чело-
„вѣкъ, который именемъ и могуществомъ
„своимъ поставилъ бы Республику на
„степень согласную съ ея величьемъ; но
„сего имени, сего могущества не лзя
„найти между нами.

„Коммиссія заключила, что Собраніе
„Депушатовъ, желая съ одной стороны
„упривердитъ вѣчную Конспишуцію, из-
„брать достойныхъ людей для составле-
„нія Коллегій, Законодательнаго Совѣта
„и другихъ Начальствъ, должно съ дру-
„гой стороны ревностно желать, чтобы
„Генераль Бонапарте почтилъ нашу Рес-
„публику въ особъ своей именемъ ея гла-
„вы, и управляя дѣлами Франціи, согла-
„сился быть *великою мыслію* или душою
„нашего Правленія, во все то время,
„которое покажется ему нужнымъ для
„приведенія разныхъ частей Республики

„въ совершенное единообразіе. Тогда всѣ
„Державы признаютъ ее, и новый блескъ,
„и новое величіе украсятъ начало поли-
„тического бытія нашего!“

Мнѣніе Комитета сдѣлалось общимъ ;
среди радостныхъ восклицаній и громкаго
рукоплеканія Консульта опредѣлила,
чтобы заключеніе Комиссіи предста-
вить Генералу Бонапарте какъ единодуш-
ное желаніе всего Собранія.

Бонапарте, уважая справедливыя
причины Комиссіи и волю всѣхъ Депу-
ташовъ, отвѣчалъ, что онъ будетъ на
другой день въ общее Собраніе, копорому
надлежало торжественно объявить Кон-
спиритію и выборъ Членовъ для перваго
образованія Властей.

Въ два часа Консуль пришелъ въ Со-
браніе, окруженный Французскими Ми-
нистрами, Государственными Совѣтни-
ками, Генералами и всѣми главными Ліон-
скими Чиновниками. Избранные Депу-
ташы Консульта и всеобщія рукопле-
сканія встрѣтили его въ залѣ. Онъ сѣлъ
на возвышенное мѣсто и произнесъ слѣ-
дующую рѣчь:

„Чизальпинская Республика, при-
„знанная въ Кампо - Форміо, испытала
„уже много перемѣнъ въ судьбѣ своей. —
„Первыя старанія объ ея основаніи не

„имѣли успѣха. — Потомъ непріятель-
 „скія арміи завладѣли ею, и бышіе Рес-
 „публики не казалось уже вѣрояшнымъ;
 „но Французскій народъ силою оружія
 „вторично изгналъ вашихъ непріятель-
 „лей. — Съ того времени всячески спара-
 „лись *раздѣлить* васъ. — Покровитель-
 „ство Франціи превозмогло. — Васъ при-
 „знали въ Люневилѣ. — Республика, уве-
 „личенная новою *лятою гаспю* владѣній
 „своихъ, имѣетъ болѣе силы, пвердосни
 „и надежды. — Соспавленные изъ *шести*
 „народовъ, вы соединилесь дѣйспвіемъ
 „Конспишущи, самой лучшей по ва-
 „шимъ нравамъ и обспояпельспвамъ. —
 „Я призвавъ васъ къ себѣ въ Ліонъ какъ
 „главныхъ Чизальпинскихъ граждамъ. Вы
 „сообщили мнѣ свѣдѣнія нужныя для ве-
 „ликаго дѣла, возложеннаго на меня обя-
 „занностію Перваго Чиновника Франціи
 „и долгомъ чловѣка, который болѣе всѣхъ
 „способспвовалъ вашему творенію. — Вы-
 „боръ главныхъ Чиновниковъ, сдѣланный
 „мною, безприспраспенъ и чуждъ вся-
 „кому духу *мѣстности*. — Для Прези-
 „денскаго мѣста я не нашель между ва-
 „ми никого, имѣющаго довольно правъ
 „на общее мнѣніе, совершенно независи-
 „мага опъ духа *мѣстности* и оказавшаго
 „сполько великихъ услугъ опечесшву,

„чтобы можно было поручить ему сію
 „должность. — Представленіе вашей Ком-
 „миссіи, въ которомъ съ испиною и поч-
 „ностію изъяснены всѣ внѣшнія и внут-
 „реннія обстоятельствова вашего отече-
 „ства, пронуло мою душу. Соглашаюсь
 „на ваше желаніе. Буду заниматья еще,
 „пока обстоятельствова сего требуютъ,
 „*великою мыслию* о дѣлахъ вашихъ. — Сре-
 „ди всегдашнихъ умозрѣній моей дол-
 „жности, все, что до васъ касается и
 „можетъ утвердить ваше бытіе и благо-
 „денствіе, будетъ принадлежать къ лю-
 „безнѣйшимъ чувствамъ моей души. —
 „Вы имѣете только частные законы:
 „впредь вамъ надобны общіе. — Народъ
 „вашъ имѣетъ только мѣстные привычки:
 „ему надобны привычки народныя. — У васъ
 „нѣтъ еще армій: Державы, которыя мо-
 „гутъ быть вашими непріятелями, имѣ-
 „ютъ войско многочисленное; но у васъ
 „есть то, что можетъ произвести ихъ:
 „народное множество, нивы плодоносныя
 „и примѣръ, данный вамъ во всѣхъ суще-
 „ственныхъ обстоятельствахъ первымъ
 „народомъ въ Европѣ.“

✓ Послѣ рѣчи Консула, безпрестанно прерываемой рукоплесканіями, читали Конспитудію. Какъ скоро произнесли ея шипуль, общее движеніе Собранія вы-

разило желаніе дать Республикѣ, вмѣсто Чизальпинской, имя *Италіанской*, и Консуль на то согласился.

Конституція Италіанской Республики.

(НВ. Сѣ нѣкотораго времени намѣ извѣстно сполько Конспитущій, что онѣ уже мало занимающѣ любопытство ; но сія кажеться по обстоятельствамѣ надежною, и достойна вниманія. Оставляя многое, чѣмѣ она сходна сѣ другими, или что принадлежишь единственно къ *формѣ*, замѣшимъ только важнѣйшее.)

Религія Каполическая, Апостолическая и Римская естъ Религія государственная.

Верховная власть находится въ обществственности гражданѣ.

Владѣніе Республики раздѣляется на Департаменты, Дистрикты и города.

Всякой человекѣ, рожденный отѣ Италіанскаго гражданина и живущій въ Республикѣ, имѣеть права гражданства. Иностранецѣ можеть получить ихѣ черезъ семь лѣтъ; надобно только, чтобы у него было въ Республикѣ какое нибудь недвижимое имѣніе или заведеніе. Право

гражданства дается еще за опшнныя таланты или ученость.

Три избирательныя Коллегіи, а именно: Коллегія Владѣльцевъ (Poffidenti), Ученыхъ (Dotti) и торговыхъ людей (Commercianti), суть главный органъ народной власти.

По назначенію Правленія Коллегіи собираются по крайней мѣрѣ одинъ разъ въ два года, чтобы выбрать новыхъ Членовъ на убылыя мѣста какъ въ нихъ самихъ, такъ и въ Государственной Консульствѣ, Законодательномъ Совѣтѣ, и проч. Ихъ засѣданіе продолжается только двѣ недѣли. Онѣ совѣщаются, но не судятъ, и собираютъ голоса тайно. Правленіе доставляетъ имъ роспись убылымъ мѣстамъ и свѣдѣнія о способныхъ людяхъ для выбора. Граждане, имѣющіе право на сіи мѣста, могутъ объявлять оное непосредственно Коллегіямъ. Онѣ рѣшаютъ, надобно ли перемѣнять статьи Конституціи, когда Правленіе того требуетъ. Члены ихъ должны имѣть по крайней мѣрѣ 50 лѣтъ отъ роду.

Коллегія Владѣльцевъ состоитъ изъ 500 гражданъ, которые съ недвижимаго имѣнія получаютъ не менѣе 6000 ливровъ ежегоднаго дохода. Ея засѣданія

въ первыя 10 лѣтъ будутъ въ Миланѣ. Она избираетъ изъ Членовъ своихъ *девять* для составленія Цензуры, и представляетъ ей тройный списокъ для избранія Чиновниковъ Республики.

Коллегія Ученыхъ состоитъ изъ 200 гражданъ, избираемыхъ изъ самыхъ славынѣйшихъ людей въ Искусствахъ и Наукахъ, людей извѣстныхъ по ихъ знаніямъ въ церковныхъ или духовныхъ предметахъ, въ Морали, законодательствѣ, и проч. Она заседаетъ въ первыя десять лѣтъ въ Болоньи, выбираетъ изъ Членовъ своихъ шесть для Цензуры и доставляетъ ей тройный списокъ гражданъ, могущихъ отправлять Республиканскія должности.

Коллегія *торговыхъ* людей состоитъ изъ 200 Членовъ, избранныхъ изъ самыхъ лучшихъ купцовъ и фабрикантовъ. Брешиа есть мѣсто ея заседаній въ первыя 10 лѣтъ. Она имѣетъ права Коллегіи Ученыхъ.

Цензура есть избранная Коммиссія трехъ Коллегій и присущствуетъ въ Кремонѣ. Ея заседанія открываются черезъ 5 дней по собраніи Коллегій, и продолжаются только 10 дней. Она избираетъ по большинству голосовъ въ должности изъ тѣхъ гражданъ, копорыхъ

имена находящіяся въ спискахъ, доставлен-
ныхъ ей Коллегіями; избираетъ также
недостигающихъ Членовъ для Коллегіи
Ученыхъ. Ценсура возобновляется при
каждомъ засѣданіи Коллегій.

Правленіе ввѣрено Президенту, Виц-
Президенту, Государственной Консульшѣ,
Миниспрамъ и Законодательному Совѣту.
Президентъ избирается на 10 лѣтъ и
можетъ быть снова избранъ. Онъ пред-
лагаетъ законы, управляетъ министер-
скими дѣлами и власнѣю исполнительною
посредствомъ Министровъ, имъ избирае-
мыхъ. Назначеніе Генераловъ также отъ
него зависитъ. Онъ выбираетъ Виц-Пре-
зидента, который заспупаетъ его мѣсто
въ Консульшѣ и есть ничто иное, какъ его
повѣренный; но не можетъ быть смѣненъ
въ первыя 10 лѣтъ. У Президента хра-
нится печать Республики. Государствен-
ный Секретарь, имъ опредѣляемый, пред-
лагаетъ ему законы, данныя Совѣтомъ,
чтобы онъ скрѣпилъ ихъ и обнародовалъ;
жалованья Президенту 500 тысячъ Ми-
ланскихъ ливровъ.

Государственная Консулыша состо-
итъ изъ 8 Членовъ, имѣющихъ по край-
ней мѣрѣ 40 лѣтъ отъ роду, и на всю
жизнь избираемыхъ Коллегіями. Прези-
дентъ есть глава Консулышы. Онъ вы-

бираетъ изъ Членовъ ея Министра иностранныхъ дѣлъ, который въ его отсутствіе предсѣдаетъ въ оной. Консульта по большинству голосовъ утверждаетъ трактаты. Президентъ управляетъ въ ней печеніемъ дѣлъ, и голосъ его важнѣе всѣхъ другихъ. Она, въ случаѣ произвольнаго отъезда или смерти Президента, избираетъ новаго непременно въ 48 часовъ. Жалованья каждому Члену 50 тысячъ ливровъ.

Президентъ выбираетъ и смѣняетъ Министровъ. Всѣ они ежегодно должны обнародывать расходы свои. Никакой указъ Правленія не имѣетъ силы, если онъ не подписанъ Министромъ. Президентъ избираетъ 10 гражданъ, называемыхъ Совѣтниками Правленія. Они составляютъ особенную Коммиссію, обрабатываютъ проекты законовъ, имѣютъ сношенія съ Орадорами Законодательнаго Совѣта, и говорятъ въ немъ отъ имени Консулты. Они должны имѣть отъ роду 30 лѣтъ, и получаютъ жалованья 20000 ливровъ.

Законодательный Совѣтъ состоитъ изъ 75 Членовъ, имѣющихъ по крайней мѣрѣ 30 лѣтъ отъ роду. Коллегіи могутъ сослаться только половину его изъ своихъ Членовъ. Въ немъ должны быть

граждане изъ всѣхъ Департаментовъ. Правленіе созываетъ его и распускаетъ; но засѣданія его должны продолжаться не менѣе двухъ мѣсяцевъ въ годъ. Члены Коллегій, Консулыны и Министры могутъ въ немъ присутствовать зрителями. Законодательный Совѣтъ избираетъ изъ Членовъ своихъ Коммиссію Орапоровъ; число ихъ можетъ простирается до 15. Имъ сообщаются всѣ законы, которыхъ перебуетъ Консулына. Они имѣютъ тайныя сношенія съ Совѣтниками Правленія, и представляютъ Законодательному Совѣту свое мнѣніе. О законѣ разсуждаютъ въ Совѣтѣ два Орапора и два Совѣтника Правленія. Совѣтъ рѣшитъ въ размольіи по большинству голосовъ; Орапоры не имѣютъ голоса. Членамъ Совѣта опредѣляется жалованья 6000 ливровъ въ годъ, а Орапорамъ 9000.

Главные судебныя власти избираются Коллегіями. Въ дѣлахъ уголовныхъ обвиняютъ или оправдываютъ такъ называемые *Присяжные* (Jury); судьи подводятъ только законъ; они избираются на всю жизнь, еслили не впадутъ въ какое преступленіе.

Президентъ, Вицъ-Президентъ, Члены Коллегій, Цензуры, Консулыны и Законодательнаго Совѣта не подвержены

никакому опивѣшу. Въ случаѣ личнаго преслупленія они отдаются подѣ судѣ лѣтѣмъ Мѣстомъ, къ которому принадлежатъ. Министры даютъ опчепѣ во всемъ, гдѣ естѣ ихъ подпись. Правленіе и Комиссіа Орашоровѣ обнаруживаютъ беззаконія. Естѣли двѣ Коллегіи найдутъ доносъ важнымъ, по онѣ опсылаются въ Ценсуру, которая требуетъ свидѣтелей, обвиняемыхъ, и разсматриваетъ дѣло; находя доносъ основательнымъ, опсылаетъ его въ главное судилище, которое рѣшитъ и потчасѣ исполняетъ. Во всякомъ случаѣ Чиновникъ, опданный Ценсурою подѣ судѣ, лишается мѣста. Ценсура сама можетъ тайно увѣдомлять Правленіе о Чиновникахъ, недоспойныхъ общей довѣренности. Оно смѣняетъ ихъ или предспавляетъ Коллегіямъ, по чему не соглашается со мнѣніемъ Ценсуры. Коллегіи или утверждаютъ мнѣніе Консульты, или, будучи согласны съ Ценсорами, оставляютъ дѣло на разсмотрѣніе слѣдующей Ценсуры, которая или оправдываетъ обвиняемаго или опсылаетъ его къ суду.

Конституція признаетъ между гражданами одно различіе должностей. Каждый свободенъ въ разсужденіи вѣры своей. Во всей Республикѣ народное ученіе дол-

жно бытъ основано на однихъ правилахъ. Національный Инспитутъ будетъ заниматься открытіями, совершенствомъ Искусствъ и Наукъ.

Коллегіи избираютъ пять гражданъ, составляющихъ Счетную Коммиссію. Она ревѣряетъ приходы и расходы Республики.

Если черезъ три года Консульта признаетъ за нужное опмѣнить нѣкоторыя статьи Конституціи, то она представляетъ о семъ Коллегіямъ.

Гражданинъ Маріани изъяснялъ духъ Конституціи и благо ея для всѣхъ частей Республики. — Помощь чинали Учрежденіе Духовное. Епископы будутъ назначаемы Правленіемъ, и утверждаемы въ санъ своимъ Папою. Они избираютъ Священниковъ съ согласія Консулты. — Архіепископъ Равенскій изъяснилъ именемъ всего Духовенства усердіе къ исполненію новыхъ законовъ, и всѣмъ Духовнымъ совѣтовалъ вселять въ народъ уваженіе къ собешвенности и любовь къ Республиканской Конституціи. Первый Консуль, подтверждая слова его, доказывалъ, что народъ долженъ бытъ привязанъ къ Религії, а Духовенство къ законамъ отечества. — Предложенный списокъ Чино-

вникамъ, Членамъ Коллегій и проч., былъ есѣми единодушно одобренъ. Бонапарше, назначивъ въ Вицъ - Президенты гражданина Мельци, обнялъ его и посадилъ подлѣ себя. Все Собраніе взяло живѣйшее участіе въ семъ знакѣ дружества. Гражданинъ Пина въ рѣчи своей представилъ всѣ радостныя надежды Республики. „Естьли рука (сказалъ онъ), которая насъ сошворила и спасла, будетъ управлять нами, то какихъ препятствій можемъ страшиться на пути своемъ? Наша довѣренность равняется съ удивленіемъ, вселяемымъ въ насъ Героемъ, которому мы обязаны своимъ щастіемъ.“

Бонапарте кончилъ засѣданіе и вспалъ; радостныя восклицанія Италіянцевъ и Французовъ провожали его до самаго дому.

II.

Письмо изъ Милана.

Курьеръ за курьеромъ прѣзжали къ намъ изъ Ліона, и всякой житель, получая извѣстія, спѣшилъ сообщать ихъ другимъ. Во всемъ городѣ было безпре-
шанное движеніе; въ кофейныхъ домахъ, на улицахъ, говорили объ одномъ. Вчера

Комитетъ временнаго Правленія обнару-
довалъ слѣдующее :

„Наконецъ судьба Республики осно-
„вана. 26 Января собралася наша Лион-
„ская Консульта, и единодушно приня-
„ла новое Уложеніе. Симвъ торжествен-
„нымъ дѣйствіемъ начинается важнѣй-
„шая эпоха для народа, который радо-
„стно видитъ зарю своего благоденствія
„въ спеченіи разныхъ, примѣчанія до-
„стойныхъ и щасливыхъ для него слу-
„чаевъ. Республика, донинѣ Чизальпин-
„ская, приняла великое имя *Италіанской*
„*Республики*, и Наполеонъ Бонапарте,
„безсмертный, названъ единогласно Пре-
„зидентомъ, а добродѣтельный гражда-
„нинъ Мельци Виц - Президентомъ. Та-
„кимъ образомъ исчезла мучительная
„неизвѣстность въ разсужденіи нашего
„будущаго жребія. Миръ и щастіе Италі-
„анской Республикѣ!“

Можно сказать, что радость здѣсь
общая. Теперь нѣтъ уже людей, кото-
рые не вѣрили бы Республикѣ! Имя Пре-
зидента есть печать ея надежнаго бы-
тія. Никто не жалуется на выборы;
всѣ лучшіе граждане сдѣланы Чиновника-
ми. Нашъ Виц - Президентъ, Францискъ
Мельци, есть Грантъ Гишпаніи, богатъ
и вообще любимъ за его опмѣнную чесн-

ность. Ему теперь 45 лѣтъ отъ роду; онъ имѣетъ пріятной, благородной видъ, скромнѣ, прозорливѣ, ученѣ, много путешествовалъ, знаетъ людей и хорошо пишетъ. Мельци посланъ былъ съ другими Депутатами встрѣтить Бонапарте, когда онъ въ первой разъ шелъ къ Милану: Герой и тогда отличилъ его своимъ вниманіемъ и ласкою. Въ началѣ Миланскихъ безпокойствъ онъ не хотѣлъ принять Республиканской должности, взявъ былъ подъ стражу и отправленъ аманатомъ въ Провансъ; но скоро возвратился въ Миланъ, гдѣ Италіянскіе Якобинцы посадили его въ темницу на 3 мѣсяца. Получивъ свободу, онъ жилъ въ тишинѣ до самаго того времени, какъ другъ его Бонапарте заключилъ Кампо-Формійскій миръ и заставилъ Императора признать Республику. Въ 1797 году Мельци вошелъ въ Члены Большаго Совѣта, и носилъ мундиръ Національной Гвардіи; но скоро, видя новыя безпокойства въ отечествѣ, выпросилъ у Директоровъ дозволеніе ѣхать въ чужіе края. Въ 1798 году принялъ на себя должность Министра Республики при Раиштанскомъ Конгрессѣ, заслужилъ общее вниманіе своимъ разумомъ и практиковалъ съ Графомъ Кобенцелемъ о важныхъ дѣлахъ.

При началѣ войны уѣхалъ къ водамъ Баррежскимъ, и наконецъ поселился въ Парижѣ, гдѣ велъ уединенную жизнь. Бонапарте часто совѣщивался съ нимъ, и пригласилъ его съ собою въ Ліонъ. Онъ имѣлъ большія номѣспья въ Гишпаніи, гдѣ живутъ многіе изъ его роденвенниковъ.

Теперь оспасаемся намъ желань *народнаго духа* и просвѣщенія. Новое Правленіе возьметъ конечно лучшія для того мѣры. Членъ Консульпы Сербеллони, извѣстный по своей любви къ наукамъ, давно уже занимается планомъ для учрежденія народныхъ школъ. — Что принадлежитъ до нашей Литтературы, то она цвѣлетъ теперь переводами. Не давно вышли здѣсь *Разсужденіе* Канпа *объ изящномъ* (названное въ Журналахъ *integerrantissima opera*), Спрананія Верпера (*opera di sentimento*), Гуфеландова книга *о словесахъ долго жить*, и *Ravine di Volney, Развалины*, Вольнеево сочиненіе. Лучшее изъ новыхъ оригинальныхъ твореній есть Поэма Мелькюра Джюя, подъ названіемъ *Giulia*, въ которой воспѣваетъ онъ прагическую судьбу Чизальпинской Республики. Книжныя лавки наши, по примѣру лавокъ Парижскихъ, снаружи украшаются нынѣ бюстами Древнихъ, сферами и

ландкартами. Любовь къ чтенію распро-
страняется, и многіе земледѣльцы учатъ
дѣтей своихъ грамотѣ.

III.

Письмо изъ Землина.

Хозя Пасванъ Оглу входитъ въ перегово-
ры съ Порпою и не хотѣлъ занять сво-
имъ войскомъ Бѣлграда, однакожь всѣ ду-
мающъ , что тамошніе Янычары по
его наущенію убили своего Пашу. За нѣ-
сколько минутъ до смерти своей неща-
стный Паша съ двумя пріятелями смо-
трѣлъ изъ окна на городскія окрестно-
сти. Молодой Грекъ пришелъ къ нему
требовать паспорта для возвращенія въ
отечество. Паша, будучи самъ Грекъ,
обвѣчалъ ему, что онъ съ часу на часъ
ждетъ изъ Конспантинополя своего уволь-
ненія, и желаетъ вмѣстѣ съ нимъ ѣхать
въ Грецію. Въ самую сію минуту Яны-
чары вломилась къ нему въ комнату
и ширански умертвили его. Они нашли
у него 2000 червонцевъ, и славныхъ ло-
шадей его раздѣлили по себѣ. Сіи бунтов-
щики и единомышленники ихъ написали
письмо къ Султану, доказывая мнимыя

вины Паши и оправдывая свое злодѣйство; ходили съ сею бумагою по всѣмъ дворамъ и спрашными угрозами заставляли жителей подписываться. Въ диванѣ ихъ, въ которомъ предсѣдаетъ Кая - Ага, ежедневно бывають спрашныя явленія; при всякомъ спорѣ они хватаются за свои кинжалы или пистолеты, и безъ сомнѣнія чувствуютъ висящій надъ ними мечъ справедливаго наказанія. — Сынъ убишаго Паши, находящійся въ Ниссѣ, собираетъ войско и хочетъ итти въ Бѣлградъ для испребленія злодѣевъ.

IV.

Извѣстiя и Замѣчанiя.

Бонапарте, по своему обыкновенію, сыгралъ прекрасную роль: явился въ Ліонъ — выслушалъ мнѣнiя — рѣшилъ — поставилъ Италіянскую Республику на твердое основаніе — и скрылся при общихъ рукоплесканіяхъ! . . .

Онъ нашелъ способъ еще удивить Европу: никто не думалъ, чтобы Консулъ имѣлъ намѣреніе быть главою Италіянской Республики! Общее мнѣнiе давно

уже назначало для сего мѣста Бонапарте, но другова. Теперь любопытные спрашиваютъ: самъ ли Консулъ *вздумалъ* назвать себя Президентомъ Италіянской Республики, или благоразумные граждане того захопѣли? Мы не можемъ знать вѣрно; но Журналисты утверждаютъ первое. Мысль созвать Консульшу въ Ліонъ была уже, какъ пишуть, слѣдствіемъ сего намѣренія, конечно согласнаго со благомъ Италіянской Республики: ибо въ самомъ дѣлѣ она не могла найти между своими гражданами такого человѣка, котораго имя и характеръ имѣли бы право на всеобщее уваженіе, необходимое для сего великаго сана. Если же надлежало искать Президента во Франціи, то избраніе Бонапарте всего сообразнѣе съ честію и съ благодарностію Италіянской Республики; всякое другое оскорбило бы народную гордость ея. Щастіе Консула во всѣхъ дѣлахъ служить ей сверхъ того благопріятнымъ предзнаменованіемъ. Но можно ли Консулу, обремененному дѣлами Франціи, прилѣжно заниматься дѣлами Италіи? Подробности не возможно; но важна система Правленія, важна главная, рѣшительная мысль, для которой всѣ нужныя соображенія уже, такъ сказать, готовы

въ душѣ Бонапарте. Внутреннее состояніе бывшей Чизальпиніи ему извѣстнѣе, нежели другому; а виѣшняя Полипика ея и безъ того зависѣла бы отъ Франціи. — Испаліанская Конспишуція многимъ отличаетъ отъ другихъ — и тѣмъ лучше! Всякая земля должна имѣть мѣстныя потребности, слѣдственно и отиѣну въ характерѣ основательныхъ законовъ; одно безуміе прежней Французской Директоріи хотѣло всѣ Республики отплатить въ одну форму. Учрежденіе трехъ избираемыхъ Коллегій заслуживаетъ особенное вниманіе: такимъ образомъ удалены отъ Правленія люди не имѣющіе никакого состоянія, и потому ничѣмъ не привязанные къ мирному благоденствію отечества. Искусство, дарованіе, ученость безъ имѣнія даютъ право быть Членомъ одной Коллегіи; но онѣ производятъ уже состояніе для человѣка, и сверхъ того предполагаютъ отличныи умъ, всегда любящій благоустройство. Мысль сего учрежденія принадлежитъ собственно Консулу. Временное собраніе Коллегій въ разныхъ большихъ городахъ Республики есть способъ распространить и питать духъ ревности къ общей пользѣ. Однимъ словомъ, еспыли, не смотря на всѣ благоразумныя мѣры полипического законодателя, Испаліан-

ская Республика не будетъ имѣть желаемаго успѣха въ своемъ внутреннемъ образованіи, по мы узнаемъ, что Бонапарте — не знаешь людей! Если же она утвердился, по имя ея совершенно оправдывается, и вся оспальная Италія будетъ отъ нее зависѣть. Часть Пьемонта и Парма, какъ думаютъ, войдутъ въ составъ Республики. Въ Парижѣ носился слухъ, что Французская дивизія подъ начальствомъ Леопольда Бёртье идетъ къ Риму; въ послѣднихъ Гамбургскихъ Вѣдомостяхъ напечатано извѣстіе изъ Италіи, что сія древняя столица міра должна быть столицею Италіанской Республики, и что Папа переселился въ Мальту. Это кажется совѣтъ невѣроятнымъ; несогласно съ мирною системою Консула и выгодною другихъ Державъ, съ которыми Бонапарте не захочетъ ссориться. Между тѣмъ надобно вспомнить, что такъ называемый Конкордантъ (или условіе Французскаго Правленія съ Папою) все еще не обнародованъ; слѣдственно встрѣшились какія нибудь затрудненія: Папа ли на что нибудь не соглашается, или Бонапарте не увѣренъ въ согласіи Французскаго Законодательнаго Совѣта. Изъ Парижа увѣдомляютъ, что Сенаторъ Вольней, извѣстный по своему описанію Египта и другимъ кнѣ-

гаиъ , есть жаркій пропивникъ Конкордапа , и что Бонапарте нѣсколько разъ призывалъ его къ себѣ , вмѣстѣ со многими Сенапорами и знаменитыми Членами Законодательнаго Совѣта , для разсужденій о семъ дѣлѣ.

Можно было предвидѣть , что Французскій Сенатъ исключитъ изъ Трибунала всѣхъ крикуновъ , разсердившихъ Консула : такъ и сдѣлалось ; мѣста ихъ заняты другими. Когда Бонапарте возвратился изъ Ліона , и когда всѣ главные Чиновники спѣшили изъяснить ему свою радость о благополучномъ успѣхѣ Ліонской Консулыты , по , опвѣчая на ихъ привѣтствія , онъ между прочимъ сказалъ , что „государственный (или „Консульскій) Совѣтъ не перестаетъ заниматься гражданскимъ Уложеніемъ , которое въ теченіе года снова будетъ предложено Законодателямъ ; и что они безъ сомнѣнія почувствуютъ , сколь *лучшее во всемъ противно хорошему* (que *le mieux possible est ennemi du bien*).“ — Недоброжелатели Консула укоряютъ его пристрастіемъ къ нѣкоторымъ людямъ , употребляющимъ во зло его довѣренность. Такъ , на примѣръ , Министръ Полиціи Фуше самовольно велѣлъ взять

подѣ спражу двухъ Бриссельскихъ куп-
 цовѣ, обвиняемыхъ въ продажѣ запрещен-
 ныхъ поваровѣ, и отвезти въ Гамскую
 пемницу, вмѣсто того, чѣобы ихъ су-
 дить на мѣспѣ. Бриссельской Мерѣ, ссы-
 лаясь на законѣ, велѣлъ освободить куп-
 цовѣ, и представилѣ о томѣ Трибуналу,
 говоря: „Не думайте, граждане, чѣобы
 „въ семь случаѣ терпѣли только два
 „человѣка, ложно или справедливо обви-
 „няемые въ продажѣ Англійскихъ по-
 „варовѣ; вѣшь, дѣло идетѣ о свободѣ и
 „безопасности всѣхъ Французовѣ. Еслили
 „не остановитѣ самовольства, то мы
 „скоро увидимѣ ужасы, и Гамская
 „крѣпость сдѣлается новою Басиліею.
 „Законѣ великъ судить преступленія на
 „мѣспѣ, и обличенныхъ сажать въ город-
 „скія пемницы; но Гамская крѣпость
 „намѣ не извѣстна: ея имени нѣтъ въ
 „законехъ. Положимѣ, что обвиняемые въ
 „самомѣ дѣлѣ преступники; но топѣ,
 „кто безѣ суда разлучаетѣ отца съ
 „дѣтми, мужа съ женою, и безѣ суда,
 „въ пропивность всѣмѣ ушавамѣ, за-
 „ключаетѣ его въ пемницу, не есть ли
 „самѣ преступникѣ? Не уже ли отѣ
 „гнуснаго дощника будетѣ зависѣть
 „судьба наша? Граждане Трибуны! вы
 „должны увѣдомить о семѣ злоупотреб-

„леніи главнаго Чиновника Франціи и „нашего общаго благопшворителя.“ Трибунапъ, боясь оскорбить Консула, не сказалъ ни слова, и опослалъ къ нему письмо Мера. Между тѣмъ Миниспръ Фуше пославилъ на своемъ, велѣлъ снова взять подъ спражу купцовъ и непременно отправить ихъ, безъ всякаго слѣдствія, въ Гамскую крѣпость; а Бриссельскій Меръ, именемъ Рупъ, смѣненъ за слушаніе. Такого случая довольно для злословія, и всякой любитель Бонапартевой славы пожалѣетъ (NB. естли это подлинно такъ, какъ пишуць). Великимъ людямъ надобно быць весьма оспорожными, чшобы *малые* люди не обманывали ихъ. Какой нибудь Фуше не думаетъ жить для Исторіи и добродѣтели: онъ можетъ имѣть низкія и подлыя спраспи; Консулу не надлежало бы имѣть довѣренности къ такимъ Миниспрамъ. — Всѣ другія Парижскія извѣстія пріятны: тамъ одни ревностно занимающя Искусствами и Науками, а другіе веселятсѣ въ общесствахъ и Спектакляхъ. Въ Журналъ Государственнаго Совѣтника Редерера сообщаютъ намъ за важную новостъ, чшо нынѣ опять воскресли въ Парижѣ ужины, и чшо въ модныя дома не зовутъ уже гостей на чай.

„Собранія сдѣлались малочисленнѣе, но „веселѣе,“ говоритъ Журналистъ: „гдѣ 60 „человѣкъ, тамъ нѣтъ общественнаго „разговора; гдѣ пятнадцать, тамъ надоб- „но говоритъ и слушаетъ.“ — Наслѣдный Принцъ Оранскій въ Парижѣ. Онъ ищетъ покровительства Франціи, чтобы Домъ его могъ имѣть въ Германіи замѣну за Голландію. Судьба Нѣмецкой земли, въ слѣдствіе Люневильскаго пракшапа, все еще не рѣшена: такъ трудно примирить многія выгоды со многими невыгодами!

Лондонская публика нѣсколько времени ничѣмъ такъ не занималась, какъ судьбою несчастнаго Горейскаго Губернатора Валя и храбраго морскаго Капитана Гамильтона. Разительный примѣръ строгаго Англійскаго правосудія! За то, что Валъ въ 1782 году незаконно наказалъ сержанта, онъ повѣшенъ въ 1802 году, не смотря на его службу, на знатную фамилію, на родство съ первыми людьми государства! Король могъ, но не хотѣлъ проситьъ его, желая доказатьъ народу свое безпристрастіе. Валъ, при началѣ своего дѣла, бѣжалъ изъ Англїи; черезъ 20 лѣтъ возвратился, въ надеждѣ, что оно забыто — но эшафотъ ожидалъ его! Народъ непристойнымъ образомъ радовался казни несчастнаго — и не одна чернь: ибо

любопытные плавили по 20 гиней за мѣсто въ шѣхъ домахъ, изъ которыхъ видна была висѣлица! — Капитанъ Гамильтонъ, одинъ изъ лучшихъ Англійскихъ Офицеровъ, съ безчестіемъ исключенъ изъ службы за то, что онъ привязалъ канонера къ мачтѣ. Это безъ сомнѣнія жестоко; но такъ должны исполняться законы, чтобы люди боялись пресупасть ихъ. — — Ліонскія извѣстія сдѣлали сильное впечатлѣніе въ умѣ Англійскихъ Журналистовъ, которые кричатъ теперь: *таково гесполобіе оласнаго Бонапарте!* Даже одинъ изъ Членовъ Парламента сказалъ Министру, что онъ конечно не подписалъ бы предварительныхъ условій мира, если бы предвидѣли намѣреніе Консула въ разсужденіи Испаліанской Республики! Первый Министръ улыбнулся; другіе засмѣялись.

√ Извѣстія о возмущеніи на Французскихъ Американскихъ островахъ оказались справедливыми; но Туссенъ Луверпюръ усмирилъ Негровъ и распрѣлялъ Генерала Моиза, котораго считали главнымъ виновникомъ мятежа. Около 100 Европейцовъ были жертвою свирѣпыхъ бунтовщиковъ. О Гвадалупѣ не имѣютъ вѣрныхъ свѣдѣній; извѣстно только, что одинъ тамошній Мулатъ (Пелажъ) при-

своимъ себѣ власть и выгналъ опшуда Республиканскаго начальника Лакросса. Въ Лондонѣ носится слухъ, что Французскій флотъ, отправленный въ Америку, разбитъ бурей; что многіе корабли пропали, и только четыре пришли въ С. Доминго; что Туссенъ Лувертюрь безъ всякаго сопротивленія вынудилъ Французовъ на берегъ, и принялъ ихъ дружелюбно.

Капитанъ-Паша впрочемъ собираетъ армию противъ славнаго Пасвана Оглу, копорой входилъ съ Порпою въ переговоры, но между тѣмъ умножаетъ силы свои.

Успѣхи Амьенскаго Конгресса не извѣстны. Десять разъ увѣряли, что миръ подписанъ — и все несправедливо.

Алжирскій Бей заключилъ мирный пр�ктиатъ съ Франціею, а Республика Семи - Оспрововъ, или Ионическая, торжественно приняла новую свою Конституцію. Наше время можно назвать временемъ пр�ктиатовъ и Конституцій.

О Россійскихъ книгахъ.

Въ Университетской книжной лавкѣ, что на Тверской, у содержателей Университетской Типографіи, Люби, Гарія и Полова, сверхъ многихъ другихъ книгъ, можно получить сочиненія и переводы *Николая Михайловича Карамзина*:

Сочиненіе новѣйшее: Историческое Похвальное Слово ЕКАТЕРИНѢ Второй. Оно раздѣляется на три Части: въ первой, послѣ вступленія, изображаетъ Авторъ побѣды Рускихъ при ЕКАТЕРИНѢ; во второй Части Законы ЕЯ и духъ правленія; а въ третьей благодѣшительныя учрежденія; заключеніе составляетъ мысли о характерѣ Великой Государыни. Цѣна въ лучшемъ кожаномъ переплетѣ 230 коп., въ папкѣ 2 руб.

Аглая, книжка 1 и 2 я, въ переп. 2 руб. 50 коп.

Аониды, или собраніе разныхъ новыхъ стихотвореній, 3 книжки. въ пер. 5 р. 20 к.

Мои бездѣлки, 2 книжки. въ переп. 2 руб. 50 коп.

Бѣдная Лиза, съ каршинкою. въ пап. 1 р.

Юлія. въ папкѣ 60 коп.

Мелина, переводъ изъ сочиненій Гж. Спаль. въ папкѣ 50 коп.

Новыя Мармонтелевы повѣсти, 2 Тома. въ перепл. 3 руб. 20 коп.

Разговоръ о щастіи, въ пап. 70 коп.

Пантеонъ иностранной словесности ,
переводъ. 3 Тома. въ пер. 4 руб. 30 коп.

Письма Рускаго Путешественника, 6 То-
мовъ, въ переп. 9 руб. 10 коп.

Особо 5й и 6й Тома въ папкѣ 3 руб.
60 коп.

Особо 6й Томъ, въ папкѣ 1 руб. 80 к.

Тажъ же продается :

Новѣйшій всеобщій и полный Секретарь,
содержащій новое, полное и основательное
наставленіе, какъ сочинять всякаго рода
письма, съ пріобщеніемъ многихъ лучшихъ
примѣровъ, состоящій *въ четырехъ Частяхъ.*
Переводъ съ Французскаго. М. 1801. —

Чтобъ преподавать нѣкоторое одобришель-
ное поняшіе о сей книгѣ, которая можетъ
почесться весьма нужною и пособствую-
щею для начертанія писемъ во всякомъ родѣ,
не излишнимъ почиается, разпроспра-
нишься нѣсколько въ подробнѣйшемъ описа-
ніи содержанія оной :

Часть первая заключаетъ въ себѣ, послѣ
нѣкоторыхъ потребныхъ напоминаній о сло-
гѣ писемъ, о разсмашированіи Особъ, къ кому
оныя пишущся, примѣры писемъ важнаго и
любопытнаго содержанія, какъ-то: письма
ушѣшишельныя, поздравительныя, похваль-
ныя, благодарительныя, совѣшовательныя,
увѣщательныя, препоручительныя, любов-
ныя, о разныхъ нравоучительныхъ, испори-
ческихъ, беллетрическихъ и пр. предметахъ.
Всѣхъ писемъ въ сей Части помѣщено 62.

Часть вторая содержитъ въ себѣ письма
дружескія, нравоучительныя, просительныя,

благодарительныя , учтивыя , службныя , увѣдомительныя , приглашительныя и признательныя. Число всѣхъ писемъ въ сей Часни простирается до 97.

Часть третья содержишь въ себѣ письма поздравительныя на Новой годъ , на день рожденія и именинъ , созывательныя , жалобныя , выговоръ содержащія , укорительныя , похвальныя , извинительныя , утѣшительныя , издѣвочныя и любовныя. Число всѣхъ писемъ въ сей Часни простирается до 94, не считая ошѣстовъ на нѣкошорыя нѣбныхъ.

Часть четвертая содержишь въ себѣ о торговлѣ вообще; о ярмаркахъ , Портахъ и гаваняхъ Россійской Имперіи; о торговлѣ иностранныхъ городовъ; изъясненіе словъ, употребляемыхъ въ Коммерціи, по Алфавиту; письма купеческія новышнія; форму векселей и росписокъ; подробное Вексельное правовѣденіе; шаблицу о процентахъ; контракты; вѣрющія письма; послушныя и проч. объявленія; прозбы; пропуски; амшесшаты; ошпускныя и духовныя.

Изъ сего крашкого показанія существеннаго содержанія сей книги всякъ легко усмѣрѣшь можешь, что оная нужна въ общешипи для особъ разнаго званія и сословія, коимъ оная съ увѣришельносцію и рекомендуется.

Цѣна ей въ кожаномъ перепл. 3 руб. 80 коп., безъ перепл. 3 руб.

Иногородные, желающіе оныя книги, или какія другія имѣть, могутъ ихъ исправно получить изъ оной лавки чрезъ Почту.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

МАРТЪ 1809.

№ 6.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Послѣдніе дни Лафатеровою жизни ().*

Имена людей, которые авторскою дѣятельностію своею имѣли большое вліяніе на современниковъ, должны ославляться въ памяти друзей человѣчества. Пусть легкомысленная полна гоняется шолько

(*) Можетьбыть эта піеса не пронешъ сколько Читателей Журнала, сколько она Издашеля пронула. Онъ вспомнилъ три недѣли, проведенныя имъ въ Цирихѣ и, можно сказать, въ домѣ Лафатера, у котораго онъ бывалъ ежедневно, обѣдая съ его семействомъ, и гуляя съ нимъ за городомъ. Почтеніе къ добродѣтелямъ челоука, уваженіе къ палантамъ Автора, благодарность къ гостепріимному хозяину были основаніемъ искренней любви его къ Лафатеру, которій за нѣсколько недѣль до смерти своей еще помнилъ объ немъ.

за новостію, думаетъ только о настоящемъ и все прошедшее забываетъ! пусть впечатлѣнія *видимаго* составляютъ всю моральную жизнь ея! Быстрая рѣка времени уноситъ съ собою и мнѣнія и любезныя слово народа; но мы не должны быть ему подобными, естъли когда нибудь размышляемъ о важной судьбѣ человѣчества. Явленіе исчезаетъ, но дѣйствія его остаются и переживушь насъ. Человѣкъ сошелъ съ театра, но тѣнь и духъ его, такъ сказать, носятся въ мірѣ и бесѣдуютъ съ наблюдателемъ.

На самомъ разсвѣтѣ новаго вѣка умеръ человѣкъ, который во многихъ отношеніяхъ былъ достоинъ примѣчанія, и дѣйствовалъ не въ мертвомъ царствѣ наукъ, но въ живомъ мірѣ людей; человекаго многіе ненавидѣли и судили жестоко, несправедливо; котораго многіе боготворили и спавили выше всего, также несправедливо; который имѣлъ великіе таланты, но не воспользовался ими; могъ быть свѣтиломъ истиннаго просвѣщенія, но былъ только *лепугилъ огнемъ* и велъ людей по по вѣрнымъ стезямъ истины, по по дбрямъ мечтанія: ибо не правилъ воображеніемъ, а слѣпо ему повиновался; человѣкъ, который, будучи до небесъ превозносимъ толпою, оказы-

вался слабымъ и малодушнымъ ; но , разимый ударами всемогущаго тиранства , возспалъ во всемъ величїи духа , и перзаемый ужасными плѣсными болѣзнями , умѣлъ быть выше міра и спраданїя ; человѣкъ имѣвшій великое влїянїе на современниковъ , а можетъ быть и на самый характеръ прошедшаго вѣка . Я говорю объ Іоаннѣ Каспарѣ Лафатерѣ .

Сочиненїя его всѣмъ извѣстны : смѣсь добродѣтельныхъ и набожныхъ чувствъ съ непонятными заблужденїями ; зеркало пылающей души ; помрачаемой какимъ-то дымомъ ; единообразїе мыслей въ удивительномъ разнообразїи оборотовъ и выраженїй . Ихъ всѣ читали , когда Авторъ писалъ ; а теперь едва ли не все забыто . Крипическое разсмотрѣнїе безчисленныхъ Лафатеровыхъ книгъ можетъ быть занимательно для любопытнаго разума ; но теперь опишу только послѣднїе дни жизни его , которыми я былъ свидѣтелемъ .

Нещастная Революція въ Швейцарїи произошла какъ отъ внѣшнихъ непрїятностей , подъ именемъ свободы угнетавшихъ народъ свободный , такъ и отъ внутреннихъ раздоровъ , которые способствовали гибельнымъ успѣхамъ первыхъ . Малое число испинныхъ Швейцарскихъ Патріотовъ

не могло явно противопоставиться силѣ ихъ ; но могло бы стараться о примиреніи умовъ, соглашавъ, соединявъ сердца людей, дѣйствовать по одному чувству, стремиться къ одной цѣли, приводить въ стыдъ наглость гнусныхъ лицемѣровъ. Напротивъ того сіи Напрѣоты слѣдовали вдохновенію личныхъ страстей, особеннымъ своимъ правиламъ, и забывали общую пользу. Только нѣкоторые дерзали говорить смѣло и мужественно ; только нѣкоторые дѣйствовали сообразно съ истинною любовію къ отечеству.

Лафатеръ былъ въ числѣ ихъ. Не слѣдуя никакой особенной полипической системѣ тогдашняго времени, онъ въ народныхъ рѣчахъ своихъ проповѣдывалъ одну истину и миролюбіе. Между тѣмъ какъ другіе, впрочемъ достойные люди, на священныхъ кафедрахъ изъявляли ненависть къ своимъ противникамъ, Лафатеръ безъ всякаго пристрастія говорилъ о любви братской, о справедливости, о крепости Христіанской.

Въ разсужденіи внѣшнихъ непріятелей чувство утѣшенной невинности, въроломно нарушеннаго мира, оскорбленныхъ правъ народа вольнаго и благороднаго, могло найти нѣкоторое утѣшеніе въ томъ, чтобы твердо и мужественно сказать

тиранамъ Франціи : вы тираны ! губите , терзайте насъ ; но мы живемъ и умремъ свободными ; никакая власть въ мірѣ не зазрѣтитъ намъ говорить истину ! Не лзя было ожидать успѣха отъ такой героической смѣлости ; но моральное чувство требовало удовлетворенія , а справедливость жертвы . Никто изъ Папріотовъ не дерзалъ восстать противъ свирѣпости Директоровъ ; никто не хотѣлъ пожертвовать жизнію или по крайней мѣрѣ личною свободою . Лафатеръ на по рѣшился , и написалъ свое извѣстное письмо къ Французской Директоріи , въ которомъ онъ , краснорѣчиво и мужественно , изображаетъ всѣ злодѣянія тирановъ въ его несчастномъ опечесивѣ ; говоритъ гласомъ ихъ раздраженной совѣсти , естли они только могли имѣть ее ; предсказываетъ судь вѣковъ ; закликаетъ сильныхъ быть справедливыми ! Сіе прогашельное письмо останется въ лѣтописяхъ ; оно , можетъ быть , есть лучшее изъ Лафатеровыхъ сочиненій .

Героическій Папріотъ отвергнувъ щипъ , обнажилъ грудь свою : о спыдъ человѣческа ! самые сограждане его , употребляя во зло минутную власть свою , полученную ими отъ Французовъ , начали гнать искренняго , добродушнаго Лафатера . Онъ не устрашился , и все еще говорилъ

истину. Скоро удалось злодѣямъ его выйдти повелѣнiе отъ Французской Директорiи, чтобы Лафатера выслать изъ Цириха и заключить въ Базель. 16 Мая 1799 году разлучили его съ семействомъ и съ дѣтми духовными, сердечно къ нему привязанными. Черезъ три мѣсяца онъ возвратился свободнымъ, обнялъ домашнихъ и спремился излить свое сердце на кафедру... минуша торжества для мужеспвенной добродѣтели, любви къ отечеству, чувспвищельности и краснорѣчiя! Священный Орапоръ проливалъ слезы благодарности, привѣтствуя радостныхъ учениковъ и друзей своихъ! Съ какою любезною кротостiю говоритъ онъ въ сей проповѣди о личныхъ врагахъ своихъ! не укоряетъ никого, но благодаритъ Бога за претерпѣнное, за новыя сладкiя чувства, за новую вѣру!... Чрезвычайные, великiе случаи, дѣйствуя на душу пвердую, развиваютъ въ ней чудесныя силы, ей самой неизвѣстныя во времена спокойныя. Сiя рѣчь служитъ доказательствомъ его Христiанскаго миролюбiя. Надобно вспомнить, что Авспрiйцы и Россiяне занимали тогда Цирихъ; казалось, что вся Швейцарiя скоро долженствовала освободиться отъ Французскаго ига. Непрiятели Лафатеровы препешали: онъ могъ

тремѣшь пропивъ ихъ гибельной системы, но вмѣсто того проспираетъ къ нимъ руку братской любви, и скромно говоритъ о новой переменѣ, заклиная всѣхъ оставить распри, соединиться душою, забыть всѣ личности, обиды, вражду.

Извѣстно, какъ скоро все опять переменилось, и какъ Массена снова занялъ Цирихъ. 26 Сентября 1799 вошли туда Французы — и съ сего дня начинается ужасная эпоха шѣлесныхъ Лафатеровыхъ спраданій.

Кто бывалъ въ городѣ, въ который входитъ разъяренный сраженіемъ побѣдитель, преслѣдуя бѣгущаго непріятеля, тотъ вообразитъ себѣ ужасъ, мучительное ожиданіе гражданъ. Цирихскіе жители имѣли причину бояться Французовъ, оказавъ несомнительнымъ образомъ свое дружелюбное расположеніе къ Авспрійцамъ и Россіянамъ. Они заперли всѣ лавки и скрылись въ домахъ. На улицахъ раздавался только стукъ оружія; солдаты разсѣялись, бѣгали, искали незапертыхъ дверей, чтобы грабить или требовать денегъ отъ жителей. Лафатеръ видитъ, что два гранадера спучаются въ ворота сосѣдственнаго дому, гдѣ жила спарая, больная женщина; они прегуютъ вина, и копятъ прикладами отбить ворота.

Онъ воображаетъ спрахъ этой бѣдной женщины, еспьли они вломятся въ домъ; забываетъ оспорожность, не слушаешъ дѣшей своихъ, спѣшишь на улицу, выноситъ солдапамъ бутылку вина, наливаетъ для нихъ, говоришь съ ними ласково, и еще находить способъ прекрашншь ихъ ссору съ другими солдатами. Они кажутся совершенно довольными, такъ чпо одинъ гранадеръ изъясвилъ ему ласковыми словами благодарность свою, ударилъ тихонько по плечу и сказалъ: „спасибо, доброй человекъ! прости: ты „одолжилъ насъ!“ Лафатеръ остановился у дверей своего дому. Приходитъ еще солдатъ, и пребуешъ у него денегъ; получаетъ — не доволенъ, пребуешъ больше, и грозитъ ему саблю. Лафатеръ видить гранадера, который обошелся съ нимъ такъ учпиво, и который въ десяти шагахъ опъ него говорилъ съ поварищами; онъ подходитъ къ нему, и жалуешся на свирѣпаго солдата. Но самый эпотъ гранадеръ, можетъ быть опъ дѣйспвѣя вина, въ бѣшенствѣ оборачиваетъ ружье, упираешъ его въ грудь Лафатеру и кричитъ: *денегъ! денегъ!* Лафатеръ и другой Цирихской жипель хопяшъ опвесни рукою шпыкъ: вдругъ раздаешся выспрѣлъ, и первый, смертельно раненный,

падаетъ на руки къ вѣрному согражданину, который уже снималъ его: жершва своего нѣжнаго человѣколюбія!

Съ сего времени, не смотря на всѣ усердныя старанія Медиковъ, онъ не могъ уже выздороветь совершенно; истощеніе и слабость мѣнялись съ обманчивыми знаками исцѣленія. Весною и лѣтомъ въ 1800 году, живучи въ деревнѣ, онъ чувствовалъ нѣкоторое облегченіе.

Тѣлесныя спраданія не мѣшали его духу съ обыкновенною ревностію заниматься благомъ своего отечества: что доказывается между прочимъ его письмомъ къ Гельветической Директоріи отъ 29 Ноября 1799, заключеннымъ слѣдующими словами:

„Надѣюсь, граждане Директоры, что вы уважите мои предложенія для блага отечества, и не захотите быть пиранами, думающими только о личныхъ выгодахъ. Qui monet, amat. Примите изъясненіе моего почтенія, еслили вы не обращаете власти своей въ право, а только основываете ее на правѣ.“

Слабость здоровья не позволяла ему самому проповѣдывать; но чтобы не разорвать душевной связи своей съ прихожанами, то онъ писалъ для нихъ увѣщанія и наставленія, которыя читалъ

имѣ на кафедрѣ поварищѣ его, Г. Гессѣ. Однакожѣ въ день причащенія, 14 Сентября 1800, Лафатерѣ непремѣнно захотѣлъ самѣ бысть въ храмѣ и бесѣдовать съ ними изустно. Въ церкви собралось множество людей. Его принесли на креслахѣ; всѣ смотрѣли на него съ душевнымъ умиленіемъ. Онѣ съ прудомъ могъ вспасть, и помнымъ голосомъ началъ говорить:

„Едва могу сказасть вамъ нѣсколько
 „слабыхъ, тихихъ словъ, въ сей торже-
 „свенный и свяшый день, о друзья мои
 „и братія! Сердце мое желало еще бесѣ-
 „довать съ вами въ послѣдніе часы жиз-
 „ни. Я исчезаю ежедневно. Уже смерть
 „обитаесть въ сей груди расперзанной!
 „Въ послѣдній разъ спою предъ вами;
 „голосъ мой несется къ вамъ изъ предѣ-
 „ловъ могилы, изъ вратъ вѣчности. Лю-
 „бите другъ друга, успѣвайте въ Хри-
 „стіянскихъ добродѣтеляхъ, надѣйтесь
 „на Бога единого! Тогда, тогда возвра-
 „щится миръ, пишина, порядокъ и
 „благоденствіе въ наше опечесство. Уже
 „ничто земное не можетъ обольцасть
 „меня; уже всѣ призраки міра оставили
 „жертву смерти. О друзья мои! въ сей
 „день, копорый можетъ навѣки разлу-
 „чить меня съ вами, подтверждаю, что

„всегда говорилъ вамъ: *та душа един-*
ственно можетъ быть спокойна, которая
живетъ надеждою на Провидѣнiе!“ . . .
 Глубокая пишина царствовала. Всѣ про-
 ливали слезы, и всѣмъ казалось, что онъ
 проповѣдуетъ уже изъ гроба.

Я самъ въ это время прѣхалъ въ
 Цирихъ, и желалъ видѣть Лафатера; но
 друзья мои не думали, чтобы онъ могъ
 принять меня. Однакожъ я пребоваъ
 дозволенiя — и получилъ его; прищелъ
 въ назначенный часъ, и былъ введенъ къ
 нему его привѣтливую дочью (*).

Никогда не забуду впечатлѣнiя,
 произведеннаго въ моемъ сердцѣ первымъ
 взоромъ на страдающаго, изнуреннаго,
 блѣднаго Лафатера. На лицѣ его, нѣкогда
 оживляемомъ игрою пылкой души, изобра-
 жались слабость, изнеможенiе, тѣса бо-
 лѣзни. Прежде оно выражало кротость,
 искреннюю любовь: шупъ въ углублен-
 ныхъ и, какъ сказать, *разстроенныхъ*
 чертахъ его видна была страшная свирѣ-
 постъ тѣлесныхъ мукъ и терзанiй. Каза-
 лось, будто душа уже совершенно отдѣ-
 лилась отъ физическаго соснава, но еще

(*) Ей было лѣтъ 12 отъ роду, когда я ви-
 дѣлъ ее въ Цирихѣ. Она казалась ошмѣнно
 умною по своимъ лѣшамъ, и ошедъ радо-
 вался его. — К.

не удалилась отъ него, и своимъ близкимъ присутствіемъ изливала нѣкоторую живость на сѣи, нѣкогда ей любезныя черты. Онъ спрдалъ ужасно. Рана съ одной стороны не закрывалась, и ребро, мимо котораго прошла пуля, начинало гнить. Онъ мучился еще сильнымъ кашлемъ, умножавшимъ боль внутреннюю, которая иногда такъ усиливалась, что онъ кричалъ и долго не могъ сказать ни слова.

Не смотря на то, какъ скоро спрданіе хопя нѣсколько облегчалось, мы должны были удивляться его спокойствію, даже самой веселости. Мысли и чувства были въ немъ совершенно независимы отъ телесной боли. Онъ говорилъ о причинѣ ея какъ ревностный, пламенный Христіанинъ, не знающій злобы и любящій враговъ своихъ. „Я не желаю, сказалъ Лафатеръ, „знать челоѣка, который ранилъ меня смертельно; но мнѣ „хотѣлось бы его увѣдомить, что искренно „но прощаю ему, искренно благодарю „его! Ахъ! онъ не знаетъ, какимъ великимъ добромъ я обязанъ этой ранѣ и „теперешнимъ моимъ неизъяснимымъ „спрданіямъ!“

Любопытно мнѣніе его о пользѣ сего спрданія, и служитъ доказательствомъ

всегдашней Лафатеровой мечтательности. Онъ думалъ, что тѣло его чрезъ то укрѣпляется, и что великая боль разбивается въ немъ новыя, тайныя силы; а какъ *тонкое* эфирное тѣло, которое, по его воображенію, ожидаетъ насъ въ будущей жизни, должно отвѣтствовать нынѣшнему, то онъ можетъ надѣяться, что его эфирное тѣло будетъ превосходнѣе; и что онъ въ здѣшней жизни, посредствомъ чрезвычайныхъ мукъ, пріобрѣтаетъ уже то совершенство, которое другимъ, мало спрдавшимъ, дано будетъ за гробомъ! Такое мнѣніе по крайней мѣрѣ ново (*). Другое едва ли еще не страннѣе; а именно, ему казалось, что Небо, посылая горести и спрдація одному человѣку, избавляетъ за то другихъ отъ мученія; и что онъ слѣдственно дѣлается избавителемъ своихъ ближнихъ.

Но въ другихъ случаяхъ Лафатеръ показывалъ всю, такъ сказать, ясность ума своего. Съ особеннымъ удовольствіемъ я слушалъ его, когда онъ говорилъ

(*) Въ Боннешовой *Палингенези* есть нѣчто подобное. Онъ также думалъ, что мы по смерти будемъ имѣть *тонкое, эфирное тѣло*, котораго сѣмя или зародышъ въ насъ скрывается. Лафатеръ нѣкогда восхищался Боннешомъ. — К.

о своей Физіогномикѣ, на которую однажды обратилъ разговоръ Французскій Генераль-Коммиссаръ, бывшій у него вмѣстѣ со мною. Лафатеръ самъ называлъ ее слабымъ опытомъ, имѣющимъ единственно то достоинство, что она возбудила общее вниманіе къ сему предмету, коимъ могутъ заняться люди съ превосходнѣйшими талантами. Онъ до послѣдней минуты жизни своей вѣрилъ истинѣ и важности физіогномическихъ наблюденій (*).

Разговоръ коснулся до Руссо. Лафатеръ сказалъ, что онъ уважаетъ въ немъ остроумнаго и пріятнаго Авшора, но человекъ - Руссо не любитъ; что при самомъ первомъ взорѣ онъ почувствовалъ отвращеніе отъ его лица, и не могъ вступить съ нимъ въ разговоръ; что у него никогда не лежало къ нему сердце; что въ Руссовой физіогноміи изображалась

(*) Всякой изъ насъ въ нѣкоторомъ смыслѣ Физіогномистъ. Въ мы говоримъ: *умное, глупое, доброе лице!* Но Физіогномика никогда не будетъ вѣрною наукою, основанною на правилахъ Лафатеръ тысячу разъ самъ обманывался. При мнѣ были въ Цирихѣ два человека, которыхъ онъ хвалилъ чрезмѣрно: послѣ открылось, что они лицемеры и шалуны. Остаемся при темномъ чувствіи! будемъ Физіогномистами для себя, но всегда гордыми признавать ошибки свои! — К.

явная склонность ко злу, и что онъ показалъ ее на самомъ дѣлѣ, отдавъ дѣтей своихъ въ воспитательной домъ (*).

Съ почтеніемъ говорилъ онъ о Героѣ Французской Революціи, Бонапарте, какъ о великомъ человѣкѣ. „Всякой великой „человѣкѣ (сказалъ Лафатеръ) имѣетъ „предѣлъ славы своей, за которымъ на- „чинаетъ онъ сходиться ниже и ниже. Бо- „напарте достигъ до высшей ея степени „на равнинахъ Маренгскихъ и возвращаясь „побѣдителемъ во Францію. Теперь онъ „уже нѣсколько сошелъ внизъ (**).“

(*) Лафатеръ не любилъ Руссо для того, что въ характерѣ ихъ разума и авторитета не было никакого сходства; а это всегда имѣетъ вліяніе и на судъ о человѣкѣ. Лафатеръ любилъ добродѣтель, Руссо также: но онъ и другой достоинствъ любви и почтенія; но онъ и другой ошибался во многомъ. Хорошій человекъ можетъ иногда сдѣлать дурное: такъ, на примѣръ, Руссо отдалъ дѣтей своихъ въ воспитательной домъ, бывъ душою добродѣтелемъ, но имѣвъ несчастное, меланхолическое воображеніе, которое обманывало иногда и разумъ и сердце его. — К.

(**) Лафатеръ, какъ извѣстно, ошибся: Бонапарте послѣ того еще возвысился нѣсколькими ступенями; но мысль его вообще справедлива. Безпрестанно возвышаться не возможно; а какъ скоро человекъ остановится, то въ глазахъ нашихъ онъ уже падаетъ: силовъ мы неблагодарны въ разсудкѣи великихъ людей и талантовъ! Великому человеку для сохраненія славы своей осмеленъ какъ можно скорѣе

Онъ не былъ доволенъ ни копорнымъ изъ Бонапартіевыхъ портретовъ, и показалъ намъ очень хорошей въ табакеркѣ, подаренный ему однимъ Французскимъ Офицеромъ; но и въ семь не находилъ онъ великаго человѣка. Здѣсь считаю нужнымъ замѣтить, что всѣ Французскіе Офицеры имѣли къ Лафатеру опмѣнное уваженіе, и часто ходили къ нему.

О Генералѣ Моро говорилъ онъ не только съ почтеніемъ, но и съ любовію; хвалилъ чрезвычайныя воинскіе таланты его, различныя свѣдѣнія и великодушную скромность. „Но и теперъ, сказалъ Лафатеръ, я повпорилъ бы ему прежнія слова свои: *mon Général, vous n'avez aucune raison raisonnable de continuer la guerre.*“ Онъ ревностно желалъ мира, какъ для блага человѣчества, такъ и для блага угнетенной Швейцаріи.

умереть!! — Лафатеръ былъ сначала энтузіастомъ Французской Революціи, вмѣстѣ со всѣми Швейцарами; но скоро переимѣнилъ свое мнѣніе. Когда я былъ еще въ Женевѣ, онъ писалъ къ одному изъ тамошнихъ моихъ знакомцевъ, что Революція есть дѣло людей, а не Провидѣнія, какъ ему прежде казалось. Въ послѣднемъ письмѣ своемъ ко мнѣ онъ говорилъ: *великія дѣла дѣлаются, но готовятъ еще важнѣйшія; вы меня не разумѣете, но со временемъ поймете.* Добродушной Лафатеръ видѣлъ во всемъ шайнспвенность. —К.

Часто начиналъ онъ говорить о безсмертіи, милой надеждѣ своей. Упом- ленный духъ его, послѣ жестокаго спра- данія, находилъ въ сей мысли опраду и успокоеніе. Тогда казалось, что яркій лучъ будущаго озарялъ его: на блѣдномъ лицѣ показывалась краска, глаза блиспа- ли, голосъ имѣлъ въ себѣ нѣчто торже- ственное, выраженія были прогашельны и величественны.

Всякое свиданіе умножало мое почте- ніе къ нему, и минушы, проведенныя мною съ умирающимъ Лафатеромъ, оспа- нулся драгоценнѣйшимъ моимъ воспоми- наніемъ. Никогда не находилъ я его праз- днымъ; спирадая на одрѣ болѣзни, онъ всегда диктовалъ или письма или *памя- тники для друзей своихъ*, которые надле- жало доставить имъ послѣ его смерти, и въ которыхъ онъ, сообразно съ ихъ харак- теромъ и состояніемъ, давалъ полезныя совѣты, утѣшалъ, ободрялъ ихъ бытъ всегда добродѣтельными. „Я люблю, ска- залъ онъ, „говорить при разлукѣ съ дру- „зьями; всякому можно напомнить что „нибудь полезное, сообщивъ желаніе, на- „дежду; всякой изъ нихъ, вблизи и вда- „ли, получитъ свою долю. Это со вре- „менемъ можетъ произвести хоршее дѣй- „ствіе — когда умолкнутъ на землѣ уста

„мой — когда рука моя уже писать не
 „будетъ. Надобно дѣлать всякое возможное
 „добро; надобно продлить на землѣ крап-
 „кое бытїе наше. Ахъ! кто уважаетъ въ
 „себѣ человѣчество, тотъ найдетъ спо-
 „собъ дать безсмертїе жизни своей, по-
 „крайней мѣрѣ въ сердцѣ друзей!“

Последнимъ сочиненіемъ, имъ издан-
 нымъ и занимавшимъ его во время болѣзни,
 были *письма о ссылкѣ, посвященныя друзь-
 ямъ и недругамъ свободы*. Какъ человѣкъ, не
 видя, но слушая его говорящаго съ жаромъ,
 съ ясностію, не могъ бы никакъ вообразить
 въ немъ умирающаго: такъ, читая сіи
 письма, весьма важныя для исторїи Гел-
 ветической Революціи и самаго Автора,
 никто не сочтетъ ихъ произведеніемъ
 человѣка, расперзаннаго болѣзнію: столько
 въ нихъ жара, краснорѣчія и живости!

И въ сіе время онъ все еще съ жаромъ
 любилъ Искусства, и охотно говорилъ о
 художникахъ. Хотя мнѣнія его о произ-
 веденїяхъ художества показывали живое
 чувство къ красотамъ; однакожь видно
 было въ Лафатерѣ дѣйствїе какого-то
 особеннаго вкуса, совсѣмъ не основаннаго
 на общихъ правилахъ, и малое свѣдѣніе
 въ разсужденїи теорїи Искусства. Онъ
 любилъ показывать картины свои, между
 которыми замѣтилъ я нѣсколько прекра-

сныхъ списковъ и оригиналовъ; самая лучшая изъ нихъ была Веспова, съ надписью: *of such is the Kingdom of God* (*). Лице младенца, стоящаго у ногъ Спасителя, опмѣнно мило; небесная невинность и чистота души сіяютъ на немъ какъ въ зеркалѣ; въ мысляхъ моихъ навсегда оспался эпопѣя прелестный образъ. — Множество переплетовъ было у него наполнено прекрасными рисунками лицъ, подъ которыми онъ подписывалъ въ спискахъ свои физіогномическія наблюденія (**).

Прощаясь съ нимъ, я былъ увѣренъ, что ему не долго оставалось жить. Онъ самъ это зналъ, и опвѣчалъ при мнѣ одному иностранцу, которой надѣялся увидѣть его черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ лучшемъ здоровьи: *нѣтъ, нѣтъ! мы расстаемся до вѣчности!* Всѣ были до слезъ пронуты. Французской Аббатъ, мой знакомецъ, сказалъ при семъ случаѣ весьма прогашельно: *mon cher Lavater, je ne vous verrai jamais la dernière fois* (я не увижу васъ никогда въ послѣдній разъ), давая чув-

(*) Т. е. имъ принадлежитъ царство Небесное. — Я помню эту прекрасную картину въ его кабинетѣ. — К.

(**) Онъ называлъ ихъ *физіогномическимъ кабинетомъ* своимъ.

спивоватъ, что образъ его навѣки оспанелся въ его сердцѣ.

Лафатеръ по отъѣздѣ моемъ изъ Цюриха жилъ еще нѣсколько мѣсяцевъ; все такъ же мучился и такъ же былъ спокоенъ духомъ, такъ же дѣятеленъ. Но въ послѣднiя три недѣли боль еще усилилась, и минуны облегченiя спали рѣже; смерть приближалась ежедневно. Прежде онъ говорилъ свободно, и самъ увѣрялъ, что въ разговорѣ забываетъ болѣзнь: тупъ нестерпимая боль въ груди уже не позволяла ему сказать ни десяти словъ сряду. Остаточныя силы его исчезали. Не смотря на то, онъ сохранялъ въ сердцѣ жаркую любовь къ благодѣяниамъ и утѣшенiю страдающихъ, и въ самое то время, когда уже почти боролся со смертiю, велѣлъ нести себя къ больной невѣсткѣ своей. Сие напряженiе ускорило его кончину. Онъ умеръ ввечеру 2 Января 1801 году, на шестидесятомъ году отъ рожденiя.

Едва ли можно сказать, что Лафатеръ дожилъ до новаго вѣка: споль мало было въ немъ жизни въ сии послѣднiе дни! Однакожь онъ вспомнилъ его, и самъ дншовалъ привѣтствiе новому вѣку, въ стихахъ, трогательныхъ для всякаго чувствительнаго сердца. Это ~~молитва~~ ^{молитва} изнуреннаго странника жизни,

который уже сползъ ногою во гробъ. Вотъ переводъ ихъ:

„Наспаль и сей годъ, и сей вѣкъ
 „новый, о милосердый Отецъ челоѣка!
 „Да хвалишь Тебя каждый еще имѣю-
 „щій дыханіе! Да не оспалишь насъ
 „рука Твоей благоспи! Будь нашею радо-
 „стію, утѣшеніемъ и помощію! Да еже-
 „дневно ищемъ и находимъ Тебя! Всякая
 „новая горестъ да соединяетъ насъ съ
 „Тобою новымъ союзомъ, и каждый ве-
 „черъ да обрѣтаетъ сердце наше щасп-
 „ливѣ Твоею любовію и бытіемъ!“

Симъ послѣднимъ изліяніемъ Лафатеровой души заключаю мое описаніе.

Съ Нѣм.

II.

Марія Антуанета.

(Изъ новыхъ Mémoires de Soulavie.)

Марія Антуанета пошчасъ до своемъ прибытіи во Францію имѣла досады, которыхъ не забываютъ женщины. Она должна была изъ благоприспособности скрывать свое неудовольствіе, и сдѣлалась притворною. Марія Терезія хорошо знала Версальскій Дворъ; но поступила весьма неосторожно, велѣвъ своему Мини-

спру, Господину Мерси, требовать, чтобы ея свойственница, Принцесса Лопарингская, и Принцъ Ламбескъ имѣли первое мѣсто послѣ Принцовъ Бурбонскаго Дому на празднествахъ бракосочетанія дочери ея съ Дофиномъ.

Лудовикъ XV обрапилъ сѣ пребываніе въ важное дѣло государспвенной полишки, желая угодить Императрицѣ и Дофинѣ. Зная, сколь вельможи Двора его гордяпся старинными правами своими, онѣ пребывалъ отъ нихъ снисхожденія въ семь случаѣ, обѣщая принять оное за доказательство ихъ всегдашняго усердія къ прону, и дружески упрашивалъ нѣкоторыхъ изъявить тѣмъ благодарность Императрицѣ, которая даритъ Франціи дочь свою.

Но вельможи не были уже такъ послушны Лудовику XV, какъ лѣтъ задесять прежде, и Король удивился странному упрямству Герцоговъ. Самыя придворныя Дамы, на которыхъ онѣ болѣе всего надѣялся, никакъ не хотѣли, чтобы Лопарингская Принцесса танцовала первая послѣ Принцессѣ Крови, и даже отказались отъ бала. Госпожа де-Бульйонъ, не довольспвуясь тѣмъ, позволила себѣ еще нѣкоторыя весьма колкія слова на счетъ новой полишки, и такъ оскорбила Короля, что онѣ запретилъ ей ѣздить

ко Двору. Дофина брала живѣйшее участіе въ семь дѣлѣ, достала копію съ писемъ, которыя Лудовикъ писалъ о помѣкѣ Герцогамъ, заперла ихъ въ особый ларчикъ, и надписала своею рукою: *я всломлю*. Но чтобы не разстроить бала, то Принцесса Лотарингская согласилась шандовать вмѣстѣ съ Герцогинею Дюрасъ, которая по своему мѣсту должна была оспаться при Дворѣ.

Дофина, воспипанная въ помѣ мнѣнїи, что Императорскій Дворъ есть первый въ свѣтѣ, не могла проснить Французскимъ Дамамъ, что онѣ, въ самый день свадьбы ея, не хотѣли уступить первенства собственной ея фамиліи. Хотя Госпожа Ноаль всячески доказывала ей, что обычаи Французскаго Двора строги и непремѣнны; но Дофина находила ихъ смѣшными, и не хотѣла въ своемъ домѣ принимать такихъ безразсудныхъ и гордыхъ женщинъ. Съ сего времени она испила имъ при разныхъ случаяхъ весьма малодушнымъ образомъ, и часпо унижала придворныхъ вельможъ, говоря, что они знапностію своею обязаны проискамъ, и что истинное Французское Дворянство живетъ не въ Версалїи, а по деревнямъ, будучи осуждено на вѣчную праздность.

Первые четыре года, проведенные Марією во Франціи, были единственными щасплавными годами жизни ея. Она плѣняла людей своею блестящею наружностію; черты лица ея были правильны, цвѣтъ его нѣженъ, глаза пріятны (хотя они часто блѣли у нее), ростъ самой лучшей и станъ очень стройной. Марія умѣла также плѣнять и своимъ обхожденіемъ, ласкою и веселостію. На каеедрахъ, въ Академіяхъ, въ лучшихъ обществвахъ, въ Журналахъ, прозою и стихами хвалили ее. Тогда умѣли еще во Франціи говорить пріятныя вещи пріятнымъ языкомъ и съ остроуміемъ щаспливаго времени Лудовика XIV.

Марія воспитывалась быть Французскою Королевою, и знала еще въ Вѣнѣ наши моды, обычаи и всѣ обряды; но пріѣхавъ въ Версалію, не захотѣла слѣдовать никакому скучному для нее обыкновенію; ходила пѣшкомъ съ двумя или тремя дамами, безъ Камергера; звала къ себѣ обѣдать братьевъ Лудовика, и сама у нихъ сбѣдала безъ всякихъ чиновъ. Она показывалась добродушною, челоѣколюбивою, сожалительною. Олень во время правли ранилъ своими рогами бѣднаго крестьянина: Дофина спѣшила оказать ему всевозможную помощь, упѣшала жену

его, посадила ее съ собою въ карету, и опредѣлила ей пенсію.

Марія любила музыку и весьма уважала хорошихъ музыкантовъ; знала Латинской, Нѣмецкой, Италіанской языкъ, и скоро выучилась говорить по Французски съ величайшею пріятностію. Кардиналь Роганъ, бывъ еще Министромъ при Вѣнскомъ Дворѣ, тайнымъ образомъ описывалъ ея характеръ не совсѣмъ хорошими красками: копію сего письма отдали Дофинѣ, которая за то никогда не любила Кардинала.

Марія Терезія совѣтовала ей имѣть довѣренность къ Герцогу Шуазёлю, который ввелъ ее въ союзъ съ Франціею. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ бракосочетанія Дофины онъ былъ сверженъ Герцогомъ Ришильё и Госпожею Дюбарри, а мѣсто его занялъ Герцогъ д'Эгильёнъ, главный врагъ Австрійской партіи. Марія, сидя въ маленькомъ кабинетѣ, нарочно для нее приготовленномъ, видѣла въ Версалѣ чрезвычайное засѣданіе Перовъ и торжество непріятелей Австріи; видѣла униженіе Парламента, который былъ главною опорою Шуазёля; судилище, грозившее Герцогу д'Эгильёну судьбою Генерала Лалли, казненнаго по волѣ Шуазёлевой, было

уничтожено. Дофина не смѣла вступиться за несчастнаго Министра, зная, что Лудовика XV увѣрили, будто Шуазель, опвращая разрывъ съ Вѣнскимъ Дворомъ, оправиль ядомъ Дофина, и хочеть умертвить самого Короля, чпобы править Франціею подь именемъ молодого, неопытнаго Государя и съ помощію Австріи. „Король (сказали Маріи) рѣшился пожертвовать Герцогомъ Шуазельмъ, чпобы спокойно окончатъ дни свои въ объятіяхъ Госпожи Дюбарри, которая, по его мнѣнію, болѣе всѣхъ должна охранять жизнь его. Онъ спрашился такоаго Министра, котораго всѣ считали предприимчивымъ, честолубивымъ и привязаннымъ къ Австрійскому Дому.“

Вѣнское Министертво предвидѣло всѣ возможности, и Марія Терезія, оппуская дочь свою, дала ей на всякой случай особенное наставленіе. Но Дофина, не имѣя ни большихъ талантовъ, ни твердаго характера, не могла пропитьсь тонкимъ хитростямъ старыхъ придворныхъ, и не воспользовалась совѣтами Шуазеля, который, еще не допуспивъ ее до Версаліи, ѣздилъ къ ней на встрѣчу, чпобы во всемъ условиться съ нею.

Дофина, видя въ первый разъ госпожу Дюбарри, похвалила ея красоту и любезность. *Какую должность имѣетъ госпожа Дюбарри при Дворѣ?* однажды спросила она съ притворнымъ невѣдѣніемъ у своей надзирапельницы, Госпожи де Ноаль. Сія Дама отвѣчала, что Госпожа Дюбарри должна угождать Королю и забавлять его. *Естьли такъ*, сказала Дофина, *то я буду ея совѣстницею.* Между пѣмъ спесь и надменность сей женщины спали для Маріи несносны; всѣ праздники и забавы при Дворѣ были только для Дюбарри; Дофина оставалась въ пѣни — и немедленно опмиснила ей по смерти Лудовика XV, уговоривъ супруга своего заключить ее въ монастырь.

Взаимная ненависть двухъ партій, друзей и прошивниковъ Австріи, вмѣстѣ съ участіемъ, которое брала Королева въ сей враждѣ, были первою виною бѣдствій для Королевской фамиліи и для государства. Рассказываютъ, что въ самую ту минуту, какъ Марія Антуанета, прѣхавъ въ Версалю, вышла изъ кареты и сшупила на мраморное крыльцо, ударилъ страшной громъ, отъ котораго весь дворецъ запрялся. *Дурной знакъ по мнѣнію старыѣхъ моихъ современниковъ!* сказалъ Герцогъ Ришельё. Громовой ударъ безъ

сомнѣнія ничево не значить; но Ришельё поспарался, чптобы онѣ сдѣлался нещаснымъ предвѣспіемъ.

Молодой Дофинѣ не менѣе супруги своей огорчался тѣмъ, что Лудвикъ XV удалялъ его отъ дѣлъ. Распочительность Дюбарри казалась ему безспыдствомъ: она нарочно пребывала отъ Короля пакихъ драгоцѣнныхъ вещей, какихъ Дофина не имѣла, и при всякомъ случаѣ явно извѣявляла ненависть свою къ Маріи и къ Дофину, копорые вели скромную, примѣрную жизнь, и спарались только нравиться другъ другу. Дофина, угождая во всемъ Лудовику, искала между тѣмъ слабыхъ его споронъ, чптобы, по наспавленію матери, со временемъ править имъ; но никогда не умѣла исполнить того обширнаго политическаго плана, съ копорымъ отправили ее изъ Вѣны въ Версалію. Не думая о томъ, что Французы съ малолѣтства Лудовика XIV отвыкли отъ женскаго правленія, копорое никогда не бывало спокойно во Франціи, она хотѣла играть ролю, и вооружила противъ себя все Королевское семейство. Тетки Лудовиковы, копорыя послѣ Королевиной смерти были во дворцѣ хозяйками, весьма огорчились тѣмъ, что Марія отправила ихъ въ Бельвию и Мёдонъ,

какъ набожныхъ спарухъ, которыя оказались отъ свѣта, и которыми не чего дѣлать при Дворѣ. Мадамъ (жена Графа Прованскаго) не могла забыть того, что Шуазель предпочелъ ей Эрцгерцогиню, и чрезъ то удалилъ ее отъ Французскаго прона; ибо прежде хотѣли женить на ней Дофина. При Дворѣ говорили, что естли бы Король двумя годами ранѣе сослалъ Шуазеля, то Мадамъ была бы Французскою Королевою.

Марія обходилась гордо съ обѣими невѣстками, которыя платили ей такою же гордостью, и утверждали, что Савойской домъ не уступаетъ Лешарингскому. Французскія Королевы со временъ Лудовика XIV отличались набожностью, скромностью, тихою жизнью, и не вмѣшивались никогда въ государственныя дѣла. Марія Антуанета не слѣдовала сему примѣру, и безпрестанно ссорилась съ невѣстками, Королевскими шешками и съ Принцессою Луизою, которая въ самомъ монастырѣ брала живѣйшее участіе въ славу Дому своего.

Королевскія шешки были добрыя Француженки; неудовольствіе заставило ихъ забыть полицику: онѣ явно осуждали Дворъ и нравы его. Чѣмъ прекра-

снѣе, любезнѣе, смѣлѣе и легкомысленнѣе была Королева, шѣмъ гордѣе показывались шепки, и шѣмъ болѣе хотѣли унизить ея важнымъ тономъ первыхъ временъ Лудовика XV. Вѣроятно ли покажется, что сіи Принцессы, по ненависти своей къ ней, сами разглашали на счепѣ ея вѣпрености множество соблазнительныхъ анекдотовъ?

За то и Королева съ своей стороны любила шумить надъ ними. Увѣряюшъ, что она подсылала къ Графинѣ д'А** шѣхъ молодыхъ вѣпрениковъ, которые повредили ея доброму имени!

Марія, находя вездѣ прошиворѣчїе и малое уваженіе къ ея достоинству, не взлюбила Франціи, предалась склонности своей къ насмѣшкамъ, и чрезъ то умножила число своихъ непрїятелей. Она думала, что ей все позволено, и раздражила неперпѣливый характеръ Французовъ; любя наряды и вѣпреныя забавы, окружила себя легкомысленными людьми, которые привели вѣ подозрѣніе добродѣтель ея. Друзья Королевины были ненавидимы многими вельможами и знашными. Слѣдствїемъ сего было то, что первыми и злѣйшими непрїятелями Двора вѣ Народномъ Собранїи 1789 года оказали себя придворные.

III.

Нѣкоторыя мысли лучшихъ Французскихъ Авторовъ, выбранныя изъ новыхъ сочиненій Госпожи Неккеръ.

Бюффонъ.

Онъ учитъ какъ Эпикуръ, а дѣйствуетъ какъ Сократъ.

„Уже тридцать лѣтъ (говоритъ онъ) я такъ учреждаю доходы и время свое, что у меня есть всегда деньги въ запасъ и часы для пріятелей. Надобно избѣгать всякихъ бесполезныхъ дѣлъ, всякихъ ненужныхъ и пустыхъ издержекъ суетности, чшобы имѣть досугъ для важнаго дѣла и способы для истиннаго щастія.“

Онъ жегъ всѣ письма, говоря, что онъ сохраняющъ ничпожныя привычки минувшаго времени, которое должно оставлять въ насъ одну цѣпь великихъ мыслей.

Бюффонъ во всю жизнь занимался такими идеями, которые чужды другимъ людямъ; и по тому все, что онъ говорилъ, нравился своею новоспійю. Гений его всегда открываетъ связь между человекомъ и науками; краснорѣчіе его есть

ничто иное, какъ превосходное искусство доказывать сію связь.

Бюффону сказали, что въ стихахъ, сочиненныхъ имъ къ портрету Госпожи Неккеръ, мѣра и рѣзъ неправильны. „Произвольному невѣжеству въ условныхъ вещахъ (опвѣчалъ онъ) обязанъ я свѣдѣніями, пріобрѣтенными мною о вещахъ дѣйствительныхъ.“

Бюффонъ не терпѣлъ возраженій и переспавалъ говорить, какъ скоро ему противорѣчили. „Я не могу рассуждать съ людьми (сказалъ онъ мнѣ), которые, въ первый разъ обративъ мысль свою на предметъ, думаютъ, что они въ состояніи противорѣчить тому, кто во всю жизнь имъ занимался.“

Бюффонъ говоритъ, что „всякое общее понятіе надобно выражать просто, и раскрашивать его только въ слѣдствіяхъ.“

„Когда Авторъ обмыслилъ и присвоилъ себѣ великую, новую идею, то искусство его состоитъ въ томъ, чтобы вести чинапелей самымъ пѣвымъ путемъ, который привелъ его къ ней, и украситъ слогомъ всѣ частныя идеи.“

„Въ слогѣ два главныхъ свойства: порядокъ и движеніе.“

„Авторъ краснорѣчивъ, когда пишешь живо; то есть, когда мысль свою сближаетъ съ собою или съ предметами, которые для него любезны.

„Примѣшивъ, что краснорѣчіе его слабѣетъ, онъ старается какимънибудь чувственнымъ образомъ или моральнымъ разсужденіемъ приблизить свой предметъ къ человѣку.

„Искусство прогнать и занимать душу состоитъ болѣе всего въ томъ, чтобы писать картины и обращать мысль на видимыя вещи. Боссюэнъ, сказавъ: *увѣдомленный о томъ моею сѣдиною*, предспавляетъ намъ разительное доказательство сего искусства.

„Слогъ долженъ быть вѣрнымъ изображеніемъ Писателя. Слогъ Жанъ-Жака Руссо не хорошъ единственно тѣмъ, что Авторъ часто себѣ противорѣчитъ (*).

„Первое достоинство Писателя есть ясность: ей должно подчинять все другое. Второе достоинство — живость. Вели-

(*) Но противорѣчія не относяся къ слогу, который есть только живопись мыслей. Бюффонъ говоритъ, можетъ быть, о *несогласіи частей* въ картинахъ.

„кїя мысли пребуютѣ крашкости; про-
 „чїя должно расплодїть.

„Ни вѣ какой книгѣ нѣтъ сполько
 „гармонїи, какѣ вѣ Фенелоновомѣ Теле-
 „макѣ. Фенелонѣ выразилѣ сравненїями
 „многїя мысли *Духа Законовѣ*.

„Черезѣ сорокѣ лѣтъ я все еще нахо-
 „жу недоспашки вѣ моихѣ сочиненїяхѣ,
 „и поправляю ихѣ какѣ вѣ словахѣ,
 „такѣ и вѣ вещахѣ.

„Я всегда изображаю предметѣ, какѣ
 „его самѣ вижу, а не какѣ другїе опи-
 „сали его мнѣ. Надобно прежде имѣтъ
 „мысль, а послѣ искать выраженїя:
 „погда хорошо скажешь. Я никогда не
 „дозволяю себѣ шутїть; не люблю по-
 „добїй, взяпыхѣ изѣ Исторїи или Ми-
 „еологїи.

„Не возможно писатѣ хорошо крашки-
 „ми, опредѣленными предложенїями или
 „апофтегмами. Мысли должны какѣ буд-
 „по бы изливатѣся одна изѣ другой; пере-
 „ходы во Французскомѣ языкѣ весьма
 „трудны.

„Всякое слово можно употребїть вѣ
 „своемѣ мѣстѣ и кспати. Надобно часто
 „избѣгатѣ техническихѣ выраженїй, ко-

„шорья не представляють никакихъ побочныхъ идей и всегда сухи.

„Я люблю постепенность (gradation) словъ. — Сперва напишу книгу, а послѣ думаю, какъ назвать ее.

„Краснорѣчіе не есть Геній; оно состоитъ въ живости слога и красотѣ выражений. Краснорѣчивый Цицеронъ имѣлъ только великіе таланты; но Тацитъ былъ Геній, ибо онъ приводитъ въ систему всѣ мысли свои.“

Мильпонъ есть любимый Авторъ Бюффонъ. Онъ предпочитаетъ его Невпону, говоря, что Мильпоновъ разумъ обширнѣе, и что гораздо труднѣе соединять идеи, для всѣхъ людей занимательныя, нежели найти одну истину, которая изъясняетъ феномены природы.

Бюффонъ любилъ Ричардсона, за то, что сей Авторъ всегда изображалъ знакомые себѣ предметы.

Дидеротъ.

Кажется, что сама Напура пребуетъ онъ Дидерота *излишностей*; въ *умѣренности* своей онъ всегда принужденъ и неловокъ.

Все, что онъ пишетъ скоро, лучше обдуманнаго и поправленнаго имъ. Письмо его о *глухихъ*, сочиненное имъ въ одну ночь, есть лучшее его произведеніе. Когда ему читаютъ книгу, голова его воспаляется; онъ мѣшаетъ свои идеи съ идеями Автора, и думаетъ, что Авторъ великой человѣкъ.

„Я не похожъ на Критиковъ (говоритъ онъ), которые, читая книгу, наполняютъ карманы свои пескомъ; развернувъ ее, хватаю золотыя блестки, и доволенъ.“ — Вы похожи на Алхимистовъ, отвѣчала я, которые пихонько бросаютъ въ кошель свое золото, и послѣ увѣряютъ, что оно тамъ составилось.

„Чтобы писать о женщинахъ, сказалъ Дидеротъ, надобно обмакнуть перо въ радужные цвѣты, и усыпать строки блестящею пылью съ крыла бабочки.“

Одинъ человѣкъ употреблялъ сильныя слова, которыя не производили никакого сильнаго дѣйствія. „Я слышу громъ, сказалъ ему Дидеротъ, а не вижу молніи.“

Говоря съ Великою ЕКАТЕРИНОЮ, онъ изъяснилъ Ей свое удивленіе въ разсужденіи Ея великихъ свѣдѣній. *У меня были хорошіе учителя*, отвѣчала Она: *нещастіе съ уединеніемъ*.

За день до своего отъезда изъ Петербурга, Дидеротъ пришель къ Императрицѣ. Чшо могу сдѣлать для васъ? спросила Она. — „Вы уже все сдѣлали, отвѣчалъ Дидеротъ, вынимая бумагу изъ кармана: „вошъ мои оспальныя требова-
 „нїя! Мирный трактатъ Великой Госуда-
 „рыни съ Философомъ.“ — Я подпишу его не чинпая, сказала ЕКАТЕРИНА. — „Изъ-
 „винише, Ваше Величество! Хотя Цари
 „не всегда обязаны соблюдать и чинпанные
 „ими трактаты, однакожь прошу выслу-
 „шашъ мой. Статья первая. Ни рубля де-
 „негъ, тшобы я могъ хвалить Ваше Вели-
 „чество, не думая дарить за подарокъ.“

Т о м а с ъ.

Онъ предавался сперва всей живоспи своего воображенїя, и писалъ все, чшо ему приходило въ голову, и чшо богатство машерїи представляло его воображенїю; а послѣ соединялъ мысли, спарался выразить ихъ какъ можно короче безъ вреда для яноспи, и самое сильнѣйшее оспавлялъ всегда для конца перїода.

„Въ хорошемъ сочиненїи, говорилъ онъ, должны всѣ мысли изливашься изъ одной главной. Почши всякой раздѣлъ

„вреденъ : въ государствѣ , въ умѣ , въ
 „чувствахъ , въ упражненіяхъ. Все должно
 „примыкать къ средоточію. Натура слу-
 „житъ намъ примѣромъ : небесныя тѣла
 „исчезли бы въ безконечности простран-
 „ства , если бы солнце не соединяло ихъ.

„Мы избалованы , и хотимъ толь-
 „ко благородныхъ выраженій ; однакожь
 „искусный Авторъ умѣетъ смѣшивать
 „простыя съ благородными. Это искус-
 „ство иногда очень сильно дѣйствуетъ на
 „воображеніе , сближая насъ съ великими
 „предметами ; напрошивъ того высокопар-
 „ность удаляетъ чипашеля отъ предмета,

„Многія побочныя идеи часно нра-
 „вятся сами по себѣ , но отвлекающъ
 „вниманіе отъ цѣлаго , и дѣйствіе его
 „теряется. —

„Вольперъ весьма несовершенно изоб-
 „разилъ Эпическую Поэзію. На примѣръ ,
 „говоря о Гомерѣ , онъ долженъ былъ по
 „его стихотвореніямъ изобразить и нравы
 „тогдашняго времени , союзаніе Фило-
 „софіи , Религіи , Искусствъ , и по харак-
 „теру Гомерова сочиненія предсказать
 „идеи его вѣка. Такъ видно въ Миль-
 „шонѣ , что онъ служилъ въ Кромвелевой
 „арміи , тогда , какъ воины называли
 „себя орудіями Небесъ и передъ всякимъ
 „сраженіемъ пѣли Давидовы Гимны.

„Царедворецъ, подобно *Виргилію* любящій своего крѣпкаго и чувствительнаго Государя, долженъ быть спокойнаго духа и представлять все въ ясныхъ, пріятныхъ цвѣсахъ; онъ воображаетъ боговъ, которые пекутся о благоденствіи людей.

„*Луканъ*, жившій подъ игомъ пирановъ, не хотѣлъ ни чудесъ, ни боговъ въ Поэмѣ своей; душа его есть духъ раздора — а какъ единомышленники его не могли побѣдить, то онъ изображаетъ добродѣтель въ бѣдствіи, а порокъ въ торжествѣ и славѣ.

„Система *Эпикурова* есть Философія несчастливыхъ: *Горацій* и *Меценатъ* были *Эпикурейцы*. *Споицизмъ* есть Философія несчастныхъ: къ нему прибѣгали люди въ правленіе пирановъ.

„*Генріада* менѣе всѣхъ другихъ *Эпическихъ Поэмъ* изображаетъ духъ своего вѣка; *Вольперъ* писалъ ее въ молодости, и думалъ только о хорошихъ стихахъ. Однакожь въ ней прославляется перпимость.

„Историкъ не долженъ подробно описывать такихъ приключеній, которыхъ не лзя изобразить драматически; то есть, раздѣлить на предложеніе, слѣдствіе и заключеніе. Иначе подробныя опи-

„санія будутъ скучны , и могутъ зани-
 „мать только современниковъ , которые
 „участвуютъ въ нихъ по своему при-
 „спрасію.“

 IV.

Парижской Лицей.

Лагарпъ есть Герой Лицея ; читаетъ ,
 разсуждаетъ , и бранитъ новыхъ Филосо-
 фовъ , такъ , что уже скучно слушать
 его. Сей неупомимый Профессоръ думалъ ,
 что къ нынѣшнему новому открытію
 Лицея миръ и слава его привлечетъ мно-
 жество иностранцевъ ; но они не успѣли
 еще съѣхаться. Что же дѣлать ? рѣчь бы-
 ла уже написана ; Лагарпъ не хотѣлъ поше-
 рять труда , и весьма торжественно при-
 вѣщивалъ иностранцевъ , которыхъ не
 было ! Онъ возьметъ мѣры , чтобы она со
 временемъ дошла по своему адресу черезъ
 типографію :

Менюда его такова , что онъ лѣтъ
 сто можетъ говорить о Липпературѣ и
 напечатать еще томовъ 500 ; при малѣй-
 шемъ поводѣ возвращается къ тому , о
 чемъ уже давно говорилъ , и повторяетъ 10
 или 20 страницъ , чтобы прибавилъ къ

„нимъ какія нибудь новыя замѣчанія. Внимательные слушатели не знаютъ, что новое и что старое; а читатели, покупая его томы о Литтературѣ, за одно мѣсто платятъ три и четыре раза. На примѣръ, въ послѣднемъ засѣданіи, говоривъ о Монпескьё, онъ снова обратился къ Ламоту и Фенелону, и за ненависть ихъ къ стихамъ такъ разбранилъ обоихъ, что самые ревностные друзья его тихонько между собою говорили: *бѣда! нашъ другъ Лагарпъ излилъ всю желчь свою: что остается ему теперь сказать о Дидеротѣ?* — Одинъ изъ ревностныхъ Лагарповыхъ слушателей напечаталъ въ Журналѣ слѣдующія примѣчанія:

„Главная выгода сего чтенія есть та, „что Профессоръ не пускаетъ насъ впередъ, а держитъ на одномъ мѣстѣ — по „крайней мѣрѣ мы не успанемъ! Все влетаетъ и вылетаетъ: ничего не оспаелся. „Лагарпъ смѣло можетъ повпорять сказанное, и быть увѣреннымъ, что много „гдѣ изъ самыхъ прилѣжныхъ слушателей „найдутъ новымъ всякое слово его. Я часто забавляюсь разсматриваніемъ лицъ, „которыя вижу въ Лицеѣ уже очень давно: „все по же удивленіе, когда Профессоръ „является; по же вниманіе, какъ скоро „отворитъ ротъ; по же восхищеніе, когда

„онъ возвыситъ голосъ; потъ же непо-
 „движный взоръ и страхъ чего нибудь не
 „услышашъ. Иной подумалъ бы, что сѣи
 „люди (которые въ десять лѣтъ не про-
 „пустили, можетъ быть, ни одной Ла-
 „гарповой лекціи) знаютъ наизусть всѣ
 „правила Липпературъ; но я увѣренъ,
 „что и будущій годъ найдетъ ихъ въ
 „такомъ же положеніи: они всю жизнь
 „свою проводятъ въ томъ, чтобы безпре-
 „спанно учиться и опять начинать снова.
 „Я не вижу, для чего Лагарпу не повто-
 „рялъ сказаннаго: онъ могъ бы съ такимъ
 „же успѣхомъ взять печатный томъ свой
 „и читать его на кафедрѣ.“

Любовь къ Липпературѣ часто бы-
 ваетъ соединена съ великою лѣнностію;
 книгъ много, чинашелей мало. Многіе
 люди, пылая страстію къ Словесности,
 не имѣютъ силы читать: надобно, что-
 бы голосъ учителя вливалъ имъ въ голо-
 ву идеи. Прежде знатные господа, изба-
 вляя себя отъ труда державъ въ рукахъ
 книгу, имѣли чтецовъ: теперь для всѣхъ
 насъ Профессоры Лицея служатъ чтеца-
 ми. Если бы такія заведенія размножи-
 лись, то бѣда типографіямъ и книжнымъ
 лавкамъ!

Лицей принадлежитъ къ Исторіи на-
 шихъ нравовъ, и составляетъ особенную

главу въ картинѣ Парижа; онъ достоинъ описанія. Думаю, что нѣкоторые люди въ немъ живутъ какъ дома; ихъ найдешь тамъ во всякое время: то спящихъ на креслахъ передъ каминомъ, то пробѣгающихъ Журналы въ залѣ чтенія. Надобно знать, что домъ великъ, комнаты довольно, и всякая украшена знаками учености. Вошедши въ большую залу, видите на верху машину, которая показываетъ вамъ перемѣны въпра: это флюгеръ. Я всегда радуюсь, замѣчая, какъ ревностные слушатели Лицея по цѣлому часу смотрятъ приспально на движеніе любопытнаго флюгера! Не могу описывать всѣхъ раковинъ и минераловъ подъ стеклами, ни большой черепахи, служащей предметомъ нашего общаго удивленія: Въ кабинетѣ чтенія ученая роскошь еще разительнѣе: вездѣ физическіе инструменты, и между ими превеликой телескопъ — правда, что никто до нихъ не касается; однакожь мы смотримъ на нихъ и дѣлаемся какъ-то ученые. Вдругъ является надзиратель, бѣгаетъ изъ комнаты въ комнату, и кричитъ изо всей силы: *Гражданинъ Фуркруа (*) пришелъ! гражданинъ Лагарпъ уже здѣсь! Тутъ всѣ*

(*) Первый Химистъ Франціи.

бросаются безъ памяти въ залу лекцій, гдѣ еще болѣе знаковъ учености. Черезъ минуточку отворяется дверь комнаты, въ которую не пускаютъ профановъ. Выступаетъ Профессоръ какъ жрецъ изъ внутренности храма, и ученый балъ открывается. По окончаніи слушатели разбѣгаются во все стороны, и всякой возвращается опять на свое мѣсто: одинъ къ Журналамъ, другой къ камину, третій къ раковинамъ, и проч. — Въ Лицеѣ есть все нужное для жизни; самыя поспели замѣняются софами и большими креслами.

У.

Кантова Философія во Франціи.

Г. Вилье издалъ на Французскомъ языкѣ книгу о Кантовой Философіи; но Парижскіе Матафизики не хотятъ принимать ее, находя въ ней варварскія слова и пустыя тонкости. Нѣкоторые изъ нихъ писали опроверженіе — въ десяти спрокахъ. Всего чуднѣе кажется имъ, что Кантъ *время и пространство* называетъ только *формою нашихъ идей!* Коротко сказать, они никакъ не хотятъ яснога Локка и Кондильяка промѣнять на

понякоумнаго Канпа. Одинъ Мерсье, добро-
 душной и храброй Мерсье, объявилъ себя
 рыцаремъ Кенигсбергскаго Философа, бро-
 сивъ перчатку всѣмъ Французскимъ
 Мепафизикамъ, и кричитъ: *я докажу*
вамъ, что вы ничего не знаете; что Локкъ
былъ невѣжда, а Кондильякъ полугай!
 Мерсье безъ памяти радъ всякому слу-
 чаю противорѣчить общему смыслу: какая
 ему нужда, что онъ самъ не разумѣетъ
 Канпа? Можно спорить, не имѣя понятія
 о вещи: это его искусство. Въ послѣд-
 немъ засѣданіи Національнаго Инсти-
 тута Мерсье поварицамъ своимъ раз-
 сказывалъ чудеса о славномъ Канѣ и слав-
 номъ Фишѣ (то есть, Кантѣ и Фихте),
 открывая имъ всѣ глубины трансценден-
 тальной Философіи, и доказывая ясно,
 неоспоримо, какъ человекъ производитъ
 самого себя, и творитъ въ нагаль совѣсть,
 а потомъ уже тѣло свое. Къ несчастью
 онъ не успѣлъ довершить своего творенія:
 смѣхъ общій превратился въ хохотъ.
 Мерсье, въ досадѣ, въ неперпѣнїи, вско-
 чилъ съ мѣста, и сказавъ: *я вижу, граж-*
дане, что вы меня не разумѣете; но убѣ-
рю васъ, что я разумѣю себя — покло-
 нился и ушелъ.

Двѣ Шотландскія муміи.

(Изъ новаго путешествія Господина Гарнета.)

Во время нашего пребыванія въ Глазговѣ, Господинъ Ренни, Кильситскій Паспоръ, захопѣлъ намъ показанъ два тѣла, найденныя за годъ передъ тѣмъ подъ сводомъ его церкви. Стѣна была закладена. Г. Ренни по своей благосклонности приказалъ нарочно для насъ сдѣлать въ ней отверстіе, и мы вошли туда съ нѣкоторою трудностію; но были награждены за трудъ свой, нашедши тамъ двѣ муміи въ совершенной цѣлости, хотя Г. Ренни сказалъ намъ, что впечатлѣніе воздуха нѣсколько повредило той свѣжести, которую онѣ сперва имѣли. Товарищъ мой срисовалъ ихъ и поправилъ свой рисунокъ по словамъ Господина Ренни, чтобы изобразить ихъ точно такъ, какъ онѣ были найдены.

Г. Ренни далъ мнѣ свои примѣчанія на сіи муміи, и я съ удовольствіемъ сообщаю ихъ публикѣ.

„Подъ сводомъ Кильситской церкви есть погребъ, который долго служилъ кладбищемъ для всей фамиліи Графовъ Кильситъ.

„Въ 1715 году сіе поимѣстѣе было описано, и Графъ Кильсипъ ушелъ съ женою и съ дѣтьми своими во Фландрію. Послѣ того онъ нѣсколько разъ тайно возвращался въ плащенищаго и жилъ у нѣкоторыхъ изъ прежнихъ креспыанъ своихъ; но извѣстно, что умеръ не здѣсь.

„Преданіе, основанное на письмахъ, недавно найденныхъ, утверждаетъ, что сей Графъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ дворянъ, замѣщенныхъ въ погдашнемъ бунтѣ, былъ задавленъ паденіемъ одного зданія въ Голландіи около 1717 году. По крайней мѣрѣ жена и маленькой сынъ его вѣрно имѣли сію участь. Думаютъ, что это было дѣйствіемъ заговора, и что сполбы пошлы залы, въ которой обѣдали Англійскіе изгнанники, были подплены и по данному знаку упали. Говорятъ, что младенецъ сидѣлъ на колѣняхъ у матери въ ту минушу, какъ обрушился потолокъ; онъ лишился жизни вмѣстѣ съ другими, и на тѣлѣ его нѣтъ никакихъ знаковъ. Мать его была убита въ правой високѣ; и когда открыли ея тѣло, то нашли черную мушку на семь мѣстѣ, величиною съ гинейю.

„Бальзамированное тѣло матери и младенца прислали въ Шотландію, въ городъ

Лейтъ, откуда перевезли ихъ въ Киль-
ситъ и погребли съ великою честію.
За двадцать лѣтъ передъ симъ нѣкоторые
люди здѣсь еще помнили эту церемонію.

„Тѣла лежали въ сосновомъ гробѣ,
обитомъ свинцомъ, и поставленномъ еще
въ полстой ящикѣ. Пространство между
свинцомъ и гробомъ было залито арома-
тическимъ, весьма благоуханнымъ соспа-
вомъ, похожимъ нѣсколько на оловянный
пепель. Будучи еще въ школѣ, я часто
видалъ сей гробъ: тогда свободно ходили
въ погребъ, и всѣхъ любопытныхъ впу-
скали; помню, что ящикъ на гробѣ былъ
еще цѣлъ. За нѣсколько лѣтъ передъ
симъ онъ началъ разрушаться; остался
наружѣ тонкой свинецъ, который въ раз-
ныхъ мѣстахъ любопытные провертѣли
пальцомъ. Въ сихъ отверстіяхъ показы-
валась на ароматическая матерія, о
которой я говорилъ выше. Она была тол-
щиною въ палецъ; и сколупнувъ ее, ве-
лкой могъ видѣть сосновыя доски.

Весною въ 1796 году нѣкоторые моло-
дые люди вошли въ погребъ, сорвали сви-
нецъ и нашли деревянный гробъ въ цѣло-
сти; сняли крышку, и къ величайшему
своему изумленію увидѣли тѣло Графини
и сына ея совершенно какъ живое.

Нѣсколько недѣль о томъ молчали, но мало по малу начали говорить, и любопытство сдѣлалось всеобщимъ. 22 Юня, во время моей отлучки, собрались люди и почти силою вошли въ погребъ; съ того времени любопытные не выходили опшуда ни днемъ, ни ночью.

Я видѣлъ тѣла скоро послѣ открытія гроба: они были совершенно цѣлы; мясо и всѣ черпы казались живыми; платье и ленны не измѣнили даже цвѣта своего.

Это зрѣлище прогало душу всего болѣе тѣмъ, что младенецъ, лежащій на колѣняхъ у матери, казался тихо спящимъ; цвѣтъ лица и полныя щеки изображали цвѣтущее здоровье; уста ея съ Ангельскою невинностію улыбались. Платье ни мало не исплѣло. Надобно, чтобы онъ былъ только девяти или десяти мѣсяцевъ.

Тѣло матери также не повредилось ни мало; и въ нѣкоторомъ разстояніи, при свѣпѣ факела, никто бы не счелъ ее мертвою. Самое выраженіе лица ея не измѣнилось: только вблизи и при ясномъ свѣпѣ можно было замѣпить на немъ нѣкоторые знаки спрданія и насильственной смерти. Всякая складка одежды ея сохранилась въ цѣлости;

я не могъ надивиться чистотѣ и пріятности сего наряда. Рисунокъ вашего друга даетъ о томъ нѣкопоруую идею; но жаль, что вы не видали тѣла при его открытіи: теперь платье не имѣетъ прежней свѣжести. Я не могу смотрѣть на сіи двѣ жерпвы безъ прогашельнаго чувства и меланхоліи; чипашель, можеть быть, раздѣливъ ихъ со мною, вообразивъ мать и сына убитыхъ въ одно мгновеніе и лежащихъ въ одномъ гробѣ! Онъ конечно вмѣстѣ со мною пожалѣетъ, что люди нарушили спокойствіе мертвыхъ, и что нескромное любопытство проникло въ священную обитель безмолвія.

Вѣроятно, что тѣла сохранились отъ крѣпкой жидкости или водки; кажется, что гробъ былъ наполненъ ею, и все лежащее въ немъ напилось сею жидкостію. Она дала тѣлу видъ красноватый, но сама по себѣ не имѣла уже никакого цвѣта и вкуса; думаю, что химическое раздробленіе не могло бы открыть ея свойства.

Нѣкоторые Медики брали ее въ склянки; не знаю, что вышло изъ ихъ опытовъ. Благоуханіе, которое разлилось по церкви при открытіи гроба, сохранялось въ ней мѣсяца два. Не возможно было вѣрно оплечить въ ароматахъ ни-

какого главнаго запаха. Однакожь мнѣ казалось, что духъ шерпеншина не проходилъ долѣе другихъ.

Голова Графини Кильситъ лежала на подушкѣ; когда наволока разорвалась, то мы увидѣли въ ней ароматическія травы, мяту, шалфей, и проч. Нѣкоторые думали, что и самыя тѣла ими наполнены.

Я воображалъ, что муміи скоро распадутся отъ прикосновенія воздуха, тѣмъ скорѣе, что онѣ не имѣли уже ароматической жидкости, копорая сохраняла ихъ; но нѣсколько недѣль не обнаруживалось въ нихъ никакой перемѣны. Думаю, что онѣ оспались бы и понынѣ въ совершенной цѣлости, еспли бы не повредились отъ пыли и воску, копорымъ любопытные, разсматривая всегда при свѣчѣ, ихъ закапали. Тѣла, за нѣсколько мѣсяцевъ передъ симъ, имѣли упругость и тѣрдость живаго тѣла. Одежда шеперь въ иныхъ мѣстахъ разодрана, но все еще удивительно крѣпка.

Всего чуднѣе то, что кожа и мускулы не повредились. Медики надрѣзывали руку младенца, и мясо ея нашлось совершенно какъ живое.

Графиня Кильситъ, изъ фамиліи Дондональдъ, была въ первомъ замуж-

ствѣ женою Виконта Донде, и сохранила имя его. Въ ея испоріи достоинѣ примѣчанія анекдотѣ потеряннаго кольца. Черезъ годъ по смерти перваго мужа она прѣѣхала въ Кильсіомъ, помѣстье фамиліи Кильситъ. Вилліамъ Ливингтонъ (который сдѣлался послѣ Графомъ Кильситомъ) влюбился въ нее, и далъ ей кольцо; но, гуляя въ саду, Графиня имѣла несчастіе потерять его. Эпотѣ случай казался дурнымъ предзнаменованіемъ. Обѣщали великое награжденіе тому, кто найдетъ кольцо: оно не нашлося.

Прошелъ цѣлой вѣкъ, и въ 1796 году, въ самое то время, какъ открыли пѣло Графини, садовникъ, сажая земляныя яблоки, нашель сіе кольцо; надпись доказываетъ то несомнительно. Оно гладкое золотое съ миршовымъ вѣнкомъ и съ словами: *yours only and ever*, *единственно твоей и навѣки*. Кольцо теперь въ рукахъ Сира Арчибальда Эдмонстона, помѣщика Кильситскаго.

(Изъ Bibliothèque Britannique.)

Моя Исповѣдь.

Письмо къ Издашелю.

Признаюсь вамъ, государь мой, что я не читаю вашего Журнала, а желаю, чптобы вы помѣстили въ немъ мое письмо. Для чего? самъ не знаю. Болѣе сорока лѣтъ живу на свѣтѣ, и никогда еще не давалъ себѣ отчета ни въ желаніяхъ, ни въ дѣлахъ своихъ. Великое слово *такъ* было всегда моимъ *девизомъ*.

Я намѣренъ говорить о себѣ: вздумалъ и пишу — свою исповѣдь, не думая, пріятна ли будетъ она для Читашелей. Нынѣшній вѣкъ можно назвать вѣкомъ *откровенности* въ физическомъ и моральномъ смыслѣ: взгляните на милыхъ нашихъ красавицъ! . . Нѣкогда люди прятались въ темныхъ домахъ и подъ щипомъ высокихъ заборовъ. Теперь вездѣ свѣтлые дома и большія окна на улицу: прѣсимъ смотрѣть! Мы хотимъ жить, дѣйствовать и мыслишь въ прозрачномъ стеклѣ. Нынѣ люди путешествуютъ не для того, чптобы узнать и вѣрно описать другія земли, но чптобы имѣть случай поговорить о себѣ; нынѣ всякой сочинитель Романа епѣшитъ какъ можно скорѣе

вообщить свой образъ мыслей о важныхъ и неважныхъ предметахъ. Сверхъ того сколько выходитъ книгъ подъ пингуломъ: *мои опыты, тайный журналъ моего сердца!* Что за перо, то и за искреннее признаніе. Какъ скоро нѣтъ въ человѣкѣ спаромоднаго варварскаго стыда, то всего легче быть *Авторомъ исловѣди*. Тутъ не надобно ломать головы; надобно только вспомнить проказы свои, и книга готова.

Однакожь не думайте, чтобы я хотѣлъ оправдываться примѣрами: нѣтъ, такая мысль оскорбительна для моего самолюбія. Слѣдую только собственному движенію, и замѣчаю мимоходомъ, что оно нѣкопорымъ образомъ согласно съ общимъ; но сохрани меня Богъ казаться рабскимъ подражателемъ! Для того, въ прошивность всѣмъ *исловѣдникамъ*, напередъ сказываю, что признанія мои не имѣютъ никакой моральной цѣли. Пишу — *такъ!* Еще и другимъ опличусь отъ моихъ, собратій — Авторовъ; а именно, краткостію. Они умѣютъ расплодить самое ничто: я самые важные случаи жизни своей опишу на листочкѣ.

Начну увѣреніемъ, что Напура произвела меня совершенно особеннымъ человекомъ, и что Судьба всѣ случаи жизни моей запечатлѣла какою-то опимѣнною

печатію. На примѣръ, я родился сыномъ богатаго, знашнаго господина, и выросъ шалуномъ! дѣлалъ всякія проказы, и не былъ сѣченъ! выучился по-Французски, и не зналъ народнаго языка своего! игралъ десяти лѣтъ на театрѣ, и въ пятнадцать лѣтъ не имѣлъ идеи о должностяхъ человѣка и гражданина!

На шестнадцатомъ году дали мнѣ изрядной чинъ и отправили меня въ чужіе края, не сказавъ, для чего. Правда, что со мною поѣхалъ Гофмейстеръ, Женевецъ (прошу замѣтить, а не Французъ, по тому что въ это время Французскіе губернёры въ знасныхъ домахъ нашихъ выходили уже изъ моды), которому даны были всѣ нужныя наставленія. Господинъ Мендель зналъ, къ чему по большей части топтовился знашною молододою человѣкъ, а всего болѣе зналъ свои выгоды — и поступалъ со мною въ слѣдствіе своего благоразумнаго плана. Надобно отдать ему справедливость: онъ любилъ искренность, и немедленно со мною объяснился. „Любезной Графъ!“ сказалъ мнѣ Гофмейстеръ: „Природа и Судьба уговорились сдѣлать тебя образцомъ любезности и счастья: ты прекрасенъ, уменъ, богатъ и знаменъ: довольно для блестящей роли въ свѣтѣ! все прочее не стоить труда.

Мы ѣдемъ въ Лейпцигской Университетъ; родители твои, слѣдуя обыкновенію, желаюшъ, чшобы ты украсилъ разумъ свой знаніями, и поручили тебя моему смотрѣнію: будь спокоенъ! я родился въ Республикѣ и ненавижу тиранство! Надѣюсь только, что моя снисходительность заслужитъ со временемъ твою признательность.“ Я обнялъ его, и обѣщалъ ему такую пенсію, какая не всегда дается и Министру за долготѣпную службу.

Пріѣхавъ въ Лейпцигъ, мы спѣшили познакомиться со всѣми славными Профессорами — и Нимфами. Гофмейстеръ мой имѣлъ великое уваженіе къ первымъ и маленькую слабостъ къ послѣднимъ. Я взялъ его себѣ за образецъ — и мы однимъ давали обѣды, другимъ ужинъ. Часы лекцій казались мнѣ минутою, отъ того, что я любилъ дремать подъ каедрою Докторовъ, и не могъ ихъ послушаться, отъ того, что никогда не слушалъ. Между тѣмъ Господинъ Мендель всякую недѣлю увѣдомлялъ моихъ родителей о великихъ успѣхахъ дражайшаго сына ихъ, и цѣлыя страницы наполнялъ именами наукъ, которыми меня учили.

Наконецъ, проживъ три года въ Лейпцигѣ, мы оправились. пушеш-

спововать, нанявъ Секретаря для описанія любопытныхъ предметовъ, ибо Г. Мендель былъ лѣнивъ. Родители мои изъ каждаго города получали отъ насъ полныя пакеты, не могли нарадоваться умными замѣчаніями своего сына, и съ гордостію читали ихъ нашимъ родственникамъ. Я не виноватъ былъ ни въ одной спрокъ, уполномочивъ Секретаря своего философствовать вмѣсто меня (къ щасстью, рука его совершенно на мою походила); но къ нѣкоторымъ его описаніямъ прибавлялъ отъ себя выразительныя каррикатуры: произведеніе единственнаго таланта, даннаго мнѣ Натурою!

Однакожь я надѣлалъ много шуму въ своемъ путешествіи — шѣмъ, что прыгая въ конгрдансахъ съ важными дамами Нѣмецкихъ Княжескихъ Дворовъ, нарочно ронялъ ихъ на землю самымъ неблагоприспѣшнымъ образомъ; а всего болѣе шѣмъ, что съ добрыми Каполиками дѣлая шуфель Папы, укусилъ ему ногу, и заставилъ бѣднаго спарика закричать изо всей силы. Эта шушка не прошла мнѣ даромъ, и я высидѣлъ нѣсколько дней въ крѣпости Святаго Ангела. Обыкновенная же забава моя дорогою была — стрѣлять бумажными шариками, изъ

духоваго пистолепа, въ спину поспильюнамъ!

Въ Парижѣ я вошелъ въ связь со многими изъ первокласныхъ вѣпрениковъ, и нашелъ способъ удивить ихъ какъ смѣлою своею философіею, такъ и всѣми тонкостями *языка повѣсѣ*, всѣми его шехническими выраженіями, заимствованными мною по большей части отъ Господина Менделя, который служилъ некогда домашнимъ Секретаремъ Герцогу Ришелье. Будучи введенъ въ некопорые хорошіе дома, я имѣлъ случай узнать и славнѣйшихъ Французскихъ остроумцевъ; слышалъ однажды чтеніе Лагарповой Меланіи, хвалилъ безъ памяти талантъ Автора, и послѣ свѣдалъ, что онъ въ письмѣ своемъ къ одному знапному челсвѣку въ П* (безъ сомнѣнія изъ благодарности) описывалъ меня рѣдкимъ молсдымъ челоукомъ, рожденнымъ для чссти и славы опечества. Я имѣлъ щастіе бытъ представленъ Герцогу Орлеанскому, ужинатъ съ его избранными друзьями и раздѣлятъ забавы ихъ, досшойныя кисии новаго Пепронія.

Надобно было видѣтъ Англію: подобно Альцибіаду, я спалъ другимъ челоукомъ въ другой землѣ, и пилъ такъ усердно съ Бришанцами, что черезъ мѣ-

сядѣ слегѣ въ постелю. Пользуясь временемъ моего выздоровленія, я сдѣлалъ каррикатуры на всю Королевскую фамилію — и Лондонскіе Журналы говорили объ нихъ съ великою похвалою.

Возвращеніе силъ моихъ было горестно для Господина Менделя: мнѣ вздумалось сполкнуть его съ лѣсницы, за то, что ему вздумалось приласкаться къ моей Дженни. Нѣжная Англичанка упала въ обморокъ, между шѣмъ, какъ мой Гофмейстеръ считалъ головою спупени. Однакожь увѣряю Чипашеля, что сердце мое совсѣмъ не способно къ ревности: это минутное движеніе было конечно слѣдствіемъ моей болѣзни. Господинъ Мендель распался со мною. Мы оба увѣдомили моихъ родителей о нашемъ разрывѣ: онъ называлъ меня шалуномъ, а я описывалъ его недостойнымъ имени Гофмейстера. И то и другое могло быть справедливо; но мапушка одному мнѣ повѣрила, а бапюшка согласился съ нею.

Наконецъ я возвратился въ опеченство, гдѣ лавры и мирты ожидали меня. Въ головѣ моей не было никакой ясной идеи, а въ сердцѣ никакого сильнаго чувства, кромѣ скуки. Весь свѣтъ казался мнѣ безпорядочною игрою Кипайскихъ мѣней, всѣ правила уздою слабыхъ умовъ,

веѣ должности несноснымъ принужденіемъ. Ласки родителей не сдѣлали въ холодной душѣ моей никакого впечатлѣнія; но зная выгоды челоѣка, образованнаго въ чужихъ земляхъ, я спѣшилъ поразить умы соотечественниковъ разными спра-носнями, и съ удовольствіемъ видѣлъ себя истиннымъ законодателемъ столицы. Мореплаватель во время бури не смотритъ съ какимъ вниманіемъ на магнитную стрѣлку, съ какимъ молодые люди на меня смотрѣли, чтобы во всемъ соображаться со мною. Я вездѣ какъ въ зеркалѣ видѣлъ себя съ ногъ до головы: все мои движенія были срисованы и повторены съ величайшею вѣрностію. Это забавляло меня до крайности. Но главнымъ моимъ предметомъ были женщины, которыхъ лестное вниманіе открывало мнѣ обширное поле дѣятельности. Здѣсь не могу удержаться отъ нѣкоторыхъ философическихъ разсужденій. *Влюбленность* — извините новое слово: оно выражаетъ вещь — влюбленность, говорю, есть самое благодѣтельное изобрѣшеніе для свѣта, который безъ нее походилъ бы на монастырь Латрапскій. Но съ нею молодые люди наипрекраснѣйшимъ образомъ занимають пустою жизни. Открывая глаза, знаешь, о чемъ думаешь;

являясь въ обществахъ, знаешь, кого искать глазами; все имѣетъ цѣль свою. Правда, что мужья иногда досадуютъ; что жены иногда дурачатся отъ ревности; но мы заняты — а это главное! Съ одной стороны искусство нравиться, съ другой искусство притворяться и самого себя обманывать, не дають засыпать сердцу. Часто выходитъ безпорядокъ въ семействахъ; но онъ имѣетъ свою пріятность. Сцены обморока, опчаянїя, для знатоковъ живописны. *Sauve qui peut!* всякой о себѣ думай — и довольно!

Будучи моднымъ прелестникомъ, я имѣлъ щастіе посорить многихъ коронкихъ пріятельницъ между собою, и развести не одну жену съ мужемъ. Всякая соблазнительная исторія болѣе и болѣе прославляла меня. О характерѣ моемъ говорили ужасы: это самое возбуждало любопытство, которое дѣйствуетъ весьма живо и сильно въ женскомъ сердцѣ. Система моя въ любви была самая надежная: я пиранилъ женщинъ, по холодноспію, по ревностію; являлся не прежде десяти часовъ вечера на *любовное дежурство*, садился на *оттоманѣ*, зѣвалъ, пилъ Гофмановы капли, или начиналъ хвалить другую женщину; тайная досада, упреки, слезы веселили меня, недѣль шестъ,

иногда гораздо долѣе; наконецъ слѣдовааь разрывъ связи — и новый миршовой вѣнокъ попалъ мнѣ на голову. Справедливость требуетъ отъ меня признанія, что не всѣ красавицы были моими Дидонами: нѣтъ, одна изъ нихъ, вышедши изъ терпѣнія, осмѣлилась указать мнѣ двери. Я былъ въ опчаянїи, и на другой день представилъ ее въ живой каррикатурѣ; заставилъ всѣхъ смѣяться, и самъ утѣшился.

Вдругъ пришло мнѣ на мысль жениться, не столько въ угожденіе матери (отца моего уже не было на свѣтѣ), сколько для того, чтобы завести у себя въ домѣ благородной спектакль, который могъ служить для меня прїятнымъ разсѣянїемъ среди трудныхъ обязанностей моднаго человѣка. Я выбралъ прекрасную небогатую дѣвушку (хорошо воспитанную въ одномъ знатномъ домѣ), надѣясь, что она изъ благодарности оставитъ меня въ покоѣ, и въ сихъ мысляхъ обѣщался на другой день ужинашь, по обыкновенію, съ глазу на глазъ съ рѣзвою Алиною, которая тогда занимала меня своею любезностію. Вышло напротивъ: Эмилія изъ благодарности считала за долгъ быть нѣжною, спрашною женою;

а нѣжность и спросить всегда ревнивы. Философія моя заставляла ее плакать, рваться: я вооружился перпѣніемъ, смотрѣлъ, слушалъ равнодушно; игралъ ея шалью и зѣвалъ, воображая, что бури не продолжительны, особливо женскія. Въ самомъ дѣлѣ Эмилиа мало по малу приходила въ разсудокъ, упихала, и становилась гораздо милѣе; помные взоры ея развеселялись, и легкіе упреки произносились уже въ полголоса, даже съ улыбкою. Наконецъ я совершенно увѣрился въ исправленіи жены моей, видя вокругъ ее полнѹ искашелей. Домъ нашъ сдѣлался отъ того гораздо пріятнѣе: Эмилиа перестала грубить молодымъ женщинамъ, и всячески старалась заслужить имя любезной хозяйки. Мы набрали къ себѣ въ домъ Испаліанскихъ Каспрашовъ; играли Оперы, Комедіи; давали маленькіе балы, большіе ужины — подписывали счефы, но никогда не считали — занимали деньги; и никогда не имѣли ихъ — однимъ словомъ, жили прекрасно!

Одна мать моя, у которой отъ старости испортился нравъ, была недовольна, и часто упрекала меня въпреную безразсудностію; говорила, что мы разоряемся; говорила даже, что Эмилиа

дурно ведетъ себя! Но я — зѣвалъ, и, какъ должно хорошему сыну, совѣпвалъ ей беречь свое здоровье, по еспъ, не сердидись. Она не хопѣла послушаться; и прежде времени опправиласъ на потъ свѣтъ. Бѣдная! Мы пожалѣли объ ней — шѣмъ искреннѣе, что ея смерть на нѣсколькo мѣсяцевъ разстроила наши спектакли.

Скоро въ хозяйствѣ нашемъ опкрылись маленькія непріятности: иногда, наканунѣ большаго ужина, дворецкой сказывалъ мнѣ, что у него нѣтъ ни рубля на расходъ, и что онъ нигдѣ не могъ занять денегъ. Въ такомъ случаѣ я обыкновенно выгонялъ его изъ комнапы — и ужинъ бывалъ прекрасной. Являлись добрые люди съ поварами: одни продавали мнѣ на вексель, другіе въ ту же минупу покупали у меня на чистыя деньги, и дѣло было съ концомъ. Но время опъ времени встрѣчалось болѣе трудностей, и часто за вексель въ тысячу рублей давали мнѣ только дюжинъ шесть помады! Увѣдомляю Чипапеля, что искусные люди, копорыхъ профаны называютъ ростовщиками, знаютъ наизуспъ всѣ нужды и всѣ коммерческіе способы богатыхъ моповъ; взявъ карандашъ въ руку, они въ минупу исчисляюпъ, во сколько

лѣтъ, мѣсяцевъ, дней и часовъ никакой — то оспанется безъ души Христiянской; по сему вѣрному расчету служатъ ближнему дѣятельно, усердно, и рѣдко обманываются. Наши опечественные лихоимцы прежде всѣхъ другихъ оставляютъ человѣка на славномъ и широкомъ пути разоренiя, подобно меланхолическимъ Докторамъ, которые слишкомъ рано осуждаютъ больныхъ на смерть; они отдаютъ его на руки иностраннымъ ростовщикамъ: Нѣмцы уступаютъ мѣсто Французамъ, Французы Италiянкамъ, Италiянцы Грекамъ: въ эту послѣднюю эпоху рубль мопя ходитъ уже въ копѣйкѣ. Я спокойно прошелъ сквозь всю Жидовскую фалангу, и споялъ уже на послѣдней ступени. Имѣнiе мое записывали, продавали съ публичнаго торгу; но я все еще не унывалъ, и въ самой потѣ день, какъ меня выгнали изъ дому, думалъ играть главную роль въ Комедii *Безлетнаго*. Жестокiе заимодавцы не хотѣли видѣть спектакля — и мнѣ надлежало искать убѣжища въ домѣ одного моего родственника.

Если Чипапелъ удивится, что семь или восемь тысячъ душъ моихъ такъ скоро исчезли съ дымомъ, то онъ безъ

сомнѣнія не знаетъ умножительной силы долговъ, считаемыхъ не должникомъ, а займодавцами; вексели какъ Полибы чудеснымъ образомъ плодятся, есѣли завѣса безопасности скрываетъ слѣдствія отъ глазъ разсудка. Къ тому же всякой почтенной мотъ находить вѣрныхъ сопридѣльниковъ въ своихъ управленіяхъ и дворцахъ, которые всячески облегчаютъ бремя господскаго имѣнія, примѣшивъ, что оно угнетаетъ господина. — Я назвалъ мотъ *лотеннымъ*, и спѣшу оправдаться. Онъ есѣтъ благодѣтель опечеснѣва и народа, раздѣляя съ обществомъ свое богатство. Собираетъ подобенъ жадной рѣкѣ, которая печетъ въ прямой линіи, глотаетъ ручейки и потоки, влажитъ только берега свои и сушитъ окрестности; но распотителя можно сравнить съ рѣкою щедрою, которая дѣлилась на тысячу рукавовъ, сообщаетъ влагу свою великому пространству, и мало помалу исчезая, дѣлается жертвою благотворительности.

Кому угодно, мотъ можетъ вообразить меня спокойно и даже гордо идущаго по улицѣ; два человека несли за мною двѣ корзины, наполненныя любовными женскими письмами: единственное сокровище, которое займодавецъ

позволили мнѣ вынести изъ дому! Родственникъ принялъ меня холодно и съ упреками. Эмилія прѣѣхала къ нему въ слѣдъ за мною, и забывъ, что мы вмѣстѣ проживали имѣніе, осыпала меня жестокими укоризнами; объявила поржественно, что союзъ нашъ разрывается; сѣла въ карету, и скрылась. Я летѣлъ къ женщинѣ, которая за день передъ тѣмъ увѣряла меня въ любви своей: меня не приняли — летѣлъ ко многочисленнымъ друзьямъ моимъ: однихъ не было дома; другіе вздумали чинить мнѣ наизусть книжныя наставленія, какъ должно быть умѣреннымъ и благоразумнымъ въ жизни! Имъ надлежало бы говорить о томъ, когда я угощалъ ихъ. — Въ прибавокъ ко всему меня выгнали изъ службы какъ распутнаго чловека.

Такіе случаи и непріятности могли бы огорчить другаго; но я родился Философомъ — сносилъ все равнодушно, и твердилъ любимое слово свое: *Китайскія тѣни!* *Китайскія тѣни!* Всего хуже было то, что заимодавцы, недовольные ссашками моего имѣнія, грозились посадить меня въ шюргу. Признаюсь, что мысль о шенной конурѣ пугала и самую мою философію.

Мѣсяца черезъ два прѣхалъ ко мнѣ одинъ богатой Князь, съ требованіемъ, чтобы я подписалъ нѣкоторую бумагу, и съ обѣщаніемъ удовольствоватъ моихъ кредиторовъ; то есть, мнѣ надлежало взвести на себя небылицу, которая давала Эмилиі право избрать другаго мужа. Я сперва захохоталъ, а послѣ задумался, воображая съ одной стороны ужасы темницы, а съ другой злая насмѣшка людей. Между тѣмъ Князь говорилъ о своей благодарности; признался, что онъ намѣренъ жениться на Эмилиі, желая спасти ее отъ бѣдсвѣй нищеты; предлагалъ мнѣ свою дружбу; увѣрялъ, что домъ его будетъ моимъ домомъ; даже звалъ меня жить къ себѣ. Тутъ *щастливая мысль* пришла мнѣ въ голову: я подписалъ бумагу.

Эмилиа краснорѣчивымъ письмомъ изъясвила мнѣ свою признательность (она вышла за Князя, который немедленно выкупилъ мои вексели), и въ заключеніе говорила: „Мы не умѣли бытъ щастливыми супругами: будемъ по крайней мѣрѣ нѣжными друзьями! Мужъ мой клянется любить васъ какъ брата.“ — Я спѣшилъ увѣрить ее въ своей чувствительности — и съ того времени поселился у Князя;

обѣдалъ, ужиналъ съ Эмилиєю; казался томнымъ, печальнымъ, и осипаваясь надеивъ съ нею, говорилъ со слезами о прежней своей безразсудности, о моемъ сердечномъ раскаяніи, о потерянномъ навѣки щастіи, по естъ имени супруга любезнѣйшей женщины въ свѣтѣ. Сперва она шутила; но мало по малу начала слушать меня съ важнымъ видомъ и задумываться. Надобно знать, что Князь былъ человекъ пожилой и весьма непріятный наружношю. Часно глаза ея пихонько сравнивали насъ и съ выраженіемъ горести пошуплялись въ землю. Эмилиа нѣкогда любила меня; переставъ бытъ ея мужемъ, я казался ей шѣмъ любезнѣе. Боясь свѣта, который громко осуждалъ ея впорое замужство, она вела уединенную жизнь; уединеніе же, какъ извѣстно, пипаетъ спрасни. Женщина, самая романическая, въ нѣкоторыхъ обшпательстввахъ можетъ прельспиться богатствомъ; но богатство шеряетъ для нее всю свою цѣну при первомъ движеніи сердца. Не хочу помить Читателя долгимъ пріугошвленіемъ. *Плакъ мой* щастливо исполнился. Мы изъяснились. Эмилиа опдалась мнѣ со всѣми знаками живѣйшей спрасни; а я черезъ минуту едва могъ удержатъсь отъ смѣха, воображая спранность побѣды своей и

новость такой связи. — Старый мужъ описывалъ новому; но мнѣ еще не довольно было воспорговъ Эмилии, пайныхъ свиданій, нѣжныхъ писемъ: я хотѣлъ громкой славы! и предложилъ своей женѣ — любовницѣ уйти со мною. Она испугалась — описывала наше положеніе самымъ щастливымъ (ибо Князь спыдился ревновать ко мнѣ) — предвидѣла ужасъ свѣта, если мы опважмся на такой неслышанной примѣрѣ разврата — и заклинала меня со слезами сжалиться надъ ея судьбою. Но женщина, которая преступила уже многія (по словамъ Моралистовъ) должно-сти, не можетъ ни въ чемъ отвѣчать за себя. Я хотѣлъ непременно, требовалъ, грозилъ (помнился) застрѣлить себя — и черезъ нѣсколько дней мы очутились на Мо* * ской дорогѣ.

Торжество мое было совершенно: я живо предсавлялъ себѣ изумленіе бѣднаго Князя и всѣхъ честныхъ людей; сравнивалъ себя съ Романическими Ловеласами, и спавилъ ихъ подъ ногами своими: они увозили любовницъ, а я увезъ бывшую жену мою опъ вѣпораго мужа! Эмилиа грустила, но утѣшалась мыслію, что она слѣдуетъ движенію непобѣдимаго чувства, и что любовь ея ко мнѣ есть

героическая : утѣшеніе , къ которому обыкновенно прибѣгають женщины въ заблужденіяхъ спраси или воображенія !

Въ М* * ѣ знатные мои родственники не хотѣли пустить меня въ домъ , а набожныя шепки и бабушки, вспрѣчаясь со мною на улицѣ, крестились отъ ужаса. За то нѣкопорые молодые люди удивлялись смѣлости моего дѣла , и признавали меня своимъ героемъ. Я покоился на лаврахъ, не боясь никакихъ слѣдствій : ибо доброй Князь , заключивъ горестъ въ сердцѣ , не жаловался никому, и говорилъ своимъ знакомымъ , что онъ самъ отправилъ жену въ М* * у для эконсмїи. Эмилиа продала свои брилліанты , и мы жили не дурно ; но она жаловалась иногда на мое равнодушіе , и наконецъ , узнавъ , что я вошелъ въ связь съ одною извѣстною вѣтреницею , слегла въ постелью ; сказала мнѣ , что , бывъ женою , она могла сносить мои невѣрности ; но сдѣлавшись любовницею , умираетъ отъ нихъ. Эмилиа сдержала слово — и при смерти своей говорила мнѣ такія вещи , отъ которыхъ волосы мои сгали бы дыбомъ , еспьли бы къ несчастью была во мнѣ хотя искра совѣсти ; но я слушалъ холодно и заснулъ спокойно ; только въ ту ночь

видѣлъ страшный сонъ, который безъ сомнѣнiя не сбудется въ здѣшнемъ свѣтѣ.

Не хочу говорить о дальнѣйшихъ моихъ любовныхъ приключенiяхъ, которыя не имѣли въ себѣ никакого особеннаго блеска, хотя мнѣ удалось еще разорить двухъ или трехъ женщинъ (правда, не молодыхъ). Видя наконецъ, что лѣта и невоздержность кладутъ на лицо мое угрюмую печать свою, я рѣшился взять другiя мѣры, сдѣлался ростовщикомъ, и сверхъ того забавникомъ, шупомъ, повѣреннымъ мужей и женъ въ ихъ маленькихъ слабостяхъ. Мудрено ли, что мнѣ снова отворенъ входъ во многiе именитые дома? Такiе люди нужны на всякой случай. Однимъ словомъ, я доволенъ своимъ положенiемъ; и видя во всемъ дѣйствiе необходимой судьбы, ни одной минутой въ жизни моей не омрачилъ горестнымъ раскаянiемъ. Если бы я могъ возвратить прошедшее, то думаю, что повторилъ бы снова все дѣла свои: захопѣлъ бы опять укусить ногу Папѣ, распустишловать въ Парижѣ, пить въ Лондонѣ, играть любовныя Комедii на Театрѣ и въ свѣтѣ, промотать имѣнiе и увезти жену свою отъ вѣраго мужа. Правда, что нѣкоторые люди смотрятъ на меня съ презрѣнiемъ, и говорятъ,

что я оспыдилъ родъ свой; что знашная фамилія есть обязанность бытъ полезнымъ человѣкомъ въ государствѣ и добродѣтельнымъ гражданиномъ въ опечествѣ. Но повѣрю ли имъ, видя съ другой стороны, какъ многіе изъ нашихъ любезныхъ соотечественниковъ спараются подражать мнѣ, живутъ безъ цѣли, женятся безъ любви, разводятся для забавы, и разоряются для ужиновъ? Нѣтъ, нѣтъ! я совершилъ свое предопредѣленіе, и подобно спраннику, который, споя на высотѣ, съ удовольствіемъ обнимаетъ взоромъ пройденныя имъ мѣста, радостно воспоминаю, что было со мною, и говорю себѣ: такъ я жилъ!

Графъ N. N.

VIII.

Письмо изъ Парижа.

Ничто такъ не переменчиво, какъ мнѣніе здѣшнихъ жителей. Говоря о мнѣніяхъ, говорю о модахъ: ибо мода есть единственное правило Парижскихъ Французовъ. Желаніе казаться знатнымъ уступило мѣсто желанію казаться Якобинцемъ; шеперъ и што и другое исчезло; осталась въ модѣ

одно богатство. Я не удивляюсь, если здѣшніе жители учредятъ Орденъ Плутуса, вмѣсто Святаго Лудовика. Банкиры теперь въ великомъ уваженіи; всякой лавошникъ хочетъ называться банкиромъ. Покровитель сего новаго Ордена есть господинъ Р*, котораго жена даетъ великолепныя ужины, но совсѣмъ не веселыя. Ихъ называютъ вечеринками госпожи Р*; имя мужа никогда не произносится. Въ домѣ у нихъ бываетъ всякой мѣсяцъ балъ, и всякую Декаду многочисленное собраніе, похожее на пражирное общество.

Ресторатёры здѣсь совершенно истребили госпепрѣимство. Вмѣсто того, чтобы позвать къ себѣ на обѣдъ, зовутъ васъ въ пражиръ; и то скорѣе иностранецъ пригласитъ Француза, нежели Французъ иностранца.

У банкировъ находите вы чужестранныхъ Министровъ, которые кажутся вамъ внѣ сферы своей. Одинъ Посланникъ сказалъ мнѣ на сихъ дняхъ, что прежде Революціи онъ никогда не обѣдывалъ дома, а теперь бываетъ только въ спектакляхъ. У банкировъ же видите вы Французскихъ Министровъ и Генераловъ; но въ которомъ домѣ принимаютъ Офицеровъ Испанской арміи, туда не заглядывайте ни-

когда Офицеръ Рейнской арміи. Сей духъ вражды и зависти обнаруживается какъ въ Генералахъ, такъ и въ простыхъ солдатахъ.

Изъ всѣхъ Министровъ самой привѣтливой и роскошной есть Фуше, Министръ Полиціи. У Министра иностранныхъ дѣлъ бывають многочисленныя собранія, но не такъ часто.

Смѣлость Роялистовъ удивительна. Въ театрѣ они безъ памяти хлопають при всякомъ мѣстѣ, имѣющемъ отношеніе къ Монархическому Правленію.

ПОЛИТИКА.

I.

*Любопытная нота Французскаго
Кабинета, напечатанная въ
Монитёрѣ.*

Люневильскій прахтатъ утвердилъ независимостъ Италіанской Республики. При заключеніи мира она была еще завоеванною спраною, находилась подъ временнымъ правленіемъ, и повиновалась военачальнику Французскому.

Надлежало образоватъ Республику: для того собралась Консультъа въ Ліонѣ. Сіе образованіе могло бытъ двоякое: одно въ родѣ Конституціи 1796 году, дѣйствіе силы, а не воли жителей; оно произвело бы неуспройспва, внутреннія несогласія, и ужасало бы сосѣдовъ Республики, будучи средоточіемъ Анархїи. Второе образованіе естъ самое шо, которое жители предложили, съ Правленіемъ швердымъ и могущимъ.

Легко было занять всѣ мѣста, ибо не многія земли такъ богаты просвѣщенными и добрыми гражданами, какъ Чизальпинія. Но для перваго мѣста шрудно

было найти человека. Сдѣлали то, что всего согласнѣе со благомъ Республики, и, можемъ увѣрить, съ истиннымъ благомъ сосѣдовъ.

Правленіе учреждено въ Миланѣ. — Главные законы, нужные для дѣйствія Конституціи, будутъ скоро изданы, и Республика совершенно образуется въ непродолжительномъ времени и безъ всякаго усилія.

Тѣ, которые думаютъ, что народы могутъ быть образованы (organisés) въ одинъ день, въ одинъ часъ, однимъ начертаніемъ устава, должны удивляться сему порядку. Но тѣ, которые увѣрены, что народъ имѣетъ Конституцію единственно тогда, когда она дѣйствуетъ; и что для всѣхъ народовъ минулы образованія бывающіе ужаснымъ переломомъ (crise), рождающимъ бѣдствія — сіи люди безъ сомнѣнія увѣрены, что Ліонская Консульша поступила благоразумно и естественнo. Всякое дальнѣйшее сужденіе о мнимыхъ слѣдствіяхъ будетъ только пустословіемъ.

Но Франція присоединитъ къ тридцати милліонамъ жителей своихъ еще по вліянію, которое даютъ ей четыре милліона жителей Италіанской Республики!! На семъ основывается приговорный

епрахъ нѣкоторыхъ людей; говорятъ о силѣ и властолюбіи Французской Республики. Сравнимъ же вліяніе Франціи на разныя части Европы (со времени Люневильскаго практа) съ тѣмъ вліяніемъ, которое имѣла она въ 1788 году.

Въ 1788 году Франція была въ Италіи покровительницею Короля Сардинскаго, Неаполитанскаго и Республики Венеціанской: сей послѣдней, для того, что она была *географически* непріятелемъ Австріи; Короля Неаполитанскаго по семейственному соглашенію; а Сардинскій Король былъ привязанъ ко Франціи невозможностію защищать Савойю и Нисское Графство, родственными союзами, а всего болѣе пребываніями Австрійскаго Дому на Монферратѣ. И такъ въ системѣ Европы Франція имѣла рѣшительное вліяніе въ Италіи на три знаменитыя Правленія и 12 милліоновъ жителей.

Теперь Венеція принадлежитъ Императору. — Семейственнаго союза уже нѣтъ. — Италіянская Республика должна заплатить шу и другую потерю. — Слѣдственно Франція не умножила своего вліянія.

Венеція даетъ Императору рѣшительную власть надъ моремъ Адриатическимъ и Италіею; и если бы Ита-

лѣянская Республика оспалась безъ твердаго основанія и въ слабости; естли бы она не могла быть надежною и вѣрною союзницею Франціи, по Полипика Италиі совершенно зависѣла бы опѣ Австріи. Тогда исчезло бы равновѣсіе, и послѣ долговременной войны, въ которой Французы выиграли сто сраженій и два раза находили миръ подъ спѣнами Вѣны, наше положеніе было бы опаснѣе прежняго.

Франція не должна имѣть излишней власи надъ сосѣдственными землями; но ей должно соблюдать равновѣсіе, единственную поруку надежнаго мира.

Въ системѣ Германіи Польша, Швеція и Туреція соединялись съ полипическою системою Франціи. Польши нѣтъ; она умножила силу нашихъ сосѣдовъ.

Туреція, жертва междуособной войны, имѣетъ только нужную силу для продолженія бытія своего. Она не можетъ имѣть никакого дѣятельнаго и сильного участія въ обстоятельствевахъ Германіи.

Пріобрѣшенія Россіи въ Польшѣ, степень гражданскаго просвѣщенія и силы, до которой нынѣ достигло сіе Государство, и время, которое все перемѣняетъ, заспавають потомковъ Карла XII думать единственно о равновѣсіи на Балтійскомъ морѣ; не позволяя имъ имѣть

никакого существеннаго вліянія на Германію.

Пріобрѣтеніе четырехъ Рейнскихъ Департаментовъ не замѣняетъ для Франціи всей силы, которую сосѣды ея пріобрѣли раздѣломъ Польши. Франція не только лишилась естественнаго союзника своего, довольно сильнаго; но, исчезнувъ въ равновѣсіи Европы, онъ умножилъ еще силы тѣхъ, которымъ надлежало ему удерживать въ должныхъ предѣлахъ.

И такъ въ разсужденіи Германіи мы болѣе потеряли, нежели выиграли; и если бы Франція согласилась на два раздѣла Польши, не взявъ за то ни Бельгіи, ни четырехъ Рейнскихъ Департаментовъ, то она утратила бы степень *первоклассныхъ Державъ*, которая ей всегда принадлежала.

Мы не будемъ продолжать сравненія и доказывать, сколь отличнo было положеніе Франціи въ 1788 году отъ ея положенія при заключеніи мирныхъ условій въ Лондонѣ. Типпо - Саибъ, подобно какъ Республика Польская, уже не существуетъ въ Индѣйской системѣ, и области его умножили неизмѣримое владѣніе Англичанъ.

Никакой народъ не оказалъ столько умеренности, какъ Французской. Будучи

завоевателемъ, онъ все возвратилъ при заключеніи мира. Если бы Франція выспутила изъ своихъ истинныхъ границъ, то ея Правленіе доказало бы тѣмъ поспыдную слабость и безразсудность свою.

Равновѣсіе въ дѣлахъ Германіи, равновѣсіе въ дѣлахъ Италіи — вопль система Франціи! Она не должна давать законовъ; не должна и принимать ихъ.

Разсматривая политическое состояніе Европы во всѣхъ отношеніяхъ, наблюдаешь видить, что Франція не приобрѣла никакого новаго вліянія; она удержалась на прежней степени.

II.

Письмо изъ Парижа.

Всякое Государство, гдѣ свирѣпствуетъ война или раздоръ, есть богатство Журналовъ, которые можно назвать эхомъ сраженій, ужасовъ и всѣхъ грозныхъ спрасей. Кто захочетъ успокоить сіе несчастное Государство, тотъ вооружитъ прошивъ себя людей, живущихъ бѣдспвіями народовъ, и будетъ слѣдспвенно врагомъ Журналистовъ.

Когда узнали въ Лондонѣ, что Ліонская Консульта должна успокоить Ита-

дѣю, то можно было предсказать ненависть Англійскихъ Журналистовъ къ ея успѣхамъ. Имъ уже не лѣзя будетъ писать крупными буквами на дверяхъ своихъ: bloody news just arrived from Italy (*извѣстія о кровопролитныхъ сраженіяхъ, сей гасъ полученныя изъ Италіи*)! Прошло щаспливое время, въ которое они ежедневно увѣдомляли публику о спрашныхъ убійствахъ, и по всему кажется, что оно не возвратится. И такъ мудрено ли, что сіи люди разсѣваютъ новыя сѣмена зависти и несогласія?

Но Издатели Вѣдомостей не Министры. Пустьъ они шумятъ и злобятся! Оставимъ ихъ, и рассмотримъ самое дѣло.

Основаніе Чизальпинской Республики можетъ ли возмутить спокойствіе Европы, и должно ли другимъ Государствамъ бояться ее?

Всѣ Публицисты согласны въ томъ, что народъ, дающій себѣ новый политическій уставъ, можетъ быть опасенъ для сосѣдственныхъ Державъ единственно тогда, когда онъ переиѣняетъ свои внѣшнія къ нимъ отношенія, или когда въ своемъ внутреннемъ правленіи слѣдуетъ несогласной съ общественнымъ порядкомъ системою.

Теперь спрашиваю, перемѣнилась ли Чизальпинская Республика въ ея внѣшнихъ отношеніяхъ? распространила ли свои границы въ теченіе сего мѣсяца? По праву завоеванія она была собственностію Франціи: Консульства, объявивъ ея независимость, защитила ее покровительствомъ Французской Республики: кто докажетъ, чшобы она не имѣла на то права? Скажу еще болѣе: безъ сего особеннаго покровительства могъ ли бытъ надеженъ Люневильскій миръ? и желаніе Чизальпинской Республики, объявленное Первому Консулу въ ту минушу, когда онъ отказался отъ своей власти надъ нею, не имѣетъ ли въ своемъ предметѣ одно тѣснѣйшее соединеніе двухъ Республикъ, равно полезное для ихъ взаимной независимости? Франція можетъ ли возставать противъ родственныхъ союзовъ, въ копорые входятъ между собою разные Дворы, и копорые имѣютъ ту же цѣль? — И такъ Чизальпинская Республика не перемѣнила своихъ внѣшнихъ отношеній.

Никто не скажетъ и иного, чшобы Чизальпинская Конституція заключала въ себѣ правила несогласныя съ общественнымъ порядкомъ. Самые Крипики ея должны въ томъ признасться, и знаютъ, чшо нынѣшнее Французское Правленіе

старалось во всякой землѣ, находящейся подъ его вліяніемъ, прежде всего испре-
бить мяшежныя правила, которыя без-
славили свободу. Въ семъ отношеніи Пер-
вый Консулъ услужилъ обществу не менѣ
иныхъ Европейскихъ Правленій. — Изящ-
ность политическихъ уставовъ Италіян-
ской Республики пріобрѣла хвалу всѣхъ
хорошихъ умовъ въ Европѣ.

Что же можетъ пугать господъ Жур-
налистовъ въ Англій? Конституція ли
Италіянская? но развѣ они видятъ въ
ней новые арсеналы, грозную артиллерію,
спрашныя арміи? или въ названіи *Ита-
ліанской* Республики, столь для нихъ
ужасномъ, открыли сѣи господа какую
нибудь неприступную крѣпость съ легі-
онами гиганшовъ, готовыхъ испребить
родъ человѣческой? Самые грозные Журна-
листы говорятъ, что новое Чизальпин-
ское Правленіе только *смѣшно*; что оно
„въ одну Коллегію сажаетъ умныхъ лю-
„дей безъ денегъ, а въ другую денежныхъ
„людей безъ ума.“ Пусть же они смѣются,
не пугая людей, и не стараюсь чернить
благодѣтеля Франціи, котораго сами они
за нѣсколько мѣсяцевъ передъ симъ назы-
вали миротворцемъ и спасителемъ Евро-
пы! — —

Генералъ Ланъ отправился къ своему мѣсту. Гражданинъ Даннери ѣдетъ туда же *Коммиссаромъ* торговли. Госпожа Бурдикъ, давно извѣстная по стихамъ своимъ, искала сего мѣста для своего мужа, и теперь вездѣ говоритъ съ насмѣшкою, что Первый Консуль отправляетъ въ посольство всѣхъ ословъ, *tous les ânes*. Госпожа Бурдикъ есть женщина, и слѣдственно не очень скромна; любитъ оспроуміе, и слѣдственно любитъ *каланбурь*. *Apparement le Consul aime mieux*, прибавляетъ она, *qu'on fasse des aneries à Lisbonne, qu'à Paris*. (Надобно замѣнить, что въ имени *Lannes* и *Dannery* есть *âne*.)

Изъ *Courier de Londres*.

III.

ЕГИПЕТСКІЯ ПРОИСШЕСТВІЯ.

Письмо Англійскаго Офицера изъ лагерьа при Александри, отъ 14 Окт. 1801.

Мы посмотримъ на древній столбъ *Помпеевъ*! . . . Представьте себѣ большую гранишную колонну, чрезмѣрной толщины, и цѣльную, въ 67 фузовъ вышиною отъ подножія, на которомъ она стоитъ, а съ подножіемъ 90 фузовъ.

Пьедесталь составленъ изъ двухъ огромныхъ кусковъ гранитнаго мрамора. Трудно вообразить, какъ столпъ могъ быть поставленъ на пьедесталь, и какимъ орудіемъ это сдѣлано! Статуя Клеопатры есть тонкой, четвероугольной столпъ, вышиною въ 70 футовъ, сооруженный на берегу моря изъ цѣльнаго гранита, и покрытый гѣроглифическими фигурами. Я собралъ отломки отъ сихъ двухъ столповъ и гроба, находящагося въ пирамидѣ. Французы еще не все вышли изъ Александрии, и по тому намъ должно брать паспорта, чтобы видѣть городъ. Отъ городскихъ воротъ идетъ прямая улица (длиною версты двѣ), окруженная съ обѣихъ сторонъ развалинами. Множество гранитныхъ столповъ лежитъ на главной городской площади, гдѣ сдѣланы прекрасные мраморные колодези. Три большія колонны, почтенный остатокъ древней архитектуры, стоятъ уединенно. Французы начали строить другую площадь, но не окончили. Улицы узки и не хороши. Городъ не имѣетъ ни правильности новыхъ, ни великолѣпія древнихъ городовъ; онъ наполненъ развалинами, и самая обитаемая мѣста похожи на развалины. Въ нѣсколько лѣтъ не возможно очистить его, и Французы вообще ничего не сдѣ-

лаали для украшенія Александріи; они даже и для себя не построили никакихъ жилищъ, а только взяли все, что доспойно любопытства, и что безъ сомнѣнія съ удовольствіемъ продадутъ намъ же за дорогую цѣну. Ихъ Офицеры и солданы ежедневно приходятъ въ нашъ лагерь, продавать часы, вельблужью шерсть, рубашки, сабли и самыхъ женщинъ. Француженки ходятъ всѣ въ мужскомъ платьѣ. Нѣкоторыя Египтянки очень хороши, а другія черны какъ Арабки. Нынѣшній день я встрѣшилъ женщину смуглую, но пріятную лицомъ, которая ѣхала верхомъ съ Французскими Офицерами; на ней были панталоны, сапоги съ шпорами и прекрасное кисейное платье. Египтянки такъ закушывающіяся, что видны только бездушные глаза ихъ. — Французы укрѣпили городъ; но онъ не можетъ держаться, какъ скоро непріятель осадитъ его и съ моря и съ земли. — Образованіе и характеръ жителей совершенно отвѣчаютъ варварской наружности города.

Письмо отъ 24 Окт. 1801.

8 Октября, въ 10 часовъ утра, поѣхали Адмиралъ и морскіе наши Офицеры, вмѣстѣ съ Турецкимъ Адмираломъ

галерѣ и съ его свитою, изъ спавки Генерала Годчинсона въ спавку Капитан - Паши, и приняты были Турецкою арміею съ музыкою и съ распущенными знаменами. Сошедши съ лошадей и приближаясь къ Адмиральской палаткѣ, открытой спереди, увидѣли мы Капитан - Пашу, сидящаго на богатой софѣ. Вокругъ его сидѣли на той же софѣ Египетскій Паша, начальникъ Турецкой арміи и Рейсъ - Эффенди, которые потчасъ встали, а Капитан - Паша принялъ насъ сидя. Намъ поставили стулья подлѣ софы. Адмиралъ сѣлъ на правой сторонѣ Капитан - Паши. Главные Турецкіе Офицеры флота и арміи стояли за нами; позади ихъ свита Адмирала, украшенная разными знаками опличія; а вокругъ спавки гвардія его. На немъ былъ кафтанъ изъ бѣлаго Персидскаго атласа, а сверху парадная одежда изъ тонкаго краснаго сукна, застегнутая на груди двумя діамантовыми пряжками. За атласнымъ кушакомъ свѣтился кинжалъ, весь осыпанный брилліаншами. Голова украшалась богатою чалмою, унизанною по складкамъ жемчугомъ. Великолѣпная одежда, почтенный видъ его, длинная черная борода, которую онъ безпрестанно гладилъ рукою, казались намъ любопытнымъ предметомъ. Другіе

вельможи, на софѣ сидѣвшіе, были почти такъ же богато одѣшны.

Принесли кофе и разныя варенья; а по томъ началась церемонія; тѣмъ, что Капитан - Паша надѣлъ на Адмирала нашего богатую шубу. Подали звѣзду, красную ленту и медаль новаго Турецкаго *Ордена полумѣсяца*. Адмиралу надлежало стать на колѣни!! Читали Султановъ Фирманъ, копорый давалъ Капитан - Пашѣ право украсить знаками Ордена Англійскаго Адмирала. Когда обрядъ совершился, Лордъ всталъ, и началась пушечная стрѣльба. Звѣзда осыпана прекрасными брилліянтами, а шуба стоитъ 300 фунтовъ стерлинговъ. — Когда Адмиралъ нашъ сѣлъ на свое мѣсто, тогда три Англійскіе Капитана и Поручикъ Виперсъ съ такими же обрядами удостоились знаковъ Турецкаго рыцарства; но имъ дали только золотую медаль Ордена безъ шубы. На канунъ того дня Генералъ Готчинсонъ и Сиръ Р. Биккерпонъ получили первую степень *Полумѣсяца*, а другіе Офицеры вторую. — Во все время церемоніи играла музыка; а послѣ читали пышную рѣчь о могуществѣ Великаго Султана и драгоцѣнности знаковъ милости его. Намъ угостили еще шербе-

номъ и оиправили съ пушечными выстрѣлами.

*Письмо изъ Александрии, отъ 27
Октября 1801.*

Здѣсь случилось такое ужасное и гнусное злодѣйство, которое (хотя мы уже давно знаемъ жестокость и вѣроломство Турецкой Полипики) казалось намъ невозможнымъ въ присутствіи союзной Англійской арміи. Капитан - Паша призвалъ къ себѣ знаменнѣйшихъ Беевъ съ ихъ Мамелюками, воспрѣтилъ въ своемъ лагерѣ съ великою почестію, и увѣрилъ именемъ Сулпана, Алкорана и пророка, что они не должны ничего спрашивать, и что имъ возвращены будутъ ихъ собственности и всѣ права. Генераль нашъ самъ торжественно ручался за вѣрность сего обѣщанія. Капитан - Паша предложилъ имъ послѣ того ѣхать въ Константинополь, гдѣ Сулпанъ, по словамъ его, крайне довольный ихъ усердіемъ, желаетъ изъяснить имъ знаки своей высокой милоспи. Но Бей съ величайшею покорностію отвѣчали, что въ настоящихъ обстоятельствахъ они не могутъ на то рѣшиться.

22 Сего мѣсяца Капитан - Паша угощалъ ихъ завтракомъ, осыпалъ ласками,

и предложилъ имъ ѣхать съ нимъ водою въ Александрію для свиданія съ тамошнимъ Англійскимъ Комменданпомъ ; о чемъ увѣдомили и Генерала Окса , который пригатовилъ для госпей софы , кофе и другіе напитки. Бей съ радостію согласился на такое учпивое предложеніе и сѣли съ нимъ въ его ботъ. Но Капитан-Паша въ ту же минуту опять сошелъ на берегъ , сказавъ , что ему есть дѣло въ лагерѣ ; а ботъ отвалилъ отъ берега , и Беймъ объявили , что они взяты подъ епружу , и будутъ на кораблѣ отправлены въ Константинополь. Нѣкоторые изъ нихъ хопѣли обороняться. Турки бросились съ саблями и почти всѣхъ безчеловѣчно умертвили. Семь Беевъ , знатнѣйшей между ими Османъ , Мурадовъ преемникъ , который такъ ревностно спѣшилъ соединиться съ нами близъ Каира , и еще молодой Мугамедъ Альнадаръ , усердный другъ Англичанъ , вмѣстѣ со многими Агами , лишились жизни въ ботѣ ; другіе пять были ранены и отвезены какъ плѣнники на Турецкій корабль.

Генераль Годчинсонъ , узнавъ о такой звѣрской люпосни , спѣшилъ изъяснить Капитан - Пашѣ свое презрѣніе , и требовалъ освобожденія какъ 400 Мамелюковъ , заключенныхъ въ Турецкомъ лагерѣ , такъ

и остальных Беевъ, вмѣстѣ съ труппами убитыхъ. Не довольствуясь двусмысленными оповѣщеніями, онъ приказалъ Генералу Стуарту итти къ Туркамъ съ чепырма полками, съ пушками и съ опрядомъ конницы; но Капитан-Паша, не дождавшись ихъ, велѣлъ освободить Мамелюковъ и предсавить нашему Генералу съ ихъ савками, лошадьми, вельблюдами, оружіемъ и проч.; тѣла убитыхъ Беевъ были также намъ отданы; на каждомъ изъ нихъ нашлось болѣе десяти сабельныхъ и кинжалныхъ ранъ. Мамелюки, видя окровавленные трупы своихъ начальниковъ и благодарителей, бросились обнимать ихъ съ сильнѣйшими знаками горести, и процессія, въ которой они несли ихъ до Англійскаго лагеря, была самая трогательная. Бей освободились на другой день. Паша не зналъ, что дѣлать, имѣвъ повелѣніе отправить ихъ въ Константинополь; но какъ Генералъ Стуартъ требовалъ непремѣнно свободы Беевъ и рѣшительно объявилъ, что онъ въ случаѣ отказа употребитъ силу, то ихъ привезли ночью въ лагерь и поутру выдали Генералу, который, во всю ночь проспоявъ съ войскомъ въ ружьѣ, на разсвѣтѣ самъ поѣхалъ съ опрядомъ драгунъ къ савкѣ Капитан-Паши и принялъ несчастныхъ.

Легко можно вообразить благодарныя чувства людей, спасенныхъ такимъ образомъ отъ вѣрной смерти, и я завидовалъ въ семь случаѣ Генералу Спуарту, исполнившему святыи долгъ челоуѣколюбія. Бей, на пути въ главную квартиру Генерала Гопчинсона, проходя сквозь линію войскъ нашихъ, были привѣтствуемы своими избавителями, и ввечеру собрались для печальнаго и торжественнаго погребенія своихъ браіій.

*Другое письмо изъ Александрии отъ
того же числа.*

Наша дружба съ Турками, которая во все время войны казалась искреннею и твердою, поколебалась отъ злодѣйскаго умерщвленія Беевъ. Гнусное вѣроломство, достойное варваровъ! Наша въ самое поупро завпракалъ съ ними и дарилъ ихъ. Генералъ Гопчинсонъ ужаснулся, будучи не только солдатъ, но и челоуѣкъ; онъ рѣшился въ шу же минути освободить Беевъ, которые оспались живы — и Генералъ Спуартъ съ обыкновеннымъ своимъ мужествомъ исполнилъ его приказаніе. Ибрагимъ Бей и товарищи его должны имѣть такую же участь въ Каирѣ: Визирь хотѣлъ, какъ слышно, взять ихъ

подъ спражу въ ночь же самой день и отправить въ Константинополь; но вѣроятно, что онъ перемѣнитъ мысли, когда узнаетъ рѣшительное прѣбваніе нашего Генерала. Нещасный Османъ и другіе умерщвленные Бей погребены съ великою честью близъ Александріи. Паша не хотѣлъ сперва отдать тѣла убитыхъ, чтобы отправишь ихъ головы въ Константинополь.

Визирь, по новѣйшимъ извѣстіямъ, заключилъ съ бывшими въ Каирѣ Бейми родъ пракаша, по которому они должны ѣхать въ Константинополь и получить значныя мѣста въ Турціи.

Между тѣмъ остальные Бей — ибо ихъ всѣхъ 24 — ушли въ Верхній Египетъ, собираютъ тамъ войско, и намѣрены прошивишься Туркамъ всѣми силами, такъ, что Визирю трудно будетъ усмирить Египетъ. Онъ съ большею частью своей арміи стоитъ близъ Каира, хочетъ ввести тамъ новое правленіе, и дѣшомъ возвратишься въ Константинополь черезъ Сирію и Анаполію. Генераль Готчинсонъ, съвѣвъ съ арміею на корабли; оставилъ въ Александріи и Розетѣ еще сильной Англійской гарнизонъ, сверхъ 5000 человекъ, присланныхъ изъ Индіи

черезъ Суэдъ. Изъ Италіи увѣдомляютъ, что Англійское Правительство велѣло еще двумъ полкамъ возвратиться изъ Мальшы въ Египетъ. Храбрый Генераль Гопчинсонъ опасно боленъ въ Мальшѣ.

IV.

Умноженіе силъ Франціи.

Вестфальскій миръ есть та эпоха, въ которую гордая Франція вздумала силою и хитростями управлять Европою. Уже при концѣ седьмого - десятаго вѣка нѣкоторые прозорливые умы замѣтили сію тайную цѣль, и назвали ее намѣреніемъ учредить *всеобщую Монархію*. Но коварная Полишика Франціи не хотѣла вдругъ обнаружить того; распространяла завоеванія мало по малу, и всегда что нибудь отдавала назадъ. Обстоятельства благоприятствовали Французскому Кабинету, и ему оставалось пользоваться несогласіемъ другихъ Державъ: онъ всячески питалъ оное; дружилъ то съ одною Державою, то съ другою; онъ теряли, а онъ выигрывалъ. Когда Европа, видя его замыслы, соединенными силами ему противопоставилась: тогда сей Кабинетъ искусно и хитро ошвлекалъ одинъ Дворъ за другимъ отъ общаго союза,

предлагалъ имъ частныя выгоды, а самъ получалъ наконецъ болѣе всѣхъ. — Такимъ образомъ Франція пріобрѣла Вестфальскимъ миромъ

	Нѣм. кв.др. мил.	Людей:	Доходы лиграммъ
Мецъ, Туль и Верюнъ (погда за нею ушвер- женныя)	57	349,300	6,800,00
Эльзасъ	265	626,400	8,800,000
Руссильонъ	143	188,100	2,600,000
Аршуа и Фландрію	208	734,600	14,800,000
Геннегау и Камбресисъ	119	265,200	5,500,000
Франш - Конте	436	678,000	9,200,000
Лотарингію	447	834,600	10,800,000
Корсику	195	124,000	600,000
	2080	3,801,000	59,800,000

Сею послѣднею войною еъ 1792 году

	кв.др. мил.	Людей:	Новые до- ходы еще не извѣ- стны.
Савоію	180	411,700	
Ниццу	5	93,366	
Авиньонъ и Венессень	4	200,500	
Голланд. Фландрію	—	—	
Масприхтъ и Ванло	36	90,000	
Белгію	53	1,880,000	
Рейнскіе Депаршамен.	652	1,658,500	
Женеву и ея владѣнія	5	40,000	
Мильгаузенъ	—	7200	
	1498	4,381,466	

Вмѣстѣ съ прежними завоеваніями составилъ сіе 3577 квадратныхъ Нѣмецкихъ миль и 8,182,266 жителей; то есть, числомъ людей болѣе трехъ Коро-

левствѣ Португалліи, Даніи и Швеціи. Къ тому надобно прибавить еще Піемонтъ, островъ Эльбу, а можетъ быть (по шайному условію Гишпаніи съ Франціею) и Герцогство Парму.

А какъ теперь начальникъ Франціи правитъ и новою Италіянскою Республикою, то къ осми милліонамъ присоединяется еще пять. Сверхъ того Франція получаетъ Гишпанскую часть острова С. Доминго и прекрасную Американскую область Луизиану.

Силы Франціи умножаются еще рѣшипельнымъ вліяніемъ сей Республики на Голландію, Швейцарію, Эпсрурію, итакъ, что она имѣетъ въ своихъ повелѣніяхъ 50 милліоновъ людей, и можетъ справедливо называться *великою націею!*

У.

С М Ъ С Ъ.

Смерть Парижскаго слона была обильною матеріею для стиховъ и прозы. Стихотворцы писали Элегіи отъ имени нечальной слоники, или отъ своего имени упѣшали несчастную супругу. Одинъ Журналистъ уведомилъ публику, что Мерсье, до сего

времени страстный любовникъ луны, измѣнилъ ей и хочеть сочешаться законнымъ бракомъ со вдовою слона, какъ скоро она осушитъ слезы свои о покойникъ. Другой описывалъ, какъ Госпожи Жанлисъ, Кендорсетъ, Талльень, Бершень, приходили изъяслять ей сожалѣнїе; какъ первая разсыпала у ногъ ея 40 помовъ сочиненїй своихъ; какъ вторая философствовала съ нею; какъ третья совѣтовала ей снова выпши за - мужъ и топчасъ развеспись; какъ четвертая крипиковала нарядъ ея, фигуру хобота, и проч. Все это не очень остроумно, но доказываетъ по крайней мѣрѣ, что Французы снова принялись за старое ремесло шупокъ. Европа можетъ быть спокойна!

Аббатъ Сикаръ въ послѣднемъ собранїи Парижскаго Института природно-глухихъ и нѣмыхъ заставилъ всѣхъ зрителей удивляться своему великому искусству изъяснять ученикамъ метафизическія идеи. На примѣръ, толкуя имъ, что такое гражданинъ, онъ описываетъ сперва человека, указываетъ на голову и сердце, главные источники нашихъ способностей; послѣ того изъясняетъ идею жителя знаками употребленїя пищи, сна и продолженїя сихъ дѣйствїй въ одномъ мѣстѣ; наконецъ выражаетъ идею города знаками

множества домовъ, огромныхъ зданій, площадей, обнесенныхъ стѣнами. И такъ гражданъ есть жительство города, а не земли. Гражданское сословіе есть соединеніе гражданъ, а городъ соединеніе домовъ. Ученики Сикаровы въ одну минуту пріобрѣтаютъ сіи понятія. — Не лъзя безъ живѣйшаго удовольствія видѣть вокругъ Сикара множество несчастныхъ молодыхъ людей обоего пола, незнакомыхъ съ нашими предразсудками и пороками, смотрящихъ съ благодарностію и съ величайшимъ вниманіемъ на своего добродѣтельнаго наставника, котораго считаютъ они вѣщнымъ Провидѣніемъ, и который даетъ имъ новые органы. — *Gazette de France.*

Всего чаще, какъ извѣстно, бываютъ самоубійства въ Англіи, и ни въ какомъ мѣсяцѣ не бываетъ ихъ столько, какъ въ Ноябрь.

Въ Тависпокской гошпитали есть человекъ, который нѣсколько разъ въ годъ падаетъ въ обморокъ, холодеетъ и кажется совершенно мертвымъ; сердце не бьется, кровь безъ движенія, дыханія нѣтъ. Всего чуднѣе, что онъ всякой разъ предувѣдомляется о томъ сновидѣніемъ.

Въ Кенпскомъ Графствѣ, въ Эвайскомъ приходѣ, живутъ 45 человекъ, которымъ вмѣстѣ 3450 лѣтъ отъ роду.

Мы увѣдомляли нашихъ Чипашелей о господинѣ Арчерѣ, богатомъ Англичанинѣ, который опдалъ прекрасный замокъ свой паукамъ, совамъ, галкамъ и другимъ живошнымъ. Теперь прибавимъ, что библіотека его, гдѣ голуби завели свои гнѣзда, состояла по большей части изъ книгъ, принадлежавшихъ нѣкогда великому Невшону. Арчеръ былъ его правнукомъ.

VI.

Извѣстія и замѣчанія.

Опвѣштъ Берлинскаго Кабинета на Ганноверскую ноту достоинъ примѣчанія. Король Прусскій, признавая святость Люневильскаго мира, желаетъ, чтобы въ слѣдствіе его какъ можно скорѣе рѣшилась участь Германіи; чтобы Принцы, которые лишились своихъ владѣній на лѣвомъ берегу Рейна, были награждены за то единственно по соразмѣрности утраченныхъ ими доходовъ; но чтобы владѣнія *наслѣдственныхъ* Князей оспались въ *своей* цѣлости, какъ неотъемлемая собственность; чтобы Тосканскій Домъ, по Люневильскому трактату, и Оранскій, по

другому старѣйшему, были удовлетворены въ Германіи за поперянное ими въ Италіи и въ Голландіи. Король исчисляешъ все то, что онъ сдѣлалъ для защиты сѣверной Германіи, и надѣясь на ея справедливую благодарность, объявляешъ права свои на удовлетвореніе за его собственныя поперя на лѣвомъ берегу Рейна.

Достоинъ также примѣчанія указъ Короля Шведскаго отъ 26 Января 1802. Нѣкоторые Шведскіе дворяне, по случаю ссоры ихъ на Сеймѣ съ Ландмаршаломъ, торжественно отказались отъ своихъ правъ, служащихъ вездѣ ободреніемъ и наградю добродѣтели. Король съ прискорбіемъ говоритъ о семъ дѣйстви, котораго законы не могли предвидѣть, но которое не сообразно со благомъ общества, доказываешъ презрѣніе къ его древнимъ успавамъ и разрушаешъ самый порядокъ государственный. Его Величество объявляешъ, что опнынъ всякой дворянинъ, который откажется отъ законныхъ правъ рыцарства и дворянства, долженъ быть признанъ недоспойнымъ гражданиномъ и немедленно высланъ изъ Швеціи.

О судьбѣ Французскаго флота, отправленнаго въ Вест-Индію, нѣтъ еще никакихъ вѣрныхъ извѣстій. Въ Мони-

пёрѣ напечатано объявленіе Генерала
 Туссена Луверпюра по случаю усмиренія
 С. Домингскаго мяшежа. Мы переведемъ
 нѣкоторыя мѣста изъ онаго: „Съ самаго
 „начала Революціи я всячески старался
 „возвратить покой и щастіе моему оте-
 „честву. Принужденный сражаться со
 „внѣшними и внутренними непріятелями
 „Французской Республики, я велъ войну
 „мужественно и честно; доказывалъ
 „моимъ товарищамъ, что чины ихъ
 „должны быть только наградою храб-
 „рости и безпорочнаго поведенія; изъяс-
 „нялъ нынѣ казняному Генералу Моизу
 „святыя правила нашей Религіи; увѣ-
 „рялъ его, что всякой безбожникъ поги-
 „баеть; но онъ не внималъ отеческимъ
 „наставленіямъ, слѣдовалъ гнуснымъ
 „спрастямъ, и упалъ въ бездну. Сей же-
 „спокой опытъ научаетъ меня осторож-
 „ности; и отнынѣ не буду никого жа-
 „ловать въ Дивизионныя Генералы безъ
 „новыхъ повелѣній Французскаго Прави-
 „тельства. — — Въ прежнихъ моихъ
 „объявленіяхъ я изъяснялъ должность
 „родителей воспитывать дѣтей въ Хри-
 „стіанскомъ благочестіи, которое есть
 „основаніе гражданскаго щастія. Всѣ злые
 „враги Колоніи были безбожники. — —
 „Трудолюбіе также необходимо для блага

„обществѣ. Лѣнивые и праздные способ-
 „нѣе другихъ къ злодѣянїямъ. Да знаютъ
 „всѣ, что для мирной и добродѣтельной
 „жизни необходима работа, и прилѣжная
 „работа!“

Кажется, что поступки Гваделупскаго Коммиссара Лакросса не заслужили одобренїя Консульскаго, и что въ Парижѣ счищаютъ его виноватымъ. — Въ одномъ Журналѣ описываютъ Мулапа Пеллажа, который теперь начальствуетъ въ Гваделупѣ *сѣ согласїя жителей*, слѣдующимъ образомъ: „Онъ есть сынъ Арабки и Мулапа, имѣетъ отъ роду 30 лѣтъ; ремесломъ каменщикъ; во время Революціи отличился смѣлостїю, и прїѣхалъ въ Брестъ, когда Англичане завладѣли Мартиникою; по возвращенїи своемъ въ Гваделупу хотѣлъ съ нѣкоторыми дерзкими товарищами выгнать Англичанъ изъ Мартиники, но не успѣлъ, и едва могъ спастись. Пеллажъ имѣетъ мрачный видъ, и, прошивъ обыкновенїя Мулаповъ, весьма молчаливъ. Тѣ, которые въ 1795 году знали его въ Брестѣ, примѣчали въ немъ снраспную любовь къ свободѣ и ненависть къ Англичанамъ. Товарищи считаютъ его Героемъ и великимъ человекомъ.“

Во Франціи и въ Англіи восхищаются карпиною доходовъ и расходовъ

Американской Республики, не давно обнаруженной въ Вѣдомостяхъ. Должно безъ сомнѣнiя отдать справедливость мудрой экономiи ея Правительствѣ, которое могло освободить народъ отъ большей части налоговъ, не имѣя въ нихъ нужды; но должно вспомнить и то, что въ послѣднiя десять лѣтъ бѣдствiя Европы обращались во благо для сѣверной Америки, копорая, среди всемирной войны, наслаждалась миромъ, занимаясь успѣхами земледѣлiя, искусствъ и торговли. Богатые колонисты Анпильскихъ острововъ искали убѣжища въ мирной Америкѣ. Ея корабли свободно ходили по всемъ морямъ; всѣ приспани были для нихъ отворены; число жителей умножалось; Ирландiя, Германiя и Францiя надѣляли Америку своими земледѣльцами, ремесленниками и торговыми людьми. Въ такомъ положенiи мудро ли благоденствовать гражданскому обществу? — *Gazette de France.*

Вопль главныя спашьи новой Конституцiи острова Корфу: „Верховная власть принадлежитъ *Аристократическому Совѣту*, состоящему изъ 240 Членовъ; 140 должны быть избраны въ мѣстечкахъ и деревняхъ, а 100 въ городѣ: 40 изъ благородныхъ, 40 изъ владѣльцевъ или художниковъ,

14 изъ купцевъ и 6 изъ ремесленниковъ. Члены сего Совѣта называются *Aristi*, и опредѣляются на всю жизнь; на мѣсто умершаго Совѣтъ избираетъ новаго изъ того же рода людей. Кто изъ *Aristi* внадепъ въ пресупленіе или обличится во взяткахъ, теряетъ свое достоинство. Учреждается Ценсура для надзиранія за поведеніемъ Членовъ Совѣта. Прежніе Венеціянскіе законы остаются въ силѣ своей до новаго уложенія, которое долженъ Совѣтъ издать немедленно. Онъ выбираетъ Членовъ Правленія и судей только на одинъ годъ; имѣетъ право и смѣнять ихъ; во всѣхъ случаяхъ рѣшитъ по большинству голосовъ; печется о безопасности острова и воинскихъ силахъ; можетъ перемѣнить нѣкоторыя статьи Конституціи, но не касается до главныхъ. Религія и общенность священны.“

Весенняя распутица лишила насъ иностранныхъ новѣйшихъ извѣстій. Изъ полученныхъ сію минушу газетъ спѣшимъ выписать самое любопытнѣйшее.

Изъ Милана отъ 15 Февр. Наконецъ Италіянская Республика учреждена. Вчера гражданинъ Мельци со всеми новыми

чиновниками пришелъ въ большую залу Народнаго Дома, сопровождаемый рукоплесканіемъ безчисленныхъ радостныхъ зрителей. Генераль Мюра произнесъ слѣдующую рѣчь: „Консуль Бонапарте повѣлѣлъ мнѣ объявить народу Италіанской Республики конецъ временнаго Правленія и начало новаго, законнаго и вѣчнаго. Республика выходитъ нынѣ изъ облаковъ, окружавшихъ бурные дни ея рожденія. Гражданинъ Вице - Президентъ, и вы, участники новаго Правленія! сколь велика и прекрасна ваша обязанность! Слава ожидаетъ васъ, назначенныхъ образоватъ характеръ, мнѣніе, нравы юнаго народа, и бытьъ основателями его благоденствія! Храмъ Памяти опверснъ для гражданскаго правителя и Героя. Не думайте, чупобы пушь вашъ усѣянъ былъ одними дѣлтами. Не рѣдко оскорбляется сердце великихъ чиновниковъ; не рѣдко бывающъ они предметомъ злословія. Но вы все побѣдите, и въ концѣ своего печенія найдете сладостную награду: любовь и благодарность согражданъ.“ — Рѣчь гражданна Фонтаны, Президентна Законодательной Консульши: „Гражданинъ Вице - Президентъ! народъ, благородный и великодушный, ожидаетъ отъ тебя всего щасія. Ты можешь показатъ все

великіе таланты свои, всю швердосшь характера и добродѣтель швоего сердца. Давно уже мы, швои сограждане, удивлялись въ тебѣ симъ рѣдкимъ свойствамъ во времена нещастныя: теперь отечество справедливо называетъ тебя своимъ утѣшителемъ; и ты съ радостію душевною мыслишь: „я исполню его желаніе, слѣдуя движенію моего сердца, и во всѣхъ случаяхъ находя опору въ единшвенномъ человѣкѣ, для котораго, донинѣ всякое желаніе было исполненіемъ.“ — Рѣчь гражданина Соммаривы, начальника временнаго Правленія: „Первый Консуль удостоилъ насъ способствовать введенію новыхъ, вѣчныхъ уставовъ. Нынѣ отдаемъ тебѣ, гражданинъ Вице - Президентъ, драгоценное, но тяжкое бремя, которое несли мы два года, сражаясь съ трудными обстоятельствами. Силы наши были слабы. Мы утѣшались надеждою видѣть со дня на день конечное образованіе Республики; но сія надежда не исполнялась, и радостныя мечты зашмѣвались въ душахъ томныхъ. Мы обратились къ безмерному Бонапарте, шребуя отъ него законовъ и щасливыхъ дней для Республики. Наконецъ пришла благословенная эпоха, и тебѣ, достойный Вице-Президентъ, ввѣренъ драго-

цѣнный залогъ народнаго щастія. Доля
 швоя завидна : ибо ты можешь исполнить
 надежду Республики ; ибо великій духъ
 швой можетъ побѣдить всѣ трудности ;
 ибо имѣешь достойныхъ сотрудниковъ!“ —
 Рѣчь Вице - Президента: „Граждане! обя-
 занность моя превосходитъ мои силы; но
 когда Бонапарте избралъ меня; когда вы
 имѣете ко мнѣ довѣренность, то я дол-
 женъ принести себя въ жертву опече-
 ству. Сія довѣренность, таланты со-
 трудниковъ и совѣтъ великаго мужа
 вселяютъ въ меня мужество. Члены
 временнаго Правленія ! вы дѣйствовали
 въ обстоятельствахъ опасныхъ. Нынѣ
 учреждается вѣчное Правленіе, и при-
 мѣръ минувшихъ Революцій будетъ не
 бесполезенъ для временъ будущихъ. Пре-
 зидентъ Консульты Законодательной,
 гражданинъ долголѣпный мудростию и
 добродѣтелию, украшеніе Республики ! му-
 жамъ, подобно тебѣ просвѣщеннымъ, вѣ-
 ряется самая святѣйшая власть: власть
 мудрости и влѣнія на общее мнѣніе!
 Доказывайте людямъ, что развратъ и не-
 справедливость проотивны щастію; что
 истинная слава бываетъ только слѣд-
 ствіемъ благонравія! А ты, товарищъ
 великаго Героя, и начальникъ многихъ
 Героевъ, долженъ свую права завоеванія

обратитесь въ союзъ братства между двумя народами, созданными любовью другъ друга! вы избраны еще украсить своимъ присутствіемъ славный день сей, будучи для насъ образомъ великаго Бонапарте! Лучшій способъ предсказывать его есть любовь, подобно ему, наше благоденствіе. Прими изъясненіе народной благодарности! Утверждая Италіанскую Республику, ты утвердишь славу ея основателя и твоего друга!“ — — Въ сіе время читали народу слѣдующее объявленіе Вице-Президента: „Рѣшительное Правленіе учреждено: Имя шворца и главы Республики увѣряетъ васъ, что надежда гражданъ исполнится. Когда Бонапарте есть нашъ путеводитель; когда Бонапарте предъ лицомъ всей Европы торжественно обѣщався быть мыслию и душою Республики, то чего ожидать не можемъ! Но мы сами должны удвоить ревность свою; должны образовать народъ сильный согласіемъ, щасливый мудростію и независимый истиннымъ республиканскимъ чувствомъ; должны образовать истинное начальство и правленіе. Обязанность великая! Чиновники; вами избранные, еще новы въ дѣлахъ: нужна ревность, дѣятельность; отъ сего

зависитъ ваше благоденствіе. Мы обѣща-
емъ вамъ порядокъ, экономію, усердіе и
справедливость; а вы должны обѣщать
уваженіе и довѣренность. Народъ въ свѣ-
ихъ чиновникахъ себя уважаетъ, а до-
вѣренность умножаетъ ихъ силы. Снесите
бремя гражданскихъ обязанностей для
общаго блага, и будьте увѣрены, что
Правленіе раздѣляетъ съ вами всякую
тягость. Согласіе необходимо, и все пре-
одолѣетъ; безъ него будете вѣчно без-
сильны. Вы доказали мужество въ бѣд-
ствіяхъ: докажите умеренность и твер-
дость во благоденствіи, которое ожидаетъ
васъ. Успремляясь на путь новый, храните
благородный видъ народа, опредѣленнаго
быть великимъ! Не забывайте, что Евро-
па взираетъ на васъ окомъ зависящаго, и
что строгое попеченіе ожидаетъ насъ.
Вамъ дано имя Италіанской Республи-
ки, чтобы вы имѣли право наследоватьъ
часть великой и непримѣрной славы дре-
вняго опеченства. Такъ, блестящія дѣ-
ла и семейственныя добродѣтели нашихъ
предковъ, которые покорили и озаряли
мѣръ, служатъ для насъ примѣромъ.
Будьте велики и подражайте ему! Да
знаютъ народы, сосѣды и братья ваши,
что миръ общаго семейства не нарушитъ

ся вами ; но что вы не уступите никому , если надобно будетъ явиться въ геройствѣ достойными сынами Римлянъ. Поле славы отверсно , и пальма есть награда для тѣхъ , которые мудростию своею и добродѣтелями окажутся достойнѣйшими имени Италіянскаго !“ — Народъ изъяслялъ величайшее усердіе и радость. 10000 Италіянскихъ и Французскихъ воиновъ стояли въ ружьѣ вокругъ Народнаго Дома , гдѣ въ 6 часовъ сѣли за обѣденный столъ всѣ чиновники. Праздникъ заключился великолѣпнымъ баломъ въ домъ Генерала Мюра.

(Изъ Монитёра.)

Другія извѣстія не важны. Султанъ запретилъ привозить невольниковъ въ Египецъ , по тому что они могутъ пристать къ Мамелюкамъ , которые должны быть истреблены вмѣстѣ съ Беями. — Король Гишпанскій собирается ѣхать въ Барселону. Думаютъ , что сіе путешествіе имѣетъ нѣкоторую политическую цѣль. — Англійскій Министръ Аддингтонъ боленъ. Лондонскіе Журналисты пишутъ , что спашуя Цереры , сдѣланная Фидіасомъ и подаренная Пери-

кломъ Элевзинскому храму, куплена въ Греціи двумя путешешествующими Англичанами и скоро будетъ привезена въ Кембричь!!

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

А П Р Ъ Л Ъ 1809.

№ 7.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Кто щедрѣе?

Въ царствованіе великаго Калифа Аарона Ал-Рашида жилъ въ Багдадѣ славный Бармесидъ, знашый родомъ и первый богачъ въ государствѣ. Всѣ народы воспока говорили о его сокровищахъ, великолѣпїи и щедрости, дошолъ безпримѣрной. И подданные и Государь участвовали въ дарахъ его. Рѣка ли раздѣляла двѣ провинціи? Бармесидъ строилъ мостъ. Засуха ли испребляла плоды земледѣлія? Бармесидъ пишалъ земледѣльцевъ. Народы ли восспавали прошивъ Калифа? Бармесидъ предлагалъ ему свои милліоны. Однажды Калифъ показалъ ему драгоценные камни, даръ Царей Индѣйскихъ: Бармесидъ на другой день подарилъ Государю

своему камни гораздо драгоцѣннѣйшіе. Онъ давалъ друзьямъ и непріятелямъ; награждалъ зависпниковъ, и они переспавали завидовать; бѣдному доставлялъ нужное, довольному богатство, богатому забавы. Уже достоинство и нищета не могли жить подъ однимъ кровомъ. Бармесидъ узналъ, что Омміады скипались въ бѣдности по горамъ Кандагарскимъ: онъ упросилъ Калифа оставить ихъ въ покоѣ, а самъ, хотя они были нѣкогда его гонителями, тайно послалъ къ нимъ большую часть наличныхъ денегъ своихъ.

Однажды говорили о праздникѣ, копорымъ Бармесидъ веселилъ Калифа, и о богатыхъ дарахъ, полученныхъ всѣми зрителями, даже и шѣми, копорые видѣли праздникъ только издали. „Надобно признаться, сказалъ Ааронъ, что Бармесидъ есть самой щедрой человекъ.“

Визирь Османъ приблизился къ Калифу, и сказалъ ему: „въ Мезандеранѣ попомокъ древнихъ Маговъ щедрѣе Бармесида.“ Ааронъ изумился, и хотѣлъ знать, по чему бѣдной Гебръ (*) можетъ равняться съ преславнымъ чпшелемъ Магомеша.

(*) Обожашель огня.

„Глава правовѣрныхъ! отвѣчалъ Визирь: сей Гебръ есть сынъ Коразанскаго земледѣльца, именемъ Мерузы. У него была одна сестра, съ прекраснымъ лицомъ, чувствительнымъ сердцемъ и добрымъ нравомъ. Они любили другъ друга по влеченію природы и гласу беззаконной ихъ религіи, которая велитъ брату на сестрѣ жениться; любили нѣжно, но безъ всякой пылкой страсти, которая обыкновенно гаснетъ отъ привычки жить вмѣстѣ. Однакожь любезная чета ожидала съ нетерпѣніемъ брачнаго союза. Моу — такъ называется молодой Гебръ — говорилъ сестрѣ: „какъ щаслива будетъ жизнь моя! я буду жить для тебя, о милая подруга!“

У нихъ былъ родственникъ, бѣдной земледѣлецъ, который питалъ работою себя и юнаго сына своего. Онъ умеръ. Моу сказалъ отцу: „сынъ родственника нашего еще не можетъ питаться трудами; дай ему пристанище въ домъ своемъ; научи мудрости и земледѣлію. Я вмѣстѣ съ нимъ буду обрабатывать поле его.“ Юный Эльминъ переселился къ Мерузѣ; онъ былъ прекрасенъ, нѣженъ и добродѣтеленъ.

Эльминъ съ восторгомъ наслаждался благодѣяніями и любовію невиннаго семей-

снва. Моу отдалъ ему сердце свое, и взялъ на обмѣнъ его сердце; но юная Элія, сестра Геброва, чувствовала подлѣ Эльмина какое-то безпокойство, ей неизвѣстное. Эльминъ не могъ насмотрѣться на Элію. Они всегда искали — и находили другъ друга; говорили безпрестанно, но молчали о томъ, что имъ болѣе всего сказать хотѣлось. Элія слушала брата своего безъ вниманія; отвѣчала холодно на его ласки. Онъ жалобался, но безъ сердца — кротко и нѣжно; огорчалъ, но не могъ переимѣнить ее; мучился, но всего болѣе отъ того, что оскорбилъ сестру свою. Моу сталъ грустенъ и печаленъ; глаза его померкли; розы юности на лицѣ увяли.

Онъ скрылся, — написавъ къ Мерузѣ: „Соедини священнымъ союзомъ Элію съ Эльминомъ; они любятъ другъ друга и себя; будущъ вмѣсто меня служишь и угождаешь себѣ. Иду къ Альзофану, нашему богатому родственнику, живущему въ Бассорѣ; онъ хочетъ принять меня въ домъ для торговыхъ дѣлъ своихъ. Надѣюсь, что посредствомъ прудовъ разбогачю; а богатство мое, успокоенъ старость твою, должно умножить счастье Эльмина и супруги его.“

Альзофанъ былъ самой богатой купецъ въ Бассорѣ; посылалъ корабли въ

Мелинду и въ Китай; имѣлъ загородный домъ, окруженный садами, виноградниками и полями необозримыми. Онъ взялъ Моу въ коншору свою, скоро увидѣлъ чудесный разумъ его, и сказалъ ему: „Норозанъ, главный прикащикъ мой, идетъ путемъ правды; но лучъ Митры не освѣтилъ ума его. Онъ часто ошибается ко вреду моего торгова, и любитъ праздность. Я думаю согнать его, и ты будешь моимъ прикащикомъ.“ — Моу спѣшилъ подать мудрые совѣты Норозану, который началъ обо всемъ его спрашивать и пересталъ ошибаться. Сей прикащикъ нѣжно любилъ жену и маленькихъ дѣтей своихъ: облегчаемый въ трудахъ добрымъ Моу, онъ имѣлъ болѣе времени наслаждаться семейственною жизнью, и былъ щастливъ. Альзофанъ призвалъ Моу и сказалъ ему: „я не зналъ Норозана; онъ не только добродѣтеленъ, но и разуменъ; никогда не опущу его отъ себя.“ Моу обрадовался, и по прежнему трудился для Норозана. Но Альзофанъ опять призвалъ его, и сказалъ: „Моу! я люблю тебя, и хочу ускорить твое щастіе. Возьми 100 *томановъ*, и поди ко мнѣ въ долю.“

Черезъ нѣсколько времени послѣ того Альзофанъ послалъ Моу въ загородный домъ свой и сказалъ: „ты достоинъ всей

моей довѣренности. Сынъ Мерузы долженъ знать совершенно божественную науку земледѣлія: посмотри, хорошо ли Мокодоръ управляетъ моими полями. Даю тебѣ совершенную власть надъ нимъ и рабами моими.“ — Моу поѣхалъ, оставивъ для Норозана письменное наставленіе, что ему дѣлать въ разныхъ случаяхъ.

Онъ нашелъ, что поля Альзофановы хорошо обработаны. Мокодоръ былъ уменъ, прудолюбивъ, знающъ, но жестокъ въ обхожденіи съ рабами. Нещасные скоро угадываютъ сердце великодушнаго чловека. Въ одинъ день невольники Альзофановы, покрытые окровавленнымъ рубищемъ, пришли къ Моу. Старѣйшій изъ нихъ сказалъ: „Взгляни на блѣдность и кровь нашу; мы изнурены работою; ослабли — и насъ за слабость наказываютъ. Многіе изъ насъ умерли; другіе молятъ смерти, чтобы успокоиться въ нѣдрахъ земли, которую они уже не въ силахъ обработывать. Опними у насъ жизнь, и опмисти Мокодору!“ — Мокодоръ, опвѣчалъ Моу, будетъ жертвою не мессти, а справедливости. Живите, чтобы любить Альзофана и быть ему полезными.

Мокодора сослали. Невольники стали здоровы и крѣпки. Моу опдалъ имъ часть денегъ, полученныхъ имъ опъ Альзофана.

Всякой, сказалъ онъ, долженъ награждать поспрадавшую невинность. Моу возвратился въ Бассору съ любовью и благодарностию рабовъ Альзофановыхъ, который прибавилъ ему жалованья и повѣрилъ корабль, отправляемый въ Китай; сверхъ того подарилъ ему еще 100 *томановъ* и дозволилъ превратить ихъ въ товары.

Изъ первыхъ ста *томановъ* Моу отплатилъ 20 къ отцу и столько же къ супругу Эли, написавъ къ своей милой сестрѣ: „Увѣдомляю тебя, что боги миѣ во всемъ благопріятствуютъ; но нынѣ въ первый разъ я насладился моимъ успѣхомъ. Утѣшай родителя нашего; люби всегда Эльмина, и помни Моу.“

Нагружая корабль свой, онъ увидѣлъ слезы въ глазахъ одного мапроза, и хотѣлъ знать причину. У меня есть мать, отвѣчалъ мапрозъ: она спарѣется и слабѣетъ. — Ты ѣдешь, сказалъ Моу, и бѣдная оспается безъ помощи? — Она жила моими трудами и доходомъ съ маленькаго садика, отвѣчалъ мапрозъ: но съ нѣкопорого времени ей мало того на порядочное содержаніе и на лекарства. Я продалъ садикъ, половину денегъ оставилъ матери, а другую беру съ собою, въ надеждѣ умножить ее посредствомъ торговли. Сохраню въ цѣлости жалованье,

которое получу отъ тебя; оно, вмѣстѣ съ барышемъ отъ товаровъ, доставитъ намъ необходимое для успокоенія старыхъ лѣтъ ея. — Кто же будетъ ходить за нею въ пеще отсутствіе? спросилъ Моу. — Государь! отвѣчалъ мапрозъ: одна добродушная родственница будетъ служить ей; но (примолвилъ онъ, заливаясь слезами) никто не можетъ замѣнить сына! — Моу обнялъ его, и сказалъ: „Оспанься съ матерью; работай въ глазахъ ея; отдай мнѣ деньги, которыя ты хотѣлъ употребить на товары; дозвожь прибавишь къ нимъ свое жалованье: я отвѣчаю тебѣ за вѣрную прибыль.“

Близъ Бассоры въ маленькомъ сельскомъ домикѣ жилъ Гебръ съ женою, которыхъ, не смотря на ихъ бѣдность и Религію, всѣ люди почитали за добродѣтель. У нихъ была одна дочь, прекрасная лицомъ и невинная душою. Наводненіе и другія нещастія разстроили ихъ хозяйство. Дочь говорила родителямъ, чтобы они продали ее въ Багдадъ, и шѣмъ поправили свое бѣдное состояніе. Гебръ и жена его не могли вообразить такой жертвы безъ ужаса; она еще болѣе ужасала невинную дочь, которая предлагала ее. Моу пришелъ къ нимъ и сказалъ: „У васъ на кораблѣ моемъ 20 томановъ;

когда возвращусь съ поварами, то вы получите за нихъ 40; вопрь еще 10 *томановъ* на поправку вашего домика и сада.“ — Прекрасная Нериза, дочь Геброва, слезами радости омывала руки добродѣшельнаго Моу, который удивлялся красотѣ ея, благородному виду и милой чувствительности. Ему казалось, что она, сохраняя вольность свою, радовалась возможности опдаться, а не продать свое сердце.

Наконецъ Моу поплылъ. Уже островъ Цейланъ остался позади его, когда онъ увидѣлъ неравный бой слабаго корабля съ сильнымъ морскимъ разбойникомъ областей Малакскихъ. Тогда подвластные шебѣ страны, Государь, были въ мирѣ съ ними; но Моу думалъ, что защипа слабаго есть должность человека — помогъ Индѣйскому кораблю, взялъ корабль разбойника, обезоружилъ его, и далъ ему свободу.

Прѣхавъ, въ Кипай, Моу въ нѣсколько дней продалъ свои товары, ибо онъ, выигрывая много, хопѣлъ, чтобы и купцы его имѣли выгоду; скоро накупилъ и тамошнихъ товаровъ для Бассоры — но только часны ихъ довезъ туда: корабль его былъ слишкомъ грузенъ; сдѣлалась буря, и Моу бросилъ

въ море почти все богатства свои; но спасъ надежду бѣдныхъ.

По возвращеніи въ Бассору Моу былъ довольно богатъ для жизни, но не для благодарностей. Онъ шайлъ свои недоспапки, боясь, что бѣдные, узнавъ о томъ, не будутъ требовать его помощи.

Онъ часто ходилъ къ добродушному Гебру, который жилъ въ довольствѣ. Нериза занималась родителеми, вдовами и сиротами, гораздо болѣе, нежели любовью городскихъ юношей, которые спарались ей нравиться. Моу видѣлъ благоденствіе сего мирнаго семейства и сердечно радовался. Однажды сказалъ имъ, что хочешь ѣхать изъ Бассоры и купишь землю въ Мезандеранѣ — „въ той странѣ, примолвилъ онъ, которая писала некогда нашихъ предковъ, и которая нынѣ оставлена. Тамъ каналы великаго Козру ожидаютъ рукъ трудолюбія, чтобы снова наполнились водами для плодородія земли. Тамъ все оживетъ отъ моей дѣятельности; все расцвѣтетъ отъ трудовъ моихъ, и съ умѣреннымъ достаткомъ сдѣлаю много добра. И небогатый можетъ помогать бѣдному селянину; но должно быть весьма богатымъ, чтобы помогать городскимъ бѣднымъ. Мнѣ жаль будемъ моего благодарителя Альзофана; жаль васъ.

Но еслили узнаю, что Нериза нашла супруга, достойнаго ея прелестей.“
 Тутъ глаза его наполнились слезами; любезная Нериза уже проливала ихъ. Родители ея сказали, что они всего болѣе желаютъ называть его сыномъ своимъ. Моу запрепешаль отъ восторга; но хотѣлъ еще знать, будетъ ли она съ нимъ щаслива. „Буду, буду! отвѣчала прелестная съ радостию: шотъ, кого люблю, есть мой благодѣтель. Ему обязана я моею свободою; ему посвящаю и жизнь мою!“

Моу прежде свадьбы призвалъ въ Басору отца своего, чтобы онъ благословилъ его бракъ; призвалъ Элю и Эльмина, чтобы они были свидѣтелями его щасія, и сами еще благополучнѣе.

Норозанъ, разбогатѣвъ помощію добродѣтельнаго Моу, хотѣлъ непременно ѣхать съ нимъ въ Мезандеранъ. Умный и честный Эльминъ заступилъ его мѣсто. Моу купилъ у Альзофана лучшихъ невольниковъ, которыхъ терзалъ нѣкогда Мокодоръ. Ему пріятно было возвративъ имъ свободу, дать землю во владѣніе и доставивъ сельской избытокъ.

Онъ поѣхалъ — купилъ обширную землю въ дикомъ Мезандеранъ, обработалъ ее и привелъ въ самое цвѣтущее состояніе.

Норозанъ, отецъ прелестной Неризы, нѣсколько мудрыхъ и бѣдныхъ людей сдѣлались искусными хлѣбопашцами. Моу служивъ имъ совѣтомъ, трудами и деньгами. Нериза занимается хозяйствомъ, удовольствіями супруга и благодѣтельными его намѣреніями. Здравіе, спокойствіе, довольство и тихая радость царствуютъ теперь въ Мезандеранѣ. — —

Когда Омаръ рассказалъ свою исторію, начались споры о томъ, кто щедрѣе: Бармесидъ или Моу? Тѣ, которые ожидали отъ богача или денегъ или пиршествъ, отдавали преимущество Бармесиду; но мудрые удивлялись добродѣтельному Моу.

Сен - Ламберъ.

II.

Удовольствіе.

Аллегорическая Сказка.

Душевный покой и тишина были, по Исторіи, родителями *Удовольствія*. Хотя Медики давно уже не вѣрятъ Гермафродитамъ; но оно, вопреки ихъ учености, есть средняго рода; оно есть, можетъ принадлежать къ тому и другому полу.

Удовольствіе вздумало путешествовать, и не зная ни свѣта, ни людей, вообразило, что ему вездѣ будутъ рады безъ денегъ. Въ самый первый день оно захопѣло ѣсть (ибо и для самаго *Удовольствія* нужна пища), и вошло въ бѣдную хижину. Тамъ хозяинъ сидѣлъ въ глубокой печали. Жена его кормила грудью младенца, которымъ Небо еще болѣе отягчило ихъ бѣдность. Два мальчика стояли подлѣ нихъ неподвижно, забывъ веселыя игры дѣтства.

Поселянинъ взглянулъ — увидѣлъ гостя, и печальнымъ голосомъ сказалъ ему :

„Любезный спранникъ, котораго лице
 „напоминаетъ мнѣ шаспливѣйшія вре-
 „мена, уже забытыя мною! за чѣмъ
 „пришелъ ты въ эту хижину, открывшую
 „для дождя и вѣтровъ? Намъ не гдѣ
 „помѣстить тебя. Мы знаемъ, что
 „людямъ твоего званія нужны всегда
 „пріятности и покой: здѣсь нѣтъ ни
 „покоя, ни пріятностей. Мы надѣялись
 „на богатую жатву: вчерашняя буря съ
 „градомъ истребила ее; хижина наша
 „осталась безъ кровли, а сердце безъ
 „утѣшенія! . . . Поди, поди къ господину
 „этой деревни, котораго замокъ видѣнъ
 „отсюда, и который любитъ угощать
 „тебѣ подобныхъ. Однакожь знай, что

„мы приняли бы тебя съ радостію, ешьли бы не поселилась у насъ, со вчерашняго дня, бѣдная женщина, именемъ *Горестъ*, которая безъ сомнѣнія не дружна съ побою.“

„Я послѣдую твоему совѣту, отвѣчало *Удовольствіе*: въ самомъ дѣлѣ не пріятно бытъ вмѣстѣ съ эпою скучною, несносною плаксою, о копорой ты говоришь. Я всегда бѣгаю отъ нее, хотя Философы, сочинители моей родословной, утверждаютъ, будпо она мнѣ сестра двоюродная. Никогда не глядитъ на свѣтъ Божій; вздыхаетъ, пужитъ; видитъ вездѣ бѣду и нещасіе; что слово, по жалоба. Она зависплива отъ природы, и не любитъ, чпобы я въ госпяхъ веселилось; бѣгаетъ за мною, и часпо выгоняетъ меня изъ дому добрыхъ людей, копорые мнѣ рады. Прости. Не сказывай ей, что я заходило къ тебѣ: она разсердился.“

Вѣпреное *Удовольствіе*, не думая о жалкомъ состояніи креспьянина, спѣшитъ въ замокъ богатаго господина; веселія мечпы юныхъ лѣтъ пипаютъ его воображеніе. Оно идепъ — и пріятная симфонія вдругъ опдаепся въ ушахъ его. Скоро показывается великолѣпная карепа; цеспъ гордыхъ коней красиво изгибающъ

шею; лакеи, гайдуки въ богатой ливреѣ величаво стоятъ назади; вокругъ идуть музыканшы. Господинъ, обрадованный встрѣчею *Удовольствія*, котораго онъ давно ждалъ къ себѣ, кричитъ: *стой!* Люди его бѣгутъ, скачутъ звашь въ гости пріятелей; а другіе хватаютъ подъ руки *Удовольствіе*, и сажаютъ его въ карету — насильно: ибо оно, любя свободу, любитъ пользоваться своими, а не чужими ногами.

Его опускаютъ на мягкія подушки, закрываютъ отъ солнца Флорентійскими *сторами*, которые мѣшаютъ ему видѣть прекрасные луга и рощи. *Удовольствіе* не любитъ роскоши; не терпитъ чиновъ, и для того почти всегда скрываетъ въ путешествіяхъ имя свое.

Оно могло бы еще сидѣть въ каретѣ покойно, естли бы господинъ — которой, разумѣется, былъ свѣтской и знашной господинъ — не мучилъ его рассказами о великолѣпномъ праздникѣ, данномъ его супругою первому Министру. *Худое начало!* думало *Удовольствіе*: *посмотри жь, что будетъ далѣе!* — Сѣхались друзья; всякой хотѣлъ говорить, занимать другихъ — а говорили объ Англійскихъ лошадяхъ, о Боспонѣ! *Удовольствіе* зѣвало. Еще мало того: всѣ приступили къ нему; всякой

звалъ его къ себѣ въ госпи. . . Оно кланялось имъ низко, учпиво; говорило: *много гести; буду* — а думало про себя: *нѣтъ, нѣтъ, государи мои! вы меня задушите!* Надобно знать, что *Удовольствіе* есть странное существо: оно ненавидитъ приготовленіе, и любитъ всегда удивлять хозяина своимъ явленіемъ; бросаетъ карпочки и билеты въ каминъ, и спѣшитъ луда, гдѣ совсѣмъ не ждуть его. — Въ замкѣ готовили большой обѣдъ; но оно тихонько ушло въ садъ, а изъ саду въ поле — и давай Богъ ноги!

Прошедши версты двѣ, оно увидѣло *Работу*, которая готовилась жать хлѣбъ. Смуглое, загорѣлое лице ея сперва испугало его; но, всмотрѣвшись хорошенько въ черты сего лица, оно замѣшило въ немъ какую-то особенную пріятность; подошло и сказало:

„Добрая жѣнщина! скажи, гдѣ я могу приспавъ и отдохнуть. Одинъ выгоняетъ меня, другой хочетъ взять въ неволю; не знаю, гдѣ приклонить голову. Люди, право, обходятся со мною какъ съ злодѣемъ; а я радо веселишь всякаго, кто не душитъ меня безконечными обѣдами, зваными вечеринками, каланбурами и глупыми разговорами. Безразсудные не знаютъ, что я пупе-

„шестивенникъ, и что время для меня
„дорого!“

Работа съ улыбкою отвѣчала ему:
„любезной другъ! я могу проводить тебя
„къ добродушному человѣку. Только не спиши:
„мнѣ надобно дожать эту десятиину.“ —
Удовольствіе сѣло на снопы, вынуло изъ
кармана книгу — не скажу, какую, чтобы
Авторъ ея не пострадалъ отъ зависти
другихъ Писателей — вынуло, и прочи-
тало, не заснувъ, спрраницъ около сна.

Работа кончила свое дѣло и повела
старанника — куда же? къ самому тому
земледѣльцу, который по упрямству не хотѣлъ
принять его, и который все еще сидѣлъ
въ горѣ, поджавъ руки. *Удовольствіе* из-
умилось, и хотѣло итти прочь; но *Работа*
остановила его умильнымъ взглядомъ, и
сказала мужу, женѣ и дѣтямъ:

„Развѣ у васъ нѣтъ рукъ, друзья
„мои? развѣ всякой день бываютъ градъ
„и буря? развѣ горе лекарство на бѣду? Вы
„конечно забыли, что со мною никто
„не ходитъ по міру. Скорѣе, скорѣе за-
„дѣло! Сожнемъ оспальной хлѣбъ, поседемъ
„новой; наймемъ у другихъ рабочихъ;
„возьмемъ деньги, и безъ нужды прожи-
„вемъ годъ. Слышите ли, добрые люди?
„Теперь же начнемъ трудиться, и въ
„одинъ часъ снова покроемъ хижину. Хозяи-

„ка и мальчики! давайте соломы! *Удовольствіе* поможетъ намъ; а послѣ сядемъ „опдыхашъ въ пѣни, ѣсть черной хлѣбъ „сѣ молокомъ, и разговаривашъ о пріятныхъ надеждахъ шрудолюбія.“ — Хозяинъ, хозяйка и дѣти послушались. *Удовольствіе* работало за троихъ, и черезъ часъ хижина не боялась уже ни дождя, ни вѣтра. Какая благодарность! какое простое, но милое угощеніе для молодого спранника!

Хвашились *Горести*; но и слѣдъ ея просылъ! Такъ какъ въ деревнѣ люди ничего не таятъ, то вѣрно сказали ей о приходѣ *Работы* съ *Удовольствіемъ*, которыя живутъ съ нею въ вѣчной враждѣ, и соединенными силами выгоняютъ ее конечно изъ всякаго мѣста. Какъ бы то ни было, *Горестъ* ушла, и вся деревня смѣялась на счетъ ея. Одни говорили: „ей хотѣлось, чтобы хозяинъ ничѣмъ не занимался, и сидѣлъ все повѣсивъ голову!“ Другіе: „ей хотѣлось, чтобы мы только охали и рассказывали о своемъ горѣ!“ Побранивъ ее хорошенько, крестьяне свѣдали, что она переселилась въ огромный домъ ихъ господина. Тутъ начались новыя шушки, копорыхъ мы не будемъ описывать Читателямъ, изъ уваженія къ Его Превосходительству.

Съ сего времени *Работа* и *Удовольствіе* подружились, живутъ вмѣстѣ, ходящъ по свѣту обнявшись какъ нѣжные любовники, и ежеминутно оказываютъ другъ другу важныя услуги. Они не бояща ни хижинъ, ни палатъ, естляи въ палатахъ уменъ хозяинъ; они бывають и во Дворцѣ, естляи Государь шрудится для блага своихъ подданныхъ; они заходящъ и ко миѣ, когда, одною рукою обнимая вѣрную подругу мою, другою — мараю бумагу, думая (ложно или справедливо), что приношу пѣмъ удовольствіе или пользу моимъ согражданамъ.

Переводъ съ Французскаго.

III.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е

О драгоцѣнномъ Элексирѣ, которой весьма пріятенъ для вкуса, веселитъ душу и сердце, и вообще производитъ въ людяхъ чудесныя дѣйствія.

Испаліянскій Докторъ *Ласкателини*, который былъ въ наукѣ у почтенныхъ *Иезуитовъ*, открылъ тайну составлять Элексиръ, весьма благопшворный для пуб-

лики. Многочисленные опыты увѣрили его въ сей истинѣ. Онъ есть Медикъ или, лучше сказать, Докпоръ безумцевъ; но самъ не столь безуменъ, чтобы думатьъ о ихъ совершенномъ излеченіи, и производящъ въ нихъ одно пріятное *улоеніе*, въ кошоромъ находящъ они опраду и шаспіе. Еслии Философы говорятъ справедливо; что шаспіе и злополучіе состоятъ по большой часпи въ воображеніи, то не всего ли благодѣтельнаѣе лекарство, которое своимъ дѣйствіемъ миритъ человѣка съ самимъ собою и заставляеъ его думать, что другіе также имъ довольны?

Сіе лекарство есть родъ Элексира, называемаго по-Италіянски *Sciroppo di Lubinga*, а по-Руски *Сироломъ лести*, или цѣлебными каплями для всѣхъ человѣческихъ слабостей. Оно пріятно всякому вкусу и темпераменту; способствуеъ во всякомъ человѣкѣ дѣйствію *Натуры*; не производящъ никакой тоския, и можеъ быть принимаемо ежеминутно, не только дома, но и въ госпяхъ, на балахъ, въ спектакляхъ; укрѣпляетъ слабую душу и выгоняеъ или поправляетъ все то, что было для нее горько въ ся мнѣніи о самой себѣ. Самый первой пріемъ *влияеъ* какую-то неизъяснимо-сладостную

теплому въ сердце, ускоряетъ обращеніе жизненныхъ духовъ, оживляетъ мозгъ, всѣ движенія, глаза и лицо. Больной избавляется вдругъ отъ всѣхъ печальныхъ мыслей и безпокойной недовѣрчивости къ своему достоинству; радуется, плѣняется собою. Подъ именемъ большаго разумія *отгаяннаго*: лекарство мое исцѣляетъ отъ самой мучительной тоски, и никакая твердая, упрямая мысль не устоитъ противъ его силы. Оно принимается *въ уши*, и всякой можетъ давать его: служанка, камердинеръ, умной и дуракъ. Я даже замѣтилъ, что прощота и глупость, истинная или прищворная, еще болѣе способствуютъ его дѣйствію.

Увѣдомляю, что нѣкоторые поддѣлываютъ мой Элексиръ и лечатъ имъ; но сославъ ихъ такъ грубо, что можетъ произвести тошноту; а мой весьма тонокъ. Я нашелъ рецептъ, по которому Спихотворецъ Буало составлялъ Элексиръ свой для Людовика XIV.

Мое лекарство такъ славно, что я отправляю его ко многимъ Европейскимъ Дворамъ, отъ которыхъ ежедневно получаю новыя требованія.

Я здѣсь еще не болѣе двухъ недѣль, а помогъ уже безчисленному множеству

людей. Означу только важнѣйшія изъ моихъ леченій.

Одинъ чиновникъ вздумалъ о себѣ, что онъ глупъ, незнающъ въ дѣлахъ, не умѣетъ ни о чемъ судить; повѣсилъ голову, вздыхалъ, худо спалъ ночи, а въ судѣ уже не смѣлъ разинушь рта, боясь сказать глупость. Нѣкоторые люди, имѣя нужду въ его покровительствѣ, дали ему нѣсколько пріемовъ моего лекарства, и сказали, что онъ Ликургъ, Солонъ, Демосеенъ. . . . Повѣрите ли, милоспивые государи, что этотъ человѣкъ опдохнулъ въ минушу, поднялъ вверхъ голову, кричитъ, споритъ, и презираетъ уже мнѣніе всѣхъ людей, съ нимъ не согласныхъ?

Другой молодой невѣжда попалъ въ общество умныхъ людей, и слыша всякой день ихъ пріятные разговоры о важныхъ предметахъ, занемогъ мучительною болѣзнію спыда; жалѣлъ о пошерянномъ времени; жаловался на своихъ бывшихъ учителей, которые всего менѣе думали учить его; переспалъ съ утра до вечера скакать по городу; началъ сидѣть дома, заниматься книгами, и выѣзжая въ гости, употреблялъ на свой туалетъ уже не болѣе получаса; однимъ словомъ, спалъ совсѣмъ не потъ человѣкъ. Молодые

дамы сжалились надъ его соспояніемъ, и дали ему 10 или 20 капель моего Элексира: что же? Онъ вдругъ ободрился, утѣшился, возгордился; бросилъ въ огонь всѣ книги; презираетъ уже всѣ благоразумныя упражненія; поетъ Италіянскія аріи, не зная музыки; говоритъ громко, безъ всякаго смысла; говоритъ даже *каланбурами*, и радуется своимъ остроуміемъ; однимъ словомъ, спалъ опять щаспливымъ невѣждою.

Три молодыя дѣвушки, прѣхавъ изъ деревни, были робки, заспѣнчивы; боялись мушинъ какъ медвѣдей; любили шить, рисовать, читать Массильйоновы проповѣди и даже Философскіе трактаты о женскихъ добродѣтеляхъ. Здѣшніе *франты*, увидѣвъ ихъ въ концертѣ, подарили имъ маленькую скляночку моего Sciorro di Lubinga, и на другой день онъ, слава Богу! совсѣмъ перемѣнились; стали думать только о красотѣ, любезности своей; о средствахъ нравиться мущинамъ, привлекаеть къ себѣ молодыхъ людей на балахъ, заимѣвать другихъ женщинъ нарядами; однимъ словомъ, сдѣлались примѣрными кокетками.

Сороколѣпная богатая пепка ихъ, выходя за мужъ за двадцати - лѣтняго красавца, наканунѣ свадьбы своей взду-

мала сомнѣваться въ искренней любви его; начала грустить, тосковать какъ *Виргилѣва Дидона*; вособразила себя обманутою, наконецъ презрѣнною, оставленною. . . . Тогдашъ за Докторомъ *Ласкателни*! Я прѣхаль, и съ помощію жениха (котораго займодавцы сирацали шюрьюмою) влилъ ей въ уши довольное количество моего Элексира; онъ въ секунду подѣйствоваль (ибо ея *корлусъ* былъ въ самомъ щастливомъ расположеніи для сего лекарства), и на другой день она съ радостью обвѣнчалась. Только я, не любя обмана, счелъ за нужное объявить, что послѣ свадьбы, черезъ нѣсколько лѣтъ, или черезъ нѣсколько дней, обожаемая супруга можетъ снова *занеюгоь подозрѣнїемъ*, и что въ такомъ случаѣ будетъ трудно исцѣлить ее.

Одинъ Авторъ сочинилъ Драму, которую Публика освиспала. Это нещаснїе такъ поразило его, что онъ началъ сожнуть, и падалъ въ обморокъ при всякомъ случаѣ, при всякомъ звукѣ, кошорой напоминалъ ему тиранство публики; на примѣръ, когда въ весеннюю ночь въ саду его нѣжно *свисталъ* соловей, у бѣднаго человека дѣлалась въ груди судорога. Я угадалъ причину болѣзни, и въ минушу вылечилъ его сиропомъ. Теперь

Авторъ мой совершенно здоровъ, и пишетъ новую слезную Драму въ шесть актовъ, которую немедленно будущъ играть на вашемъ Театрѣ.

Я могъ бы занять еще 200 страницъ описаніемъ моихъ чудесъ; но довольно и сказаннаго. *Больные! вотъ лекарство! . . . ко мнѣ! сюда!*

Докторъ Ласкательни.

П. П. Господа Издатели Журнала! надѣюсь, что вы помѣстите въ листахъ вашихъ сіе объявленіе; а въ знакъ моей благодарности примите нѣсколько капель моего Элексира:

Люди уген. . . . съ велик. . . . талантами . . . писать мастер. . . . слог. . . . пріятн. . . . выбор. . . . намѣр. . . . похвалян. . . .

Примѣчаніе Издастелей.

Докторъ Ласкательни облилъ Элексиромъ заключеніе письма своего; мы по скромности хотѣли смыть пяпна, но никакъ не могли: ибо сіе лекарство весьма прилипчиво, и не опскаетъ совершенно.

Пер. съ Фран.

IV.

О Рускихъ Комедіяхъ.

Я не могу понять, отъ чего наши комическіе Авторы привязались къ провинціаламъ; они по большой части пишутъ въ столицахъ; нѣтъ никакого сомнѣнія, чтобъ самолюбіе ихъ не предпочло одобренія нѣсколькихъ знапоковъ ненадежной похвалѣ шолпы зрительей; но можно ли угодили знапокамъ представленіемъ какого нибудь Фоки (*), комнатнаго шуца деревенскаго дворянина, воеводской канцелярїи или провинціального пѣпуха въ смѣшномъ нарядѣ?

Правило Комика есть забавлять и приносить пользу: какое же удовольствіе найдетъ благовоспитанная дѣвица, слушая ссору однодворца съ его женою, брань дурака съ дуροю, которыхъ каждое слово несносно для нѣжнаго слуха? Исправился ли молодой вѣпреникъ, полагающій всю свою славу въ монговспвѣ, зорѣчїи и уловленїи невинности, или коварный хитрецъ, естли Авторъ подасъ имъ совершенное понятїе о пирушкахъ (**). Секретарей и посадскихъ?

(*) Дѣйствующее лицо въ комедїи: такъ и должно, которая впрочемъ имѣетъ свое достоинство.

(**) Комедїя: Судейскія Имѣнины.

Какая вообще нужда знапнѣйшей части публики: боярынѣ, боярину, первоспашейному опкушцику или заводчику — какая польза имѣ знать, что происходитъ въ прапкирахѣ, на сельскихъ ярманкахѣ и въ хижинѣ однодворцевѣ, которые извѣстны только ихъ спароспамѣ и управипелямѣ? У нихѣ свои обыкновенія, свои предразсудки и свои пороки; они хопятъ смѣяться на очетѣ себѣ подобныхѣ. Умѣй Авторѣ бережливымѣ образомѣ показывать каждому собственнй его порпшетѣ въ его сосѣдѣ; умѣй говорить сердцу — и тогда онѣ можетѣ надѣяться приносить однимѣ невинную забаву, а другимѣ пользу.

Истинный Комикѣ никогда не пожалуется, что Мольеры, Ренары, Депуни ничего для него не оставили; каждый народѣ имѣетѣ собственнй характерѣ; съ каждымѣ вѣкомѣ роятся новыя глупости, новые предразсудки. Стоитѣ ему только смотрѣть и размышлять, то на каждомѣ шагу, въ собраніяхѣ, на гульбищахѣ, въ бесѣдахѣ, въ собственнй дачѣ: семьѣ своей будетѣ находить образцы для своихѣ Комедій; весь городѣ его училище. Сколько есть рѣзкихѣ характеровѣ, сколько смѣшныхѣ обыкновеній, сколько важныхѣ мѣлочей, сколько вред-

ныхъ предразсудковъ , копорые ни однимъ еще изъ нашихъ Комиковъ не были обнаружены ?

Какую бы , на примѣрѣ , Сочинитель сдѣлалъ услугу своимъ согражданамъ , еспьли бы онъ изобразилъ живыми красками слѣдствія браковъ , основанныхъ не на взаимной любви , а на корысти ; еспьли бы добрымъ , но еще неопытнымъ женою показалъ бездну , въ которую низвергаешъ ихъ малѣйшая неоспорожность въ обращеніи съ соблазнительями , легчайшее къ нимъ снисхожденіе , лишшающее ихъ безъ вины довѣренности мужа , а иногда и доброй славы ; еспьли бы онъ научилъ мужей исправлять слабости женъ своихъ дружескими совѣтами и великодушными поспупками , а не противорѣчіемъ и колкими словами ; еспьли бы образумилъ хопя одного опца , представивъ ему на позорищѣ молодаго Россіянина , копорый на одиннадцатомъ году опброшенъ былъ опцомъ и матерью въ чужіе край , и возвратился опшпуда къ оторченію родныхъ и спыду соопечесивенниковъ ; представивъ его хладнымъ къ родителамъ , копорыхъ и черпы уже изгладилсь въ его памяти ; чуждымъ къ согражданамъ , коихъ обычаи ему неиз-

вѣспны; неспособнымъ ни къ какой службѣ, потому что не знаетъ опеческаго языка, и отъ привычки къ независимой и шунеядной жизни почипааетъ несноснымъ малѣйшее повиновеніе. Для чего бы такъ же не вывеспи на сцену и презрѣннаго Эгоиста, припѣсняющаго сосѣдовъ, для того что они его безсильнѣе, обносящаго достойныхъ людей, чшобъ засступитъ ихъ мѣсто; бросившаго жену свою, потому что она уже перепродала ему свое имѣніе; удаляющаго отъ дочери жениховъ, чшобъ замужствомъ ея не убавитъ своихъ доходовъ, которые распочаетъ онъ съ какою нибудь Лайсою? Для чего бы не представитъ и заботливой жизни жалкаго любовника всѣхъ знашныхъ и случайныхъ со всею ихъ свишою, копорый каждое упру справляется въ Календарѣ, нѣшъ ли чьихъ имянинъ, чшобъ успѣтъ прежде всѣхъ съ ними поздравитъ; копорый въ полдень ѣдетъ въ пышной каретѣ къ Графу, а въ сумерки крадепся переулками пѣшкомъ къ какому нибудь шуту ея Сіятельсшва; копорый сегодня зоветъ къ себѣ на обѣдъ пріятеля, а вечеромъ, сходясь съ нимъ въ собраніи, не смѣетъ признашь его даже и своимъ знакомцемъ, потому что не знаетъ еще, въ какомъ мнѣніи пріятель его у знашныхъ?

Вотъ картины, достойныя кисти комическаго Автора, посвятившаго свои дарованія театру большихъ обществъ! Если бы я думалъ писать пространно о всѣхъ недостаткахъ, какіе встрѣчаются въ большой части нашихъ Комедій, то могъ бы между прочимъ сказать и о томъ, что достоинство Комедіи состоитъ въ выдержанныхъ характерахъ, въ замысловатой и естественной завязкѣ и развязкѣ, въ смѣшныхъ положеніяхъ, въ тонкихъ шуткахъ, въ чистомъ разговорѣ, въ интересѣ, который есть душа всякаго сочиненія, въ моральной цѣли, а не въ подлыхъ и непристойныхъ обвинякахъ, заслуживающихъ всеобщее презрѣніе; не въ одномъ только плутовствѣ лакея и не въ передѣваніи его по-нѣскольку разъ изъ ливреи въ шугай, а изъ шугая въ мундиръ. Но это не мое дѣло; я намѣренъ былъ только замѣнить, что для насъ несравненно пріятнѣе и полезнѣе видѣть на театрѣ нашихъ знакомцевъ, нежели тѣхъ, которыхъ мы не знаемъ и не хотимъ знать.

В. В.

Споръ о Вольтерѣ.

Два Парижскіе Журнала завели между собою страшную войну: одинъ доказываетъ, что Вольтеръ былъ только *остроумецъ*, но совсѣмъ не имѣлъ ни философическаго ума, ни великихъ талантовъ для Авторства!! Другой, соглашаясь, что Фернейской мудрецъ иногда ошибался въ Философїи, утверждаетъ, что по авторскимъ талантамъ Вольтеръ всегда будетъ занимать первое мѣсто между Писателями и Стихотворцами осьмага - надесять вѣка. Редереръ, одинъ изъ друзей Бонапартіевыхъ и Членъ Государственнаго Совѣта, объ этой забавной войнѣ говоритъ слѣдующее въ своемъ *Парижскомъ Журналѣ*:

„Обращая глаза на свою библіотеку,
 „вижу между Жанъ - Жакомъ Руссо, Фон-
 „тенелемъ, Расиномъ и Робертсономъ,
 „70 томовъ Вольтеровыхъ сочиненій,
 „прекрасно напечатанныхъ и богато пере-
 „плетенныхъ въ сафьянъ; взглядывая
 „на свой каминъ, или столъ, вижу книжку
 „Французскаго Меркурія и листы
 „другихъ Журналовъ; вижу и думаю:
 „тамъ Вольтеръ на тысячу лѣтъ, а здѣсь
 „Журналы до завтрашняго дня. Всякой день

„могу развернуть томъ Вольпера, и
 „всегда найду въ немъ что нибудь зани-
 „мательное, пріятное для ума, для
 „сердца. Но кто собираешь Журналы?
 „или кто перечитываетъ ихъ собраніе?

„Намъ ли, бѣднымъ Журналистамъ,
 „запмишь славу великихъ Писателей,
 „которыхъ уже давно прославляютъ Евро-
 „па? Мы можемъ замѣчать хорошее и
 „дурное въ новыхъ сочиненіяхъ; можемъ
 „огорчать и радовать молодыхъ Авпо-
 „ровъ — но легкое наше оружіе не вре-
 „дитъ шлемамъ и бронямъ старинныхъ
 „великановъ. Локкъ разрушилъ Descar-
 „тову систему врожденныхъ идей — не
 „Журналомъ, а важнымъ глубокомыслен-
 „нымъ сочиненіемъ.

„Вольперъ разнообразными шаланша-
 „ми своими занималъ цѣлой вѣкъ; про-
 „славилъ ученую Республику; покорилъ
 „ей общее мнѣніе Европы — и первые
 „Цари въ мѣрѣ искали дружбы его. —
 „Господа Журналисты! оставьте въ по-
 „коѣ великаго Писателя!“

Журналистъ Жофруа крайне разсер-
 дился на Редерера, и между прочимъ ош-
 вѣчалъ ему слѣдующее:

„Я не думаю уничтожить Вольпе-
 „ровой славы, а хочу опредѣлить ея
 „испинную мѣру. Когда цѣнили шаланшѣ

„по числу томовъ? Сколько дурныхъ Ав-
 „торовъ, которые написали еще гораздо
 „болѣе Вольтера?

„Воображая себѣ, съ какою гордостію
 „важной Редереръ смотритъ на своего
 „сафьяннаго Вольтера, и съ какимъ пре-
 „зрѣніемъ обращаетъ глаза на бѣдные ли-
 „сты наши, смиряюсь въ сердцѣ моемъ;
 „однакожь въ утѣшеніе свое думаю, что
 „въ Журналахъ бываютъ пѣсы, кошо-
 „рья могутъ сослужить весьма пріят-
 „ную книгу, и что самыя лучшія, из-
 „бранныя мѣста изъ многихъ книгъ по-
 „казались бы скучными въ Журналѣ. Не
 „большая ли часть Вольтеровыхъ творе-
 „ній состоитъ изъ бездѣлокъ? Я надѣ-
 „юсь, что нашъ Журналъ будетъ для
 „попомства любопытнымъ памятникомъ
 „Исторіи, Литтературы, Политики и
 „Философіи нашего времени.

„Оспаясь въ томъ мнѣніи, что въ
 „шести или семи Расиновыхъ и Мольеро-
 „выхъ томахъ болѣе искусства и талан-
 „та, нежели въ семидесяти Вольтеро-
 „выхъ, въ которыхъ столько лжи, не-
 „пристойныхъ шутокъ, брани и дураче-
 „ства! Тотъ сдѣлалъ бы услугу и свѣ-
 „ту и собственной Вольтеровой славы,
 „кто бы выбралъ хорошее изъ его семи-
 „десяти томовъ, а прочее навсегда уни-

„чтожилъ. Хорошими Вольперовыми пво-
 „реніями кажутся мнѣ Ганріада, пять
 „или шесть трагедій, Вѣкъ Лудовика
 „XIV, Жизнь Карла XII, и нѣсколько
 „легкихъ стихотвореній.

„Я не могу сравнивать его съ Раси-
 „номъ. Естли положишь на вѣсы съ одной
 „спороны всѣ Вольперовы трагедіи, а съ
 „другой одну Расинову Аталію, то она
 „перепянетъ. Творенія истиннаго Генія
 „подобны чистѣйшему металлу, драгоцен-
 „ному и въ маломъ количествѣ. Вольперъ
 „часто даетъ намъ мѣдь, а Расинъ все-
 „гда золото.“]

VI.

Путешествіе Россійскаго Капитана Биллинга.]

Оно печатается теперь на Англійскомъ
 языкѣ въ Лондонѣ и должно быть весьма
 любопытно, по увѣренію пѣхъ, которые
 чинали его въ рукописи. Издапель *Вѣст-*
ника лично знаетъ Биллинга, и говори-
 валъ съ нимъ о его отккрытіяхъ на сѣвер-
 ныхъ берегахъ Азіи. Сей почтенный
 Англичанинъ былъ Куконымъ товари-
 щемъ, и вошелъ въ нашу службу при

ЕКАТЕРИНЪ Великой, Которая посылала его для открытій на Сибирскихъ моряхъ. Но путешествіе описано не имъ самимъ, а Секретаремъ его Саверомъ.

Биллингъ выплылъ въ Ледовитое море рѣкою Леною, поворошилъ на воспокъ и доходилъ до Шалапскаго мыса, копорымъ ограничивается заливъ Беринговъ (*). Тутъ увѣрился онъ, что ледъ между симъ мысомъ и твердою землею Америки никогда совершенно не таетъ; слѣдственно нѣтъ ни малой надежды, чпобы когда нибудь можно было пройти тамъ изъ Азіи въ Америку. Онъ замѣтилъ на сихъ вѣчныхъ ледяныхъ громадахъ слѣды и дороги, прощоптанныя дикими звѣрями, копорые всякое лѣто приходятъ изъ Американскихъ лѣсовъ (откуда выгоняютъ ихъ насѣкомыя) на равнины сѣверной Азіи. Биллингъ, какъ говоритъ Саверъ, долженъ былъ оставитъ свой корабль и ѣхать сухимъ путемъ до Охотска, гдѣ онъ поспроилъ новыя суда, отправился на нихъ къ сѣверу, и видѣлъ всѣ, еще неизвѣстные острова, до копорыхъ Кукъ не могъ доплыть по причинѣ сильныхъ бурь. Биллингъ думаетъ, что Россія можетъ завести колоніи на твердой землѣ

(*) Рускіе называютъ его иначе.

Америки и непосредственно опшуда пор-
говать съ Китаемъ.

Саверъ подробно описываетъ родъ
жизни и нравы жителей Чукопскаго
Носа, и полагаетъ число ихъ до 6000.
Они живутъ въ землянкахъ, освѣщая
ихъ рыбьимъ горящимъ жиромъ, отъ
котораго бываетъ несносной духъ. Мор-
скія волны приносятъ имъ лѣсъ. Они
всегда ходятъ нагѣ. Примѣчанія достои-
ная черта ихъ нравовъ есть обычай мѣ-
няться женами въ знакъ дружбы. Мужья
и госпямъ охотно уступаютъ права
свои; но если жены будутъ не до-
вольны ихъ учтивостью и ласками, то
жизнь госпей въ опасности!

VII.

Маркиза де - Шатле.

Извѣстно, что она была любовницею
Вольпера, который называлъ ее *боже-*
ственной Эмилией; извѣстно, что она сла-
вилась ученостію, остроуміемъ и чув-
ствомъ. Въ Парижскихъ Журналахъ не
давно напечатаны письма Госпожи Дюдеф-
фанъ, о которой часто упоминается въ
Вольперовой перепискѣ, и которая въ од-

номъ изъ сихъ писемъ изображаетъ божественную Эмилию такъ :

„Представьте себѣ высокую, худую, „черную женщину съ маленькою головою, „съ длиннымъ лицомъ, острымъ носомъ, „зеленоватыми глазами, почти безгубую, „съ испорченными и рѣдкими зубами, „съ поддѣльными грудями, съ большими „руками, съ толстыми ногами: вотъ „портретъ Эмили! Но она такъ довольна „на собою, что всячески старается бли- „стать нарядами, и носитъ на себѣ мно- „жество — фальшивыхъ алмазовъ; хочетъ „казаться прекрасною вопреки Натурѣ и „богатою вопреки фортунѣ; покупаетъ „дорогія парчи на платье и шелстую „холстину на рубашки, которыя не ви- „дны; вынимаетъ изъ кармана прекра- „сной батистовой платокъ, и прячетъ „ноги, чтобы не увидѣли худого чулка ея.

„Не имѣя отъ природы ни талантовъ, „ни вкуса, ни памяти, ни воображенія, „она сдѣлалась Геометромъ, чтобы выплти „изъ круга обыкновенныхъ женщинъ; „спраннымъ помогла ей возвыситься.

„Между тѣмъ злые языки утвер- „ждаютъ, будто славная книга, изданная „подъ ея именемъ, есть сочиненіе какого- „то пономаря, именемъ Кенига; и будто

„она училась теперь Геометріи, что-
 „бы разумѣть собственную книгу свою.
 „Ученость ея должно признавать трудною
 „задачею; она говоритъ о наукахъ, какъ
 „Занарель говорилъ Латинскимъ языкомъ
 „съ людьми, которые не разумѣли его.

„Сдѣлавшись такимъ образомъ пре-
 „красною, пышною, ученою, она захо-
 „пѣла еще быть Принцессою, и сдѣла-
 „лась — не Божіею и не Королевскою ми-
 „лостію, а своею собственною. Это смѣш-
 „но: не правда ли? За то все называ-
 „ютъ ее театральною Принцессою, и по-
 „чти забыли, что она въ самомъ дѣлѣ
 „знашнаго роду.

„Можно сказать, что существо бо-
 „жественной Эмили есть волшебный при-
 „зракъ: ибо она, нося безпрестанно ли-
 „чины, шерла, такъ сказать, подлин-
 „ную ея физіономію. Самые даже пороки
 „ея, можетъ быть, ей не свойственны;
 „вѣроятно, что они происходятъ отъ ея
 „требованій (*prétentions*): неучивость отъ
 „званія Принцессы, сухой разговоръ отъ
 „учености, безпрестанное кривлянье и
 „прошивной смѣхъ отъ свѣтской любез-
 „ности.

„Но все такія требованія и желанія
 „не могли бы очень прославить ее: ибо

„женщинѣ надобно бытъ *славиною*, чпсбы
 „сдѣлалась *славною*. Она достигла до сво-
 „ей цѣли черезъ любовь Г. Вольпера. Онѣ
 „сдѣлалъ ее предметомъ общаго вниманія
 „и разговоровъ; онѣ сдѣлаетъ ее бессмерт-
 „ною въ будущихъ вѣкахъ, и (что
 „имѣетъ также свою цѣну) даетъ ей
 „способы жить и въ настоящеемъ.“

VIII.

С М Ъ С Ъ.

Молодой Нѣмецкой Авторъ, Августъ
 Эшенъ, путешествуя въ Швейцаріи, и
 любопытствуя видѣть Савойскіе ледники,
 упалъ въ пропасть и лишился жизни.
 Префектъ Лемана, знавъ и любивъ его, съ
 дозволенія Французскаго Правительства
 соорудилъ ему памятникъ, во вкусѣ
 древнихъ, близъ той горы, на которой
 погибъ сей любезной молодой человекъ,
 и на той дорогѣ, по которой всѣ любо-
 пытные путешественники ходятъ въ
 Шамуни. На одной сторонѣ монумента
 написано: *Въ память Августа Эшена,*
Саксонскаго уроженца, Натуралиста, Автора,
Поэта, который родился въ 1777 году,
погибъ въ безднѣ Бюэтскаго ледника

19 Термидора, въ осьмое Республѣканское лѣпо, былъ извлеченъ опшуда Вилларомбъ, Бернардомъ и дѣтели его, и погребенъ здѣсь стараніемъ Префекта Эмара, въ правленіе Бонапарте, Камбасереса, Лебрюна, Французскихъ Консуловъ. — На другой споронѣ: Французская Республѣка ститъ Искусства и Науки, Ученыхъ и Художниковъ; наблюдаетъ долгъ гостепріимства противъ всѣхъ тужеземныхъ путешественниковъ, вступающихъ въ ея владѣнія. — На прешней: Путешественники! вамъ нуженъ знающій и надежный путевоодитель; не удаляйтесь отъ него; ловинуйтесь совѣтамъ олытности. Съ благоговѣніемъ и страхомъ идите въ тѣ мѣста, которыя ознаменовала Природа легатію своего велитія и могущества!

Въ Лондонскихъ вѣдомостяхъ напечатанъ слѣдующій любопытный анекдотъ, которой живо изображаетъ хладнокровіе Англичанъ:

Одинъ Квакеръ, захавъ въ самую тѣсную улицу Лондона, встрѣщилъ съ молодымъ человѣкомъ, копорой скакалъ прямо на него въ своей модной коляскѣ. Имъ никакимъ образомъ не лзя было разбѣхаться; кому нибудь изъ двухъ надлежало поворошиться въ другую улицу,

но ни которой не хопѣлъ сдѣлать того. Квакеръ говорилъ: *я старѣе!* Молодой человѣкъ отвѣчалъ: *я умнѣе!* бранился, и не уснупалъ дороги. Квакеръ, не любя споровъ, съ важностію и равнодушіемъ вынулъ изъ кармана трубку, ударилъ огнивою въ камень, и закурилъ. Молодой человѣкъ, желая также занятьсь, сыскалъ газетны и покойно началъ чипать. Прошло минулъ двадцать въ глубокомъ молчаніи. Квакеръ выкурилъ трубку, высыпалъ пепель, посмопрѣлъ на соперника, и сказалъ: „Другъ! когда ты прочитаешь свои газетны, дай ихъ мнѣ; а я за то гошовъ служишь тебѣ моею трубкою.“ Послѣ сего дружескаго предложенія, молодой человѣкъ опчаялся переупрямить его, и поворошилъ въ другую улицу.

Парижскіе Журналы.

20 Марша 1801 году Парижская почта отправляла въ Департаменты 19 политическихъ и 25 ученыхъ Журналовъ; первыхъ числомъ экземпляровъ 49515, а вторыхъ только 4565. — 20 Октябрия 1801 году она посылала 16 политическихъ и 38 ученыхъ Журналовъ; первыхъ 35951 экземпляровъ, а вторыхъ 7070. Изъ чего видно, что въ 7 мѣсяцевъ убавилось на

политическіе Журналы 12677 субскрибентовъ, а на ученые прибавилось 2705.

Го - Ксенъ, любящій и первой Министръ покойнаго Китайскаго Императора, славнаго Кіенъ-Лонга, нынѣшнимъ Императоромъ Кіа - Кингомъ отданъ подъ судъ Мандариновъ (и послѣ казнень).

„Го - Ксенъ“ (говоришь Кіа - Кингъ въ своихъ обвиненіяхъ) „пришелъ ко мнѣ еще наканунѣ того дня, въ который родишель мой уступилъ мнѣ престоль, и за шайну предувѣдомилъ меня о его намѣреніи; слѣдственно онъ измѣнникъ, и хощѣлъ неправеднымъ образомъ заслужить любовь мою. Го - Ксенъ въ сельской дворцѣ покойнаго Императора однажды сошелъ съ лошади у самыхъ дверей Та - Каун - Минга, слѣдственно онъ оскорбилъ Царское величество. Го - Ксенъ, говоря, что у него болятъ нога, велѣлъ себя въ другой разъ вынести изъ дворца черезъ дверь Ксин - У, и смотрѣлъ равнодушно на шѣхъ, которые, видя такую неслыханную дерзость, зажали себѣ глаза отъ ужаса. — Когда я, по восшествіи моемъ на престоль, требовалъ къ себѣ всѣхъ знатныхъ людей въ государствѣ, кромѣ шѣхъ, на которыхъ не было кори: Го - Ксенъ своевольно перемѣнилъ мое

„повелѣніе , и написалъ къ Мандаринамъ,
 „чтобы они всѣ прѣехали въ Пекинъ,
 „даже и шѣ , на которыхъ не было кори;
 „слѣдственно онъ имѣлъ въ семь случаѣ
 „какое нибудь злое намѣреніе. Го-Ксенъ въ
 „домѣ своемъ украсилъ нѣсколько комнатъ
 „деревомъ Намъ - Му , которыми только
 „Императорскій дворецъ украшался , и —
 „что еще ужаснѣе — построилъ себѣ
 „загородной домъ по образцу Император-
 „скаго; а для чего , не извѣстно. Го-Ксенъ
 „имѣетъ драгоцѣнные камни , алмазы и
 „жемчугъ , какихъ нѣтъ у самого Импе-
 „ратора. Го - Ксенъ богатѣе всѣхъ людей
 „въ государствѣ; по сіе время еще не
 „можно было описать всего серебра и зо-
 „лота его ; но описаннаго будетъ уже на
 „1000000 (фунтовъ стерлинговъ). — И
 „такъ отнесиесь ко всѣмъ намѣспникамъ
 „Имперіи , и вмѣстѣ съ ними судите
 „такія неслыханныя преступленія.“

*О легкой одеждѣ модныхъ красавицъ
девятаго - надсять вѣка.*

Всегда и вездѣ первымъ женскимъ достоинствомъ была скромность. Древніе думали, что та женщина есть совершенна, о которой люди не говорятъ ни худаго, ни добраго: ибо домашняя жизнь (твердили они) есть, по закону Природы, святилище ея достоинства, непроницаемое для глазъ любопытныхъ: въ немъ она сіяетъ и красою и любезностію; въ немъ печенся о супругѣ и дѣтяхъ; въ немъ услаждаетъ сердце перваго и образуетъ юную душу послѣднихъ. Женщина, говорили восточные мудрецы, есть прекрасный, нѣжный цвѣтъ, увядающій отъ неосторожныхъ взоровъ желанія. Такія мысли ввели въ употребленіе покрывало: символъ женской скромности и щипъ прелестей, извѣстныхъ одному щасливому супругу!

Теперь въ публичномъ собраніи смотрю на молодыхъ красавицъ девятаго - надсять вѣка, и думаю: гдѣ я? въ Мильноновомъ ли раю (въ которомъ милая натура обнажалась передъ взоромъ блаженнаго Адама), или въ кабинетѣ живописца Апелла, гдѣ красота являлась служимъ

моделью для Венерина портрета во весь ростъ ?

Дѣйствіе всеильной моды, которую, подобно фортунѣ, должно писать слѣпою! Наши спыдливыя дѣвицы и супруги оскорбляютъ природную спыдливосіть свою, единственну для того, что Француженки не имѣютъ ее, безъ сомнѣнія шѣ, копорыя прыгали конрдансы на могилахъ родыпелей, мужей и любовниковъ! Мы гнушаемся ужасами Революціи и перенимаемъ моды ея! Знаемъ, что нынѣшній Парижскій свѣтъ состоитъ изъ людей безъ всякаго воспитанія, безъ всякаго нѣжнаго чувства, и, слѣдуя старой привычкѣ, хопимъ соглашаться съ его новыми обыкновеніями! Нѣкогда Парижъ въ самомъ дѣлѣ могъ назваться столицею вкуса: ибо упонченіе свѣтскихъ пріятностей было единственнымъ дѣломъ его въ печеніе двухъ вѣковъ. Но это время прошло, и долго, долго не возвратится, не смотря на желаніе Консула Бонапарте воскресить Французскую любезность, копорая — естли не умерла, то по крайней мѣрѣ заснула глубокимъ сномъ Эпименида на развалинахъ Бурбонскаго прона и на кипарисахъ Революціи. Какія женщины дають нынѣ тонъ въ Парижѣ? Роскошныя супруги Банкировъ и *подрядъ*

гиковъ (fournisseurs), обогащенныхъ народною казною — женщины низкаго сословія, не имѣющія идеи о любезности прежнихъ знатныхъ Француженокъ, которыя всего болѣе отличались игрою ума и кокетствовали, такъ сказать, нѣжнымъ чувствомъ приспосовности. Мудрено ли, что сіи новыя, молодыя Аристократки — сіи цвѣты, которые выросли и распустились на землѣ сблишой кровію несчастныхъ жертвъ гильотины — не имѣютъ никакого чувства истинныхъ женскихъ достоинствъ, и, стараясь нравиться, употребляютъ способы Парижскихъ Лакисъ, единственныхъ образцовъ своихъ? Но мудрено то, что въ государствѣ благоустроенномъ, гдѣ есть нравы, воспитаніе и правила, женщины, вообще любезныя, слѣдуютъ модѣ Парижскихъ мѣшанокъ! Онѣ безъ сомнѣнія съ великимъ трудомъ побѣждаютъ милую стыдливость; безъ сомнѣнія долго сражаются съ нею при своемъ, такъ — называемомъ Греческомъ уборѣ, который скорѣе можно назвать Американскимъ. Кто читалъ древнихъ Авторовъ или копія Анахарсиса, тотъ знаетъ, что Гречанки были скромны. На древнихъ женскихъ статуяхъ обнажены нѣкоторыя прелести; но художники слѣдовали не обыкновенному оше-

чества, а желанію доказать свое искусство въ изображеніяхъ Напурры, отдаваясь на судъ супругамъ или юнымъ друзьямъ Аспазій. Художники и Поэты имѣютъ право сниматьъ съ красоты покрывало; но теперь имъ мало труда!

Я увѣренъ въ невинности многихъ, и, елики угодно, всѣхъ нашихъ красавицъ; но что подумаешь объ нихъ — на примѣръ, какойнибудь добродушной, но грубой Сибирякъ, пріѣхавшій въ столицу и во многочисленномъ собраніи видящій сію предельную *откровенность женскихъ сердецъ*? Увѣримъ ли его, что наши молодые супруги, въ полурайской зефирной одеждѣ, не имѣютъ никакихъ намѣреній, оскорбительныхъ для святоши супружества? Онъ вѣрно засмѣется и скажетъ съ Гиперборейскою грубостію: „Отправьте же ихъ скорѣе домой; онѣ безъ сомнѣнія лунашки, сонныя вышли *изъ слални* и сонныя сюда пріѣхали!“ Елики будемъ извѣснять ему сей феноменъ дѣйствіемъ Французской моды, то онъ въобразитъ, что мы хотимъ дурачить его, и никакъ не пойметъ, чтобы *обезьянство* (Сибирское названіе моды) могло считаться въ столицѣ первымъ достоинствомъ, которому всѣ другія уступаютъ!

Естьли красавицы по справедливости вѣряють болѣе Медикамъ, нежели Моралистамъ (которые всѣ Сибиряки своею неучтивостію), то скажемъ съ важностію Гиппократовъ и Галеновъ, что въ сѣверномъ климатѣ эта мода опасна для самаго здоровья, слѣдственно и красоты! Уже къ несчастію могли бы мы наименовань дѣтъ или при жертвы ея, всѣмъ извѣстныя; но избѣгая личностей, говоримъ только о возможномъ. Напура не предвидѣла сего обыкновенія, и въ надеждѣ на вѣрную защиту одежды, образовала женскія прелести такъ нѣжно, что прикосновеніе грубаго воздуха для нихъ бѣдственно, особливо послѣ нашихъ баловъ, которыя спюють труда всѣхъ Греческихъ Апостоловъ! Не хочу живо расписывать слѣдствій и представлять въ красавицѣ зарожденіе ужасной, смертельной болѣзни, которая, постепенно изглаживая всѣ ея прелести, ведетъ ее тихими или быстрыми шагами ко гробу.

Это сильно; но слѣдуя правиламъ школьной Репорики, самое сильнѣйшее убѣжденіе сохранили мы для конца. Воупь оно: воображеніе есть самой льстивой живописецъ: оно пишетъ спрасіи; но глаза ослабляютъ уже его дѣйствіе; я не воображаю того, что вижу; а видя нынѣ

и завтра, привыкаю, и часъ отъ часу смотрю равнодушнѣе. Вамъ конечно нѣтъ дѣла до меня, красавицы (ибо мнѣ уже гораздо за пятьдесятъ лѣтъ); но такъ самые молодые люди чувствуютъ, и Жанъ Жакъ Руссо, по справедливости любезный всякому нѣжному сердцу, вамъ по же скажетъ, еслили заглянете въ Эмиля. Вы конечно прелестны, и живописцы ходятъ за вами съ кистью; но истинная польза *милой страсти*, которая составляетъ главное дѣло вашего, иногда слишкомъ чувствительнаго сердца, пребуетъ покрывала!

Еще одно замѣчаніе. Въ мое время женщины хвалили Верпера, которой сказалъ, что жена его никогда не будетъ *вальсировать*; это чувство казалось имъ нѣжнымъ. Въ мое время мужья и любовники бывали ревнивы: теперь они конечно исправились отъ сего порока. Любовь нынѣ, кажется, гораздо терпѣливѣе и покойнѣе; шѣмъ лучше для семейственнаго мира, но — шѣмъ хуже для живописи страстей; шѣмъ хуже для милой власти женскаго пола!

В. Мулатовъ.

ПОЛИТИКА.

I.

О силѣ Англіи.

Могущество Англіи въ началѣ 19 вѣка будетъ для опдаленнѣйшаго попомснва предметомъ изумленія. Есшыли Картегенцы въ древнія времена удивляли народы своею обширною торговлею и морскими силами, которыя испреблены Римлянами, но съ которыми морскія силы Римлянъ никогда не могли сравняться; есшыли новая Европейская Республика, Голландія, въ 17 вѣкѣ и въ началѣ осьмаго - надесяты, подобно древней Африканской, царсшвовала на моряхъ всего міра, и зашмѣвала самыя блестящія эпохи Португалліи и Венеціи: то что же мы скажемъ оъ Англіи, предъ копорсю сш два великіе испорическіе примѣра, раздѣленные двадцашью вѣками, исчезають въ самомъ Зенитѣ славы своей? Что были завоеванія, торговля, силы Картегенскія и Голландскія въ сравненіи съ Англійскими?

Сей феноменъ, безпримѣрный въ Исторіи, кажется невѣроятнымъ. Англія

представляла , глазамъ нашимъ , 800 военныхъ кораблей, 120,000 морскихъ служителей и 20,000 кораблей купеческихъ ! Можешь быть въ нѣсколько столѣтій , можешь быть въ тысячу лѣтъ попомки не увидяшь такого превосходства морскихъ силъ на земномъ шарѣ , не смотря на всѣ усилія просвѣщенныхъ народовъ и спешеніе самыхъ благопріятныхъ обстоятельствъ. — Но сія блестящая эпоха , можно сказать, прошла для Англіи ; ибо въ мирное время число ея военныхъ кораблей уменьшилось , и самую торговлю раздѣлишь она съ другими народами.

Не мудрено , что гордые Брипанцы въ чувствіи своего величія употребляли во зло такое превосходство силъ , слѣдуя примѣру всѣхъ временъ и народовъ. Поведавая морями и располагая милліонами , они не знали для себя никакихъ законовъ — и предѣлы возможности были единственными предѣлами ихъ воли.

Сей деспотизмъ оскорблялъ всѣ народы въ теченіе послѣдней войны, и желаніе смирить Англію было общее. Но умы безприсрашные и любящіе истину должны подумать о слѣдующемъ :

Англія , окруженная моремъ , существуетъ однимъ торгомъ , слѣдственно мирными связями съ другими землями :

ибо военными кораблями и пушками не принудишь людей къ торговлѣ. Ея деспотизмъ могъ быть всегда ограниченъ согласною волею народовъ, имѣющихъ право сказать: *уважай свободу нашу, или мы не торгуемъ съ тобою!* Но что удержитъ въ предѣлахъ справедливости Францію, естли ея флоты будутъ давать законы на моряхъ, будутъ такъ же сильны, какъ арміи? Она не существуетъ торговлею, не ограничена своимъ положеніемъ, и послѣ всего, что мы видѣли, безъ сомнѣнія не боится союзовъ!

Англія, которая въ осьмомъ-надесять вѣкѣ имѣла такое сильное вліяніе на всѣ государства, мѣшалась во всѣ войны, сама вела ихъ или плавила деньги, естъ, не смотря на то, однимъ искусствомъ, промышленностію, умомъ и щастіемъ сильная Держава; ея величіе не опирается, такъ сказать, на твердые столпы Натуры, подобно величію Франціи и другихъ, немногихъ Державъ, богатыхъ своими различными и нужными произведеніями. Ея могущество, основанное на случаяхъ и неизвѣстностяхъ, зависитъ отъ стеченія обстоятельствъ, и можетъ весьма легко поколебаться.

Въ прошедшихъ вѣкахъ Англія со-вѣтъ не была первокласною Державою:

ибо одно пространство земель и народная многочисленность, вмѣстѣ съ богатствомъ естественныхъ произведеній, обыкновенно возводятъ государство на сію степень. Какъ слабая Данія завоевала некогда Британнію, такъ Британнія завоевала Францію въ правленіе Карла VII: не существенная сила, но временныя обшпояпельства сдѣлали тогда Англичанъ опасными для Франгузовъ. Прежде шестаго — надесять вѣка Британнія ничего не значила для Европы; только въ царствованіе Королевы Елисаветы она пріобрѣла уваженіе; но и тогда военныя, морскія и денежныя силы ея не могли назваться великими. Число Англійскихъ солдатъ — еспли такъ можно названъ гражданъ, собираемыхъ на службу барабаномъ: ибо въ мирное время тогда не знали армій — было весьма мало. Нанятые купеческіе корабли составляли флотъ Елисаветинъ, а доходовъ едва становилось на самыя главныя государственныя нужды. Короли Спуартскаго Дому — педантъ Іаковъ I, слабодушный Карлъ I, распущный Карлъ II, и фанатикъ Іаковъ II — не думали о благѣ опечества, прославленнаго женщиною. Но правленіе Кромвеля оспавило благодѣпельныя слѣды, и торговля Англичанъ умножилась; они завели

колоніи и распространили мореплаваніе. Фанатизмъ и междоусобная война препятствовали ихъ дальнѣйшимъ успѣхамъ. Во время Іакова II Брипанцы не имѣли еще никакихъ видовъ играть великую роль въ Европѣ; не могли и подумашь бытъ завоевателями земель, а на морѣ уступали Голландцамъ, копорые подѣ начальствомъ Руйтера угрожали самому Лондону. Торговля ихъ никакъ не могла равняться съ Голландскою, питаемою цвѣтущими колоніями во всѣхъ частяхъ міра. Въ Америкѣ, гдѣ Гишпанцы владѣли обширными странами, обогащенными серебромъ и золотомъ, у Англичанъ были только самыя бѣдныя колоніи; а въ Азіи и въ Африкѣ они ничего не имѣли.

Въ такомъ состояніи была Англія, когда въ 1688 году случилась благодѣтельная Революція безъ всякаго кровопролитія, и когда Англичане, тогда еще во многомъ несвѣдущіе, основали общественную свободу гораздо надежнѣе и благоразумнѣе, нежели сто лѣтъ послѣ Французы, просвѣщенные духомъ времени и твореніями великихъ Писателей. Сей, не мечемъ, но мирнымъ условіемъ пріобрѣтенной Конспинуціи, достойной самаго мудрѣйшаго вѣка — по еспь, какова она была до Американской войны — Брипанцы

обязаны всеми своимъ новымъ могуществомъ. Ся истина, признанная великимъ Монтескье, Вольтеромъ, Руссомъ и другими умными людьми, но осмѣянная безумными Якобинцами, утверждена славою Англїи и развишемъ ея почти невѣроятныхъ силъ.

Народная промышленность, одушевляемая торговлею, возр. стала съ завоеванїями Англичанъ въ Индїи. Португальцы и Голландцы имѣли въ своей зависимости нѣкоторые острова и повелѣвали бессильными Королями дикихъ народовъ; но власть Европейцевъ не распространялась далѣе въ сей прекрасной части мїра. Англичане первые въ половинѣ осьмага-надесять вѣка начали воевать съ великими Царями Азїи; наконецъ истребили сильнѣйшаго Государя Индїйскаго, и могли опшуда черезъ Красное море посылать войско для завоеванїя Египта.

Но сила, величїе, торговля Британнїи, и самыя ея владѣнїя въ Индїи, зависящїе отъ превосходства ея флотовъ. Еслили какая нибудь Держава или разныя соединенныя побѣдящїе Англичанъ на морѣ, по искусственное политическое зданїе, безъ сомнѣнїя хитрѣйшее всѣхъ извѣстныхъ намъ по Исторїи, немедленно

разрушится — и конецъ Британской славы! Если сие замѣчаніе справедливо (въ чемъ нѣтъ сомнѣнія), то друзья Англіи въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ должны спроситься: ибо Французы и на морѣ опасные непріятели, и недавно еще побѣждали Англичанъ, во время Американской войны. Смѣлый Родней, погдашній Герой на морѣ, подобно нынѣшнему Герою Нельсону, дорого купилъ славу свою, взявъ въ плѣнъ Французскаго Адмирала де-Граса. Надобно вспомнить также и нынѣшнихъ союзниковъ Франціи, Голландцевъ, которые въ Американскую войну при Доггерсбанкѣ доказали, что они еще отъ долговременнаго мира не забыли сражаться на морѣ.

Причину великихъ успѣховъ Англіи въ печеніе спа лѣтъ найдемъ безъ сомнѣнія въ ея законахъ, мудрыхъ учрежденіяхъ, государственныхъ правилахъ, оживлявшихъ дѣятельность народа — а особливо въ меньшей свободѣ другихъ государствъ. Сія свобода произвела въ Англіи чудесную народную промышленность, которой совсѣмъ не было въ среднихъ вѣкахъ, и даже въ 16 вѣкѣ, когда Англичане отправляли шерсть свою въ Нидерланды, и опячь покупали ее, лучше вы-

рабочанную. Одно возрожденіе Англійскаго народа въ концѣ 17 вѣка могло такъ скоро перемѣнить его состояніе. И такъ сія перемѣна была слѣдствіемъ не могущесства, а *внутреннихъ* искусственныхъ мѣръ, копорыя по ихъ свойству не вѣчны, и могутъ легко разрушиться отъ *внѣшнихъ* мѣръ силы. Намъ шрудно вообразить скорое уничтоженіе такого величія; но вспомнимъ Республику Венеціанскую, ознаменованную шринадцатью вѣками! Еще недавно первые Монархи Европы особенно уважали ее; недавно полипическая мудрость ея ставилась въ примѣръ; еще въ исходѣ 18 вѣка Послы сей гордой Республики должныствовали отличашься отъ другихъ, и въ столицы Императорскія имѣли торжественныя вѣзды. Но часъ рѣшительный ударилъ, и въ одну минушу исчезли царственный Дрѣвѣ, страшные Инквизиторы, богатые Прокураторы Св. Марка и вся армія гордыхъ Нобили (благородныхъ). Сіе древнее полипическое канище, говоря словами Шекспира, взлетѣло на воздухъ, сокрылось какъ привидѣніе и не оставило развалинъ за собою.

Что помѣщало Французской Директоріи и Консулу Беннапартіе сдѣлать высадку въ Англій, прислать войско недо-

вольнымъ Ирландцамъ и, можетъ быть, навсегда отдѣлить сіе Королевство отъ скипетра Великобританніи? что служить пищею и вѣрною опорою торговли Англичанъ? что хранишь ихъ власть въ Индіи? Отвѣтъ: большое число ихъ *пльвугихъ крѣлостей*. Но сколь не вѣрна та сила, копорая основана единственнно на игралицѣ волнъ и вѣтровъ!

Архенгольцъ.

II.

О провинціальномъ начальствѣ въ Оттоманской Имперіи.

Въ Константинополѣ рѣдки ужасы деспотизма: во первыхъ отъ присутствія Султана, надзирающаго надъ Министрами; во вторыхъ отъ смѣлости народа, копорой всегда возстають тамъ противъ своихъ угнѣсителей, и всегда находятъ себѣ подпору въ зависти, честолюбіи или правдуши какого нибудь сильнаго человѣка. Но Паша въ губерніяхъ своихъ самовластенъ, будучи удаленъ отъ глазъ Султана и повелѣвая войскомъ. Судилища, гражданскіе чиновники и народъ весьма рѣдко могутъ удерживать ихъ въ предѣлахъ

должности и справедливости. Сии деспоты всего спрашивае въ Турецкіи.

Знапный и дерзкій Паша заставляеъ молчать правосудіе, не исполняеъ добрыхъ намѣреній Дивана и приводитъ народъ въ шрепетъ. Законы безсильны противиться пиранской волѣ его, и судья какъ невольникъ ему повинуется, не думая о совѣсти и народномъ благѣ. Тогда нѣтъ конца насильствамъ и несправедливостямъ, особливо, естли Паша имѣеъ сильныхъ друзей въ Диванѣ, и многочисленную, преданную ему спражу, которая можеъ защитить его въ случаѣ мятежа. Когда же общее негодованіе доходитъ до высочайшей степени, тогда Паша, въ удовольствіе народу, смѣняеъ исполнителя своихъ повелѣній, или (что не рѣдко бываеъ) великъ удавить его. Всѣхъ болѣе страдаютъ бѣдные Христіане, которымъ гораздо труднѣе, нежели Музульманамъ, дойти съ жалобами до прона. Греки, Армяне и Жиды составляютъ между собою общества, ищутъ себѣ покровителей въ Конспантинополѣ, и въ случаѣ несносныхъ притѣсненій подають жалобы въ Диванъ, требуя, чтобы Пашу смѣнили или наказали; но рѣдко успеваютъ они въ своемъ исканіи, и по большей части бывають жерпвою раздраженнаго деспота.

Съ нѣкотораго времени почти всѣ Наши завели у себя гвардію, которой жалованье превосходитъ ихъ законные доходы: тѣмъ болѣе надобно имъ приискать и грабить! Они представленіями и подарками своими убѣдили Диванъ соединить въ ихъ особѣ всѣ главныя должности; на примѣръ, имъ всегда дается нынѣ чинъ *Мугатсилловъ* или государственныхъ опкупищиковъ. Хотя по старинному обыкновенію ихъ опредѣляютъ только на годъ, но всегда снова утверждаютъ въ достоинствѣ по испеченіи года. Нѣкоторые такъ разбогатѣли, такъ усилились, что Султанъ не можетъ ни смѣнить, ни наказатъ ихъ.

Но это насильство непремѣнно должно кончиться. Сельскіе жители, угнетенные налогами, не увѣренные ни въ собственности, ни въ жизни своей, оставляютъ деревни и бѣгутъ въ города искать защиты и пропитанія, котораго они не могутъ уже имѣть въ своихъ хижинахъ. Не смотря на то, Паша требуетъ съ деревни прежнихъ податей и заславляетъ оставшихся платитъ за ушедшихъ. Наконецъ, мало по малу, уходящъ всѣ жители, и селенія пустѣютъ. Во всякой отдаленной отъ Константинополя провин-

цѣи находятъ спранныя обширныя пустыни, необработанныя поля, разрушенныя хижины и деревни безъ жителей.

Удивительно ли, что начальники провинцій всячески угнетаютъ народъ, когда они покупаютъ дорогою цѣною это право, и одними подарками могутъ сохранятьъ власть свою; когда Султанъ продаетъ всѣ важныя мѣста, и Министры ходатайствуютъ за тѣхъ, которые даютъ болѣе другихъ? Еслили Паша не удовольствуется корыстолюбія Министровъ, то черезъ годъ непременно опнимуть у него губернію; а еслили удовольствуется, то пришлютъ ему новый *Фирманъ*. И такъ онъ думаетъ только о собраніи денегъ, зная, что ими можетъ закрыть всякаго роду преступленія, и что нещасныя жертвы его лютости всегда безгласны, пока государственная казна довольна исправнымъ плашежемъ налоговъ, и пока Члены Дивана не жалуется на его скупость. Когда же смѣлой и предприимчивой Паша въ состояніи имѣть многочисленную армію, тогда онъ перестаетъ бояться Султана; перестаетъ дарить и Министровъ, и дѣлается совершенно независимымъ, подобно Палестинскому, Скупарійскому и Багдадскому Пашамъ, которые только называются подданными Султана,

а въ самомъ дѣлѣ не слушаются его. Диванъ прибѣгаетъ въ такихъ случаяхъ къ двумъ обыкновеннымъ средствамъ своимъ: къ терпѣнню и коварству. Онъ, подъ разными предлогами, опправляетъ къ Пашѣ *Капиджей*; и если Паша не осперезежся, то умираетъ опъ ихъ руки. Тогда Капиджи показываетъ Султанской Фирманъ; а чиновники ѳлуютъ его, и въ знакъ повиновенія кладутъ себѣ на голову.

Нѣкоторыя провинціи спасаются опъ совершеннаго разоренія одними *Аялами* (Арабское слово, означающее глазъ), копорыхъ должностъ состоитъ въ томъ, чпобы наблюдать порядокъ въ губерніи, служить щипомъ для жителей, не даватъ ихъ въ обиду Пашѣ и военнымъ людямъ, и смотрѣтъ за справедливымъ раздѣленіемъ налоговъ. Обыкновенно бывають они избираемы народомъ изъ самыхъ добродѣпельнѣйшихъ людей, и за почтенныя труды свои не имѣють никакой награды, кромѣ искренней признательности гражданъ и чувства добродѣтели своей. Каждый изъ нихъ, живучи въ городѣ, имѣетъ въ своемъ вѣдѣннѣ нѣсколько деревень.

Аялы совѣщаются иногда съ знатнѣйшими жителями и Учеными людьми,

въ такомъ случаѣ, когда надобно рѣшить чтонибудь важное, или подать жалобу Пашѣ, или на него самого искасть управы въ Диванѣ.

(Изъ новаго Оливьерова путешествія.)

III.

Письмо изъ Парижа.

У насъ государственныя дѣла бывающъ театральными сценами, а театральныя сцены государственными дѣлами. Новая Драма: *Эдуардъ въ Шотландіи*, сдѣлала удивительной шумъ, и занимаетъ не только публику, но и самое Правленіе. Прежде всего надлежитъ имѣть идею о шесѣ. Извѣстны мужество, побѣды и несчастія Карла Эдуарда, внука Якова II, послѣдняго Стюарта, который въ 1745 году думалъ завоевать тронъ своихъ предковъ, но побѣжденный Герцогомъ Комберландскимъ въ Шотландіи, лишился всей надежды и всѣхъ друзей своихъ. Авторъ выводитъ его на сцену послѣ сего бѣдственнаго сраженія. Окруженный непріятелями, безъ убѣжища, не имѣя самой пищи, онъ приходитъ въ замокъ Лорда Данюля, преданнаго Георгу, слѣд-

ственно его непріятеля. Сей Герцогъ въ онеушешви. Препендентъ говоритъ супругъ его: „Внукъ Іакова II проситъ у васъ уѣжища и хлѣба.“ Его положеніе, благородный характеръ и несчастіе протаютъ чувствительное сердце Герцогини. Она рѣшилась укрыть Эдуарда отъ Генерала Арджилля, которому велѣно искать его, и который живетъ у нее въ домѣ. Эдуардъ, подъ именемъ ея супруга (единственный способъ, который Герцогиня могла выдумать для его спасенія), уживается съ Офицерами Комберландовой арміи; они говорятъ о ненависти своей къ нему; надѣются, что его същуютъ и казнятъ; наконецъ предлагаютъ ему пить съ желаніемъ здоровья Георгу и гибели Эдуарду. „Я не желаю никому гибели!“ говоритъ онъ съ благороднымъ негодованіемъ, и всмается. Къ несчастію Офицеръ Комберландовой арміи беретъ подъ спражу еспиннаго Лорда Даполя и приводитъ въ замокъ, чтобы увѣрился въ справедливости его показанія. Сколь велико удивленіе Даполя, когда Герцогиня медлишь признаетъ его супругомъ своимъ, и когда онъ узнаетъ Эдуарда! Тогда, жерпявуя политическимъ мнѣніемъ и своею безопасностію долгу челоуѣколюбія и благодарности (ибо Препендентъ спасъ жизнь

его въ Римѣ), онъ называетъ себя Эдуардомъ и отдается въ руки Арджилу. Между тѣмъ Эдуардъ спасается. Приходитъ Комберландъ, узнаетъ обманъ и укоряетъ Даполя измѣною. Но Герцогиня прибѣгаетъ къ собственному сердцу его; изображаетъ ему несчастіе и довѣренность къ ней Эдуарда, и спрашиваетъ, что онъ самъ сдѣлалъ бы на ея мѣстѣ? *Я сласъ бы его*, отвѣчаетъ Комберландъ, убѣжденный собственнымъ чувствомъ и нѣжнымъ краснорѣчіемъ Герцогини. Тутъ приходятъ сказать, что Эдуардъ уже сѣлъ на Французской корабль, и внѣ опасности. — Вотъ содержаніе сей трогательной прозаической Драмы, украшенной интересными сценами, благородными чувствами и щастливыми выраженіями! Похвальною цѣлю Авшора было согласить умы и сердца въ настоящихъ обстоятельствахъ Франціи. Публика восхищалась; Журналы и самый *Монитёръ* хвалили Драму; но безразсудные Роялисты все испортили. Потерявъ надежду короновать Людовика XVIII въ Тюльери, они вздумали короновать его на театрѣ въ лицѣ Эдуарда, и во второмъ представленіи Драмы раздались спрашныя рукоплесканія, какъ скоро Претендентъ вышелъ на сцену. Республиканцы осерди-

лись; Начались ссоры; вмѣшалась полиція, и самое Правленіе изъявило свое негодованіе на дерзость сихъ людей, которые по его милоспи возвратились во Францію, бывъ явно врагами опечесства, получили назадъ свое имѣніе, не хотящъ жить покойно и снова заводящъ раздоры. Республиканскіе Журналы вооружились прошивъ Роялистовъ, и весь Парижъ въ волненіи! Самый важный Редереръ краснѣетъ отъ досады, и въ *Парижскомъ Журналѣ* своемъ называетъ Роялистовъ извергами неблагодарности. Правленіе, видя ихъ явную вражду и злобу, рѣшилось взять нѣкоторыя осторожности. Полиція, удвоивъ свою дѣятельность, открыла переписку госпожи Шансене и Дамасъ съ непріятелями Республики, съ Гм. Водрѣлемъ и съ другими Эмигрантами, которые непремѣнно хотящъ такъ называемой Конспрѣ - Революціи. Сии госпожи съ честью высланы изъ Франціи: одну повезли въ Голландію, ея сшечество, а другую къ мужу, съ шѣмъ, чтобы онъ „исправилъ безумную „супругу свою, ешлы можно:“ такъ говоритъ *Монитѣрѣ*. Сего не довольно: Лагарпъ, великій мужъ Лагарпъ, неутомный Кришикъ всѣхъ произведеній ума, Философіи и наконецъ самаго Правленія, высланъ отсюда, съ дозволеніемъ жить, гдѣ онъ

хочетъ, но только за 25 миль отъ Парижа. Спать объ немъ въ *Монитёръ* довольно забавно. Вотъ она: „Сей почтенный Авторъ многихъ хорошихъ сочиненій на 78 году отъ рожденія сдѣлался младенцемъ и впалъ въ какое-то мяшежное безуміе, пимаемое въ немъ пустословіемъ нѣкоторыхъ здѣшнихъ обществъ. Человѣкъ въ его лѣта — человѣкъ, который безпрестанно каеся во всемъ, что онъ говорилъ и написалъ въ лучшіе годы жизни своей — имѣетъ только право молчать и быть прощенъ!“

Теперь непріятели его, то есть всѣ Авторы, играютъ ролю великодушныхъ, и даже не хотятъ смѣяться надъ нимъ. За то всѣ модные ханжи надѣли шрауръ; а женщины обливаются слезами и намѣрены посѣщать его въ ссылкѣ. Лицей также въ опчаяніи: солнце его закатилось, и не кому будетъ бранить Философовъ! Но вѣроятно, что Лагарпъ, подобно Сенекѣ, котораго всегда бранилъ онъ такъ немилосердо, сдѣлаешь время ссылки своей безсмертнымъ для потомства, въ какомънибудь морально-теолого-полемиическомъ твореніи! Шутку въ сторону, Лагарпъ въ самомъ дѣлѣ помѣшался: не возможно человѣку въ здоровомъ смыслѣ говорить и писать такія нелѣпости! Хуже всего

то, что многіе люди считаютъ его про-
рокомъ, и вѣрятъ ему, что для счастья
Франціи надобно переказнишь нѣсколько
тысячь людей и сжечь всѣ книги, кромѣ
его твореній. Правленіе долго перпѣло
проказы господина Лагарпа, и добрые
люди нѣсколько разъ совѣшовали ему
быть осторожнымъ; но онъ непремѣнно
хотѣлъ свергнуть Консула вмѣстѣ съ
Философами, и поносилъ не только всѣхъ
Авторовъ, но и всѣ дѣла благошворите-
ля Франціи.

Амьенской Конгресъ все еще окру-
женъ непроницаемымъ облакомъ, и солнце
рѣшлительнаго мира не сіяетъ. Увѣря-
ютъ, что Іосифъ Бонапарте тайно прѣ-
ѣзжалъ изъ Амьеня въ Мальмезонъ къ
Первому Консулу, нѣсколько часовъ на-
единъ говорилъ съ нимъ, и въ поспѣ же
день уѣхалъ назадъ. Впрочемъ здѣсь ни-
кто не сомнѣвается въ скоромъ заклю-
ченіи мира, не смотря на всѣ угрозы Ан-
глійскихъ Журналистовъ.

Ни въ какое время карнавальныя ма-
скарады не бывали въ Парижѣ такъ
многочисленны и веселы, какъ нынѣ.
Народъ забавляется спранными масками
на улицахъ, и всѣ окна, особливо на Буле-

варахъ, заняты любопытными зрителями. Весь городъ кажется маскарадомъ.

Въ печеніе Февраля мѣсяца вышло здѣсь 85 новыхъ книгъ, изъ которыхъ шесть переведены съ Нѣмецкаго, двѣ съ Англійскаго, одна съ Голландскаго. Удивительнѣе всего то, что между ими не болѣе 18 романовъ! Видно, что страсть публики къ сочиненіямъ сего рода уже просыпается.

Сообщаю выписку изъ *Старистигвскихъ извѣстій* Обскаго Департамента, обнародованныхъ его Префектомъ. „Параклетъ, „гдѣ несчастный Абеларъ укрывался отъ „гоненія монаховъ, представляеть однѣ „развалины. Тамъ, между разрушенными „снѣгами, уцѣлѣлъ жертвенникъ, подъ „которымъ стоялъ гробъ Абелара и Эло- „изы, въ 1791 году перевезенный въ Но- „жанъ, а опшуда въ Парижъ. Любопытные „видяшъ еще вѣское зданіе, гдѣ Абеларъ „жилъ и давалъ свои теологическія наста- „вленія. — Естли путешественникъ спро- „ситъ въ Брѣнѣ о военной школѣ, навѣки „прославленной воспитаніемъ Бонапарте, „то ему показываютъ развалины. Въ 1776 „году Правительство учредило сію школу „въ Брѣнскомъ монастырѣ для 100 Коро- „левскихъ воспитанниковъ и пансіонеровъ. „Въ 1790 году недоставало уже денегъ

„на ея содержаніе: она была уничтожена,
 „а доиѣ проданѣ колеснику, и наконецѣ
 „сломанѣ. Нынѣшній хозяинѣ хочетѣ со-
 „орудитѣ просной монументѣ, съ над-
 „писью, что Консулѣ въ семѣ мѣстѣ
 „озарился первыми лучами науки.“

IV.

Опредѣленіе Консуловѣ отѣ 13 Вантоза десятаго лѣта.

Консулы Республики, по донесенію Ми-
 нистра внутренихѣ дѣлѣ, и выслушавѣ
 мнѣніе Консульскаго Совѣта, опредѣля-
 ющѣ:

Статья I. Народный Французскій
 Инспитутѣ долженѣ сочинитѣ общую
 каршину соспоянія и успѣховѣ Наукѣ,
 Литтературы и Художествѣ, съ 1789
 года по 1 Вандеміера десятаго лѣта. Сіѣ
 каршина, раздѣленная на три части по
 премѣ особеннымѣ классамѣ Инспитута,
 будетѣ представлена Консуламѣ въ пе-
 ченіе Фрюкшидора. перваго - надесять
 лѣта; и впредѣ такаѣ же будетѣ сочиня-
 ема всякія пять лѣтѣ.

II. Сію каршину представитѣ Депу-
 татія всѣхѣ прехѣ опдѣленій Инспитута.
 Консулы примутѣ еѣ въ Совѣтѣ.

III. Въ то же время Народный Институтъ предложитъ Консуламъ свое мнѣніе о тѣхъ открытіяхъ, копорыя могутъ бытъ обращены въ пользу Республики — о нужной помощи и ободреніи для Наукъ, Художествъ и Липперашуры; также о способахъ усовершеншь методы въ разныхъ частяхъ народнаго ученія.

IV. Министру внутреннихъ дѣлъ поручается исполнить сіе опредѣленіе, копорое внесетъ въ Журналъ Законовъ.

Подпис. Бонапарте.

Маре, Секретарь Консульскій.

Должно замѣтить къ общему удовольствію, что съ нѣкотораго времени почти всѣ Правительствъ стараются объ успѣхѣхъ свѣдѣній, необходимыхъ для государственнаго и частнаго блага. Такъ на примѣръ и въ самой Баваріи, копорую Нѣмцы называли *темною* частію Германіи, взяты мѣры для народнаго просвѣщенія; и Курфирствъ въ указѣ своемъ говоритъ, что успѣхи разума должны бытъ однимъ изъ главныхъ предметовъ Начальства. Россія подъ скипетромъ своего добродѣтельнаго Монарха, Покровителя Наукъ и Липперашуры, конечно не уступитъ другимъ государствамъ въ любви и ревности къ изящному и полезному.

V.

*Любопытныя засѣданія Англійскаго
Парламента.*

(Нв. Мы прежде не говорили объ нихъ для того, что они не представляли ничего любопытнаго для Европы со времени подписанія мирныхъ условій въ Лондонѣ; но всякое засѣданіе, достойное примѣчанія, будетъ описано въ *Вѣстникѣ*.)

Засѣданіе 3 Марта.

Военный Секретарь представляетъ счетъ нужнымъ суммамъ для содержанія арміи на два мѣсяца, и требуетъ, чтобы избранный Комитетъ разсмотрѣлъ его.

Г. Элліотъ. Непремѣннымъ обыкновеніемъ Англїи было всегда размѣрять воинскія силы наши по явному къ намъ расположенію Державъ Европейскихъ. Теперь умноженіе силъ необходимо для безопасности государства. Со времени подписанія мирныхъ предварительныхъ условій разные новые случаи привели въ безпокойство Англїю и всю Европу. Въ самой началѣ мнѣніе мое о подписанныхъ условїяхъ было несогласно со мнѣніемъ Министровъ и большей части Парламента. Мнѣ надлежало уступить общему желанію; но пусть знаютъ, что

мысли мои съ того времени не переѣнились. Я желалъ бы, чтобы онѣ могли переѣниться; но, къ несчастью, ежедневный опытъ болѣе и болѣе утверждаетъ мои правила! Думаю — думаю и теперь, что рука благороднаго Лорда, подписавшаго такія условія, сдѣлала страшный вредъ отечеству, и что сія минуша естъ начало эпохи паденія и слабости. Если бы непрямель вѣрно исполнилъ условія, то Англія безъ сомнѣнія долженствовала бы также соблюсти ихъ и основать на нихъ практическій рѣшительный; но они уничтожены, если бы положеніе обоихъ Государствъ переѣнилось опъ вѣроломныхъ намѣреній Французскаго Правленія. Парламентъ не долженъ думать, что, утвердивъ условія, онѣ не можеть переѣнить своего мнѣнія ни въ какомъ случаѣ. Тогда надѣялись, что Франція окажетъ духъ умеренности въ своей Политикѣ, и не думая о новыхъ пріобрѣтеніяхъ, будетъ только стараться о благоустройствѣ и щастіи завоеванныхъ ею земель; надѣялись особенно, что Республика Чизальпинская въ независимости своей будетъ щипомъ для южной Италіи и обласней Австрійскихъ. Но сцена Ліонская доказываетъ, что Бонапарте *останавливался единственно для*

отдыха. Онъ торжественно объявилъ, что въ пяши милліонахъ не находить ни одного человѣка, достойнаго управлять новою Республикою, и по своей милости рѣшился самъ управлять ею. Такая система можетъ быть для насъ бѣдственна. Если безъ прекословія согласимся на все угодное Первому Консулу, то онъ скоро можетъ вздумать, что и въ Англїи нѣтъ достойнаго Правителя, и что мы также имѣемъ нужду въ его опеческомъ попеченїи.

Тутъ Г. Элліотъ говоритъ о Порто-Феррайо и Луизианѣ, и думаетъ, что Франція въ разсужденїи сихъ двухъ пунктовъ обманула Министровъ. Онъ дѣлаетъ нѣкоторыя замѣчанїя на отплатѣ Брестскаго флота, и въ заключенїе жалуется на медленность мирныхъ переговоровъ, которая лишаетъ насъ выгодъ войны и мира.

Лордъ Гакесбури (Министръ). Въ настоящихъ обстоятельствияхъ Министры не могутъ дать требуемаго объясненїя. Если бы медленность переговоровъ была непонятна, то Парламентъ безъ сомнѣнїя имѣлъ бы право требовать отчета отъ Министровъ. Соглашаюсь, что неизвѣстность войны и мира производитъ для насъ многія неприятности; но должно

вспомнишь , сколько шрудныхъ и различныхъ предметовъ надлежитъ рѣшить въ Амьенѣ. Въ 1785 году предварительныя условія были подписаны 20 Января , а миръ 3 Сеншября. Министры желаютъ мира не менѣе другихъ подданныхъ Его Величества. Со временемъ можно будетъ отвѣчать подробно на замѣчанія достойнаго Члена , теперь говорившаго. Не опираюсь , что я способствовалъ заключенію мирнаго договора , и ни въ какомъ случаѣ не буду раскаиваться. Говорятъ о невыгодахъ мира ; но должно представить себѣ и невыгоды войны , и сравнивъ все , благоразумный согласится , что по крайней мѣрѣ надлежало испытать , можетъ ли миръ съ Франціею быть надеженъ. Впрочемъ увѣряю за себя и за моихъ товарищей , что мы всегда готовы дать отчекъ въ дѣлахъ нашихъ.

Г. Виндамъ. Я увѣренъ , что Министры рано или поздно должны будутъ отвѣтствовать Парламенту. Достойный другъ мой (Г. Эллотъ) не хочетъ мѣшаться въ переговоры Амьенскіе , а желалъ единственно изобразить наше положеніе въ разсужденіи Франціи. Я надѣялся , что Министры сами начнутъ говорить о томъ ; но безопасность ихъ

болѣе прежняго увѣряетъ меня въ ихъ безразсудности и неспособности. Не жалуюсь на медленность переговоровъ; шѣмъ единственно, которые ведутъ ихъ, можно знать, удаляетъ ли Франція безъ всякой нужды заключеніе мира, или нѣтъ. Желая только увѣрить Парламентъ, что достойные Члены, одобрившіе подписаніе начальныхъ условій мира, могутъ безъ всякаго противорѣчія не одобрить нынѣшнихъ переговоровъ. Новѣйшіе случаи можно раздѣлить на три класса: 1) на случаи, которые перемѣняютъ обстоятельства мирныхъ условій; 2) случаи, которые перемѣняютъ взаимное отношеніе пракствующихъ, и 3) случаи, доказывающіе перемѣну въ расположеніи непріятеля. Благородный Лордъ, Министръ иностранныхъ дѣлъ, сказалъ некогда, что должно наблюдать въ пракшахъ три вещи: *тонъ, время и условія*. Онъ примолвилъ даже, что первый пунктъ есть самый важнѣйшій; и я согласусь съ нимъ, что въ дѣлѣ такого рода болѣе надобно думать о смыслѣ, нежели о словахъ. Но *тонъ* Франціи кажется ли ему умѣреннымъ? Если бы Министры захопѣли на минушу оставить свои бумаги и взглянуть на ту важную *делешу*, которая чешкими буквами изсбрана на

всѣхъ частяхъ міра, шо они увидѣли бы рѣшишельный планъ истребишь Великобританнію виѣстѣ съ другими Державами. Франція оказалась вѣроломною. До заключенія мира надлежало каждому оспашься въ своемъ наспоащемъ положеніи. Естли городъ вступаешъ въ переговоры, шо обѣ стороны остаються въ равномъ бездѣйствіи до заключенія условій. Какъ ни опасно положеніе Англїи, но всего ужаснѣе для меня наша безпечность. Великобританнія кажешся миѣ пораженною шѣмъ сверхъестественнымъ ослѣпленіемъ, которое (какъ увѣряють) посылаетъ Небо народамъ въ наказаніе за ихъ грѣхи, и которое бываешъ предпечю ихъ истребленія. Мы только мѣсяцами должны считашь нынѣ бытіе наше. Вгляните вокругъ себя, и вы увидише, какъ скоро можешъ исчезнуть независимая обласшь. Въ Европѣ, кромѣ Франціи, остались только два Государства: Россія и Австрія; многія утратили самое имя свое; другія *существуютъ единственно страданіемъ*. Среди шакихъ разрушеній, видя безпрестанное возвышеніе Франціи, оспанемся ли безъ дѣйствія, въ надеждѣ на богатство и торговлю нашу? Французы говорятъ цѣлому свѣшу, исключая Минисровъ Его Величества, что они ли-

шатъ насъ богатства и выгодъ торговли; а мы смопримъ покойно на шучу! Я ужа-саюсь.

Лордъ Кассельричъ думаетъ, что не должно тревожить публики неоснова-тельными страхомъ въ разсужденіи мир-ныхъ переговоровъ. — Докпоръ Лоренсъ говоритъ, что Миниспры и прежде требовали денегъ на два мѣсяца для со-держанія арміи, въ надеждѣ, что въ сіе время успѣють заключить миръ; а теперь видно, что они намѣрены еще два мѣсяца употребить на смиренныя прозбы и на всякія низости въ разсуж-деніи Французовъ. . . . Тушъ Лордъ Га-кесбури напоминаетъ ему уставъ Парла-мента. . . . Лоренсъ извиняется, и гово-ритъ, что не онъ, а другіе могутъ такъ подумать.

Генералъ-Прокуроръ. Всѣ шакіе споры кажутся мнѣ въ настоящихъ обстоя-тельствахъ неблагоразумными, а выра-женія непристойными. Еслили доспой-ные Члены думаютъ, что Миниспры напрасно трактуютъ о мирѣ, то пусть они просятъ Его Величество ошозвать Маркиза Корнваллиса! Миниспры дока-зали свою швердость во время Сѣвернаго Союза, и не будутъ никогда слабыми.

Всѣ предложенія Министровъ по большинству голосовъ приняты, и засѣданіе кончилось.

Засѣданіе 5 Марта.

Разсуждаютъ о коммерческомъ трактатѣ съ Америкой. Лордъ Гакесбури, отвѣчая на возраженія прошивниковъ, которые находятъ сей трактатъ слишкомъ выгоднымъ для Соединенныхъ Областей, говоритъ между прочимъ слѣдующее :

Я не вижу никакой причины думать, чтобы миръ могъ имѣть для насъ опасныя слѣдствія. Предсказывали, что война истребитъ нашу торговлю: вмѣсто того она расцвѣла войною. Надѣюсь, что и нынѣшнія пророчества также не сбудутся. Чтобы удалить всѣ страхи, которыми спаряются окружить насъ, прошу достойныхъ Членовъ вспомнить, что мы не имѣли сношенія съ землями, находящимися подъ влїяніемъ Франціи, и вывозъ нашихъ товаровъ въ Европу долженъ былъ уменьшиться; однакожь, не смотря на то, вообще продаемъ нынѣ товаровъ вдвое болѣе прежняго. Торговля не цвѣшетъ и не разрушается опредѣленіями; она всегда обращается на обыкно-

венный путь свой, не смотря на всѣ глубокомысленные планы опвесити ее отъ прежнихъ каналовъ. Такъ конечно! естль-ли будемъ шверды, по намъ не чего бо-лпсья. Сила можетъ произвесити арміи и завоевать государсва; но торговля не повинуется волѣ завоевателя; един-ственныя опоры ея суть капиталы и довѣренность. Прежде одна Голландія могла спорить съ нами: для того, что характеромъ Голландцевъ была исправ-ность и честность. Но Французы ни-когда не славились промышленностію и почностію въ дѣлахъ. Никто не лишитъ насъ теперь первенства въ торговлѣ.

Г. Виндалъ. Англія на краю бездны, а почтенный Лордъ желаетъ усыпить насъ! Тѣ, которые предсказывали, что война истребитъ нашу торговлю, безъ сомнѣнія ошиблись; но изъ сего не слѣ-дуетъ, чтобы мы, считая миръ для нее пагубнымъ, также ошибались. Естль-ли она цвѣла отъ войны, то миръ ли-шитъ ее причины сего цвѣтущаго со-стоянія. Правда, что торговля возвра-щается въ обыкновенные свои каналы; но можно ли разсуждать по обыкновеннымъ опытамъ въ такое время, которому не найдемъ подобнаго въ лѣтописяхъ? Сильное государство хочетъ завладѣть

міромъ; не лѣзя сомнѣваться въ его намѣреніяхъ; оно пысачу разъ объявляло, что желаетъ насъ уничтожить, обратишь въ ашомы, и приготоваляется къ шочу; а мы говоримъ съ важностію: *быть не можетъ; это шутка; мы знаемъ, что оно желаетъ намъ добра!* Со времени Римлянъ въ Европѣ не было шаксей сильной Державы, какъ республиканская Франція, не исключая и Карла Великаго, копорому нынѣшній власпелинъ Французовъ думаетъ подражать какъ сбразцу своему. Опасно надѣяться на одно богатство: лучше будемъ ревностны и благородны духомъ! Предки наши, еще не имѣя богатства, заняли мѣсто перво-класной Державы въ Европѣ. Однимъ оружіемъ можемъ воскресить свое величіе и славу. Мы гордимся мѣшками, наполненными золотомъ, и не чувствуемъ нужды быть храбрыми и мужественными, забывая, что храбрость и мужество сдѣлали насъ богатыми! Нѣтъ, нѣтъ! безъ сихъ воинскихъ добродѣтелей не сохранимъ нашихъ милліоновъ! Я не хочу пугать васъ; хочу только вывести изъ опаснаго усыпленія.

Министръ Аддингтонъ. Народъ можетъ быть и храбрымъ и богатымъ;

испорія послѣдняго десятилѣтїя Англїи по доказываетъ. Я вмѣстѣ съ другими не могу видѣть равнодушно умноженїя силъ Франціи; но чтобы ихъ не спрашитъ, то будемъ ревностными патриотами! Не богатство, а духъ народный есть опора государствъ.

VI.

Извѣстія и замѣчанія.

Съ часу на часъ ожидали въ Лондонѣ рѣшительнаго мира, и вдругъ Англійское Правленіе даетъ повелѣніе всѣмъ военнымъ кораблямъ ипти въ море; въ гаваняхъ день и ночь работаютъ, и эскадры съ тайными запечатанными повелѣніями выходятъ изъ пристаней. Однимъ словомъ, барометръ показываетъ бурю — но туча въ одну минуту можетъ разсѣяться.

Лондонскіе Журналы говорятъ, что Бонапарте прежде заключенїя мира желаетъ имѣть извѣстіе о Бреспскомъ флотѣ, и для того медлитъ; что Англійскіе Министры, потерявъ терпѣніе, велѣли Лорду Корнваллису требовать немедленнаго подписанїя мирныхъ условій,

и въ случаѣ отказа выѣхашъ изъ Амьеня. Французскій Министръ Опшо, пораженный такою переменною, спѣшилъ изъясниться съ Лордомъ Гакесбури и Аддингтономъ; долго говорилъ съ ними въ кабинетѣ, и пошчасъ отправилъ курьера въ Парижъ. Черезъ нѣсколько дней должно все рѣшиться. Хотя Бонапарте, какъ извѣстно, не очень бояливъ; но ему надобно будетъ или подписать трактатъ или снова начать войну. Англичане умѣютъ быть твердыми. Почти нѣтъ сомнѣнiя, что Европа насладится тишиною, и личное упрямство не дерзнетъ пропивиться общему желанiю народовъ. Трактатъ будетъ подписанъ, и Министерскiе Журналы въ Лондонѣ прославятъ смѣлую рѣшительность Министровъ! Такъ думаютъ миролюбивые Политики, и жаль, есльи они ошибутся. Хотя война Англии съ Францiею есть война кита со львомъ, копорые, царствуя на двухъ разныхъ элемепахъ, не могутъ сдѣлать большаго зла одинъ другому; однакожь, сверхъ вреда для общаго Европейскаго торго, человечество снова пострадало бы отъ нее и въ другихъ отношенiяхъ. Нѣтъ, нѣтъ! или Европа спокойна, или пальма Консула увянетъ: въ случаѣ разрыва ни кто не возьметъ на себя оправдывать его

излишней гордости. — Мы еще не знаемъ дѣйствія Англійскихъ вооруженій въ Парижѣ; но извѣстіе объ нихъ крайне попревило умы въ Голландіи, которая опъ одного мира можетъ ожидать прежняго благоденствія.

Два Лондонскіе Журнала, *Таймсъ* и *Морнингъ-Кроникель*, увѣряютъ, что Англійская эскадра, вышедшая съ великою поспѣшностію изъ Торбе, должна перехватить Гишпанскій флотъ, везущій изъ Американскихъ колоній въ Кадиксъ 70 милліоновъ. „Министерство наше, говорятъ они, хочетъ имѣть залогъ мира!“

Одинъ изъ первыхъ богачей въ Европѣ, Англійскій Герцогъ Бедфордъ, умеръ шестидесяти - пяти лѣтъ опъ роду. Онъ былъ славенъ не только своимъ богатствомъ, но и ревностнымъ патриотизмомъ, благодѣтельностью, разумомъ и любовью къ талантамъ. Окруженный изобиліемъ и всѣми пріяніостями жизни, Бедфордъ не засыпалъ на розахъ, но любилъ шрудиться умомъ въ кабинетѣ, блисталъ краснорѣчіемъ въ Парламентѣ и отличалъ себя пылкою ревностію ко благу человѣчества; ненавидѣлъ роскошь, и только однимъ бѣднымъ давалъ чувствовать свое богатство. Сей достойный человекъ, котораго характеръ примирялъ

людей съ дарами слѣпой фортуны, умеръ скоропостижно во цвѣтѣ лѣтъ своихъ! Принцъ Валлисской лишился въ немъ искренняго друга, и принялъ смерть его съ такою живою горестію, что нѣсколь-ко дней не хощалъ никого видѣть. Всѣ знаменитые Члены прежней *Оллозиціи*: Фоксъ, Шериданъ, Лордъ Спанопъ, Ладердаль, были друзьями Герцога; перво-му отказалъ онъ 50000 рублей. Лордъ Россель есть братъ и наследникъ его.

Новое извѣстіе, полученное въ Лондонѣ о смерти Туссеня Луверпюра, кажется невѣроятнымъ. Пишутъ, что Негры, боясь прибытія Французской армии и зная намѣреніе Африканскаго Генера-ла покориться Консулу, всѣ вдругъ взбунтовались, схватили Туссеня и сожгли его!! Негры способны ко всѣмъ злодѣйствамъ; но мудро, чтобы Туссень былъ такъ оплощенъ, и чтобы армія, ему преданная, выдала своего Генерала.

„Никогда въ Италіянскихъ гаваняхъ (пишутъ изъ Генуи) не было столько иностранныхъ товаровъ, какъ нынѣ; ежедневно привозятъ ихъ изъ всѣхъ частей свѣта въ пристани Средиземнаго моря. Берега Италіи, гдѣ прежде царство-вало уныніе и молчаніе, переѣняли видъ свой. Все, что имѣетъ отношеніе

къ торговлѣ: многочисленный классъ народа, питаемый дѣятельностію пориповъ, и всѣ богатые купцы ожили и шрудятся съ величайшею ревностію. Сіе драгоценное дѣйствіе мира есть для насъ главное щастіе.“

Со всѣхъ сторонъ обѣщаютъ намъ открышя. Во Франціи одинъ Ученый изобрѣлъ вѣрный способъ предохранять корабли отъ гибельнаго дѣйствія бури; а въ Англіи ѣздятъ въ каретахъ безъ лошадей. Какое благодѣяніе для плавателей и путешественниковъ! Первое изобрѣненіе состоитъ въ машинѣ, которая должна умѣрять дѣйствіе вѣтра и волнъ; а второе въ пружинахъ, которыя сами собою движутъ карету не только на ровномъ мѣстѣ, но съ величайшею скоростію поднимаютъ ее и на самыя крупныя горы, такъ, что по гладкой дорогѣ можно переѣхать въ часъ верстъ 12, а по горамъ верстъ 8. Изобрѣшатель требуетъ исключительнаго права завести особенную почту въ Англіи. Это похоже на *коверъ-самолетъ*, о которомъ говорятъ Рускія сказки.

О Россійскихъ книгахъ.

У Содержашелей Университетской Типографіи, *Люби, Гарія и Полова*, въ книжныхъ лавкахъ: въ *первой* Университетской, что на Тверской; во *второй*, что на Ильинкѣ, въ новомъ Госпитномъ дворѣ, противъ Хрустального ряду на углу, подъ Но 1; въ *третьей*, что на Никольской улицѣ, подлѣ самаго входа въ Управу Благочинія, подъ Но 3, сверхъ многихъ другихъ книгъ продаются еще и слѣдующія книги:

Дѣтское новое Училище, или опытѣ нравственнаго воспитанія обоюго пола и всякаго состоянія юношества, содержащій полезнѣйшія наставленія къ образованію разума и сердца, и совершенному нравственному воспитанію, представленные въ изящнѣйшихъ письмахъ, сочиненныхъ весьма извѣстною и прославившеюся сочиненіями своими, касающимися до воспитанія и другихъ предметовъ нравственности, Графинею *Жанли*. Съ Французскаго. Спб. 3 Ч. въ пер. 5 рубл.

Дѣтское Училище, или нравоучительные разговоры между разумною учительницею и разныхъ лѣтъ ученицами, сочин. Гжи. де *Бомонтъ*, съ Французскаго, Спб. 5 Ч. въ перепл. 4 руб. 30 коп.

Комедія, *Обмануемый плутъ*, или награжденное простодушіе, въ одномъ дѣйствіи. Сочин. Г. Флоріана; съ Французскаго. М. 1802 г. въ бум. 30 коп.

Комедія, *Туалетъ*, или уборной деревенской спюликъ, въ трехъ дѣйствіяхъ. М. 1802 г. въ бум. 30 коп.

Біанки де ла Порты, истинной прогашельнѣйшій Анекдотъ изъ Италіанской Исторіи, съ Нѣмецкаго; М. 1802 г. въ бум. 35 коп.

Походные Комедіанты, Романъ, во вкусѣ *Фоблаза*; 2 Ч.; М. 1801 г. въ переп. 2 руб. 40 коп.

Инки, или разрушеніе Перуанской Имперіи, пвореніе Г. Мармонтеля, новое исправленное изданіе, съ гравированными изображениями, 3 Тома. М. 1801 г. въ перепл. 5 руб.

Четыре времени года, Поэма Томсона, М. въ переп. 2 руб.

О щаспіи дураковъ, соч. Г. Неккера, переводъ съ Французскаго. М. въ бум. 25 коп.

Анакреонъ, или могущество любви, Поэма, сочин. Россійское. М. 1796 г. въ бум. 25 коп.

Комедія *Любовь Докпоръ*, съ балетами въ трехъ дѣйствіяхъ, сочиненіе славнаго *Мольера*. Съ Французскаго; М. 1802 г. въ бум. 40 коп.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

А П Р Ъ Л Ъ 1802.

№ 8.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

ВСЕ НА БѢДУ,

Исторія Эмигранта ().*

Въ приключеніяхъ моихъ нѣтъ чрезвычайной; характеръ мой совсѣмъ не романической, умъ самой обыкновенной, и никакихъ великихъ несчастій со мною не было. Я не прятался въ пещерахъ, не наряжался *тудовищемъ*; меня не гнали, не искали, и спраспная, вѣрная любовница не вымышляла хитрыхъ способовъ спасти жизнь мою. Со мною случились едва ли не бездѣлицы: меня лишили имѣнія и милаго опечества — болѣе ничего. Но я рассказываю и не лгу; говорю о себѣ безъ всякой надменности и

(*) Изъ новыхъ сочиненій Госпожи Жанлисѣ.
№ 8.

въ простотѣ моего сердца; никого не браню, не злобствую, и даже на самый рокъ не жалуясь. Мнѣ кажется, что писать съ такимъ расположеніемъ есть бытъ рѣдкимъ Авпоромъ; и для того беру перо, въ надеждѣ, что *обыкновенныя* приключенія могутъ украситься *спранными* чувствами.

Я родился въ Бретаніи 25 Января 1765 году. Отецъ мой, Баронъ Керкалисъ, любилъ въ жизни одно хлѣбопашество, и занимался только обработываніемъ земли. Провидѣніе весьма мудро опредѣлило ему жить въ такихъ мѣстахъ, гдѣ множество пустошей; онъ скупалъ ихъ, пахалъ, сѣялъ, наживался и оставилъ мнѣ изрядной достатокъ. Я оплакалъ смерть его въ началѣ Революціи; и хотя совсѣмъ не былъ корысполубивъ, однакожь, уважая память моего родителя, также началъ скупать необработанныя земли, пахать, сѣять и богатѣть. Къ несчастію дядя мой умеръ въ Гасконіи, и мнѣ надлежало ѣхать туда за наслѣдствомъ; а прѣхавъ, я узналъ, что *нація* благоволила присвоить себѣ его имѣніе, ибо онъ (какъ говорили) за нѣсколько дней до смерти вздумалъ бытъ заговорщикомъ, и доказательства того нашлись въ его бумагахъ. Я увѣрялъ,

что дядя мой уже три года былъ въ параличѣ и не могъ ни писать, ни говорить: мнѣ опивѣчали, что онъ имѣлъ тайныя сношенія съ Господиномъ Пиптомъ — и не дали ни копѣйки изъ наслѣдства. Однакожь, не смотря на эту непріятность, я былъ доволенъ своимъ путешествіемъ (самымъ первымъ въ жизни моей), ибо узналъ Гасконскія пустыни, и рѣшился написать цѣлую книгу о средствахъ обработать ихъ. Между тѣмъ надлежало возвратиться въ Бретанію. Но тамъ нечаянная бѣда ожидала меня; а именно, мое отсутствіе сочли за побѣгъ, описали все имѣніе, и въ глаза мнѣ утверждали, что я Эмигрантъ; спращали меня даже эшафотомъ. Что дѣлать? скорѣе бѣжать. Я то и сдѣлалъ — и вспомнивъ о Гасконскихъ степяхъ, возвратился въ сію прекрасную землю; увидѣлъ обширныя пустыни, и сердце мое затрепетало отъ радостной мысли, что Провидѣніе, можетъ быть, назначило меня для ихъ обработанія и населенія. Воображеніе мое дѣйствовало съ удивительною быстротою: болопы, кусты исчезали; здѣсь соха прокладывала глубокія бразды; тамъ вѣтеръ колебалъ зрѣлую жатву; поселяне строили домики и молились за меня Богу. Мудрено ли, что

занимаясь такими восхищительными мечтами, я не примѣчалъ времени, и не рѣдко долженъ былъ ночевать въ пусынѣхъ? Наконецъ мнѣ вздумалось прибѣгнуть къ опыту, чтобы предложить Республикѣ уже вѣрныя слѣдствія моего благодѣштельнаго плана. Однажды на разсвѣтѣ, взявъ съ собою заступъ и мѣшокъ земляныхъ яблокъ, я пришелъ на любимое, то есть самое дикое мѣсто пустоши, и началъ работать. Вдругъ являюся пять или шесть человекъ, берутъ меня за воротъ, называютъ злодѣемъ, *роялистомъ*, и не слушая оправданій моихъ, ведутъ къ городскимъ судьямъ, которые дѣлаютъ мнѣ самой жестокой допросъ; говорятъ, что я врагъ Правленія, и зарывалъ въ землю золото вмѣстѣ съ разными съѣстными припасами, желая уронить цѣну ассигнацій и произвести голодъ. Я отвѣчалъ искренно и съ обыкновеннымъ моимъ чистосердечіемъ. Судьи и слушатели не могли удержаться отъ смѣха; однакожь, видя просипону мою, признали меня единственно сумасброднымъ, и по милости своей велѣли мнѣ только немедленно выѣхать изъ Франціи. Нѣкоторые добрые пріятели сжалились надъ моимъ несчастіемъ и дали мнѣ вексель на Базельскаго купца.

Я съ горемъ отправился въ Швейцарію ; взялъ въ Базелѣ 100 луидоровъ , и пошелъ пѣшкомъ въ дикіе Кантоны.

Тамъ приняли меня дружелюбно , и я два мѣсяца прожилъ въ сельской хижинѣ Швицскаго Кантона ; всякое утро ходилъ на горы , собиралъ травы , копался въ землѣ , разбиралъ ея свойство , думалъ , и часно съ горестію воспоминалъ о Гасконскихъ пустошахъ . Однажды , сидя въ глубокой задумчивости на граничномъ опломкѣ , я вдругъ почувствовалъ спрашную боль въ плечѣ ; вскочилъ и увидѣлъ крестьянъ , бросающихъ въ меня камнями ; не спрашивая , за что ? пустился бѣжать изо всей силы и въ нѣсколько минутъ скрылся отъ моихъ непріятелей . Тутъ , входя въ темной лѣсѣ , я началъ разсуждать самъ съ собою о такомъ чудномъ происшествіи , и не понималъ , чѣмъ могъ въ тихой и смиренной жизни своей оскорбить сихъ жестокихъ людей ; передъ вечеромъ возвратился въ хижину , и нашелъ хозяина моего въ великомъ беспокойствѣ . Онъ сказалъ мнѣ , что уединенныя мои прогулки и собраніе травъ на горахъ заставили жителей счесть меня опаснымъ мудрецомъ , волшебникомъ , или по крайней мѣрѣ — шпиономъ ! Я удивился различію людскихъ мнѣній , думая :

„изъ Франціи выгнали меня какъ безумца, а изъ горнаго Канпона выгоняюшъ какъ мудреца!“ Надлежало покориться судьбѣ. Я изъявилъ благодарность мою хозяину, и пошелъ въ Канпонъ Цугъ; увидѣлъ прекрасные берега Лаверцерскаго озера, любовался величественными картинами, остановился у часовни, посвященной Вильгельму Телю, и смотрѣлъ на ея расписанныя стѣны. Вдругъ являешся высокой человѣкъ въ длинномъ темномъ кафтанѣ, и начинаешъ говорить со мною по-Французски. Сердце мое обрадовалось находкѣ земляка, и я бросился ему на шею. Поговоривъ нѣскольکو минушъ, онъ сказалъ мнѣ: „Видишь ли маленькой островокъ противъ самой часовни? тамъ мое жилище, построенное мною въ развалинахъ замка, копорой принадлежалъ нѣкогда пирану Швейцаріи, Геслеру. Тамъ живу около десяти лѣтъ; тамъ, естли уединеніе и миръ тебѣ любезны, можешь со мною забыть свѣтъ и людей (*).“ Я съ радостію согласился на его предложеніе. Онъ указалъ мнѣ лодку: мы сѣли въ нее; черезъ нѣскольکو

(*) На семъ острову въ самомъ дѣлѣ живешъ Французской пуспынникъ, который былъ нѣкогда слугою несчастнаго Адмирала д'Эшена.

минуть приспали къ острову, и въ полчаса осмошрѣли всё богатства пуспынника, единственнаго тамошняго жишеля: развалины трехъ башенъ, хижину съ двумя прекрасными комнашами, садикъ, и лугъ, осѣненный вязами, между которыми гуляли корова, чепыре курицы и собака. Я взялся обработывать садикъ, и въ шесть недѣль сдѣлалъ хозяину великую прибыль. Жизнь моя была спокойна и щаслива. Пуспынникъ любилъ меня сердечно, и правился мнѣ своимъ добродушіемъ. Я не ѣздилъ никуда съ острова, работалъ усердно, и чувствовалъ, вопреки судьбѣ, что всегда можно благоденствовать и наслаждаться, когда есть у насъ чувствительное сердце, непорочная совѣсть и нѣсколько сажень земли.

Однажды пуспынникъ занемогъ, и мнѣ надлежало вмѣсто его ѣхать за хлѣбомъ въ деревню. Тамъ узнали, что я Французъ, и обошлись со мною грубо. Мнѣ пришло на мысль, что меня опять считаютъ волшебникомъ; но скоро увидѣлъ другую и гораздо важнѣйшую для себя опасность. Крестьяне, говоря другъ съ другомъ, называли меня убійцею и безпрестанно твердили: *десятое Августа!* *десятое Августа!* ужасныя слова, копо-

рыхъ смыслъ былъ мнѣ еще не извѣстенъ. Я скрылъ свое безпокойство, взялъ скорѣе, что надобно, и благополучно возвратился къ пустынноку. Онъ изъяснилъ мнѣ, что тамошніе крестьяне всякаго Француза считаютъ убійцею земляковъ своихъ, умерщвленныхъ въ Парижѣ 10 Августа. Я въ ту же минуту рѣшился съ нимъ разсказать, чтобы не навлечь на него бѣды; не могъ безъ слезъ оставить любезнаго уединенія; обнялъ пустыннока и отправился въ Цугъ. Сберегая деньги, и думая, что въ смутныя времена самое низкое состояніе есть безопаснѣйшее, я пошелъ въ садовники къ одному богатому гражданину, у котораго былъ очень хорошій сельскій домъ. Мнѣ странно показалось, что въ большомъ саду его росли одни земляныя яблоки, груши, бобы и горохъ; что въ немъ не было ни артишоковъ, ни щавеля, ни дынь. Узнавъ, что и во всемъ околѣдѣ не имѣли идеи о сихъ растеніяхъ, я несказанно обрадовался, надѣясь по справедливости прославить вѣранный мнѣ садъ, открывъ жителямъ новыя удовольствія и быть законодателемъ ихъ огородовъ. „Впредь (думалъ я), впредь ничто уже не попревожипъ моего спокойствія. Отсюда меня конечно не выгоняпъ; напрошивъ того черезъ годъ за-

служу общую признапельность, и буду наслаждапсья всѣми выгодами, всѣми правами народнаго благодѣшеля!“ Въ сіе время господинѣ мой уѣхалѣ въ другой городѣ мѣсяцевѣ на пять. Я воспользовался временемѣ его оплучки, и сѣ величайшею тайноспію работалѣ день и ночь, крайне желая удивить его. Опыпы мои всѣ удались, и садѣ мой украсился всякаго роду плодами. За нѣсколькo часовѣ до прѣзда господина я сѣ великимѣ торжествомѣ показалѣ свои новыя гряды нѣкоторымѣ жипелямѣ и садовникамѣ, которые, видя ихѣ, изумились, потчасѣ ушли, и при-слали ко мнѣ множество другихѣ любопытныхѣ; чѣмѣ самолюбіе мое крайне ушѣшалось. Прѣзжаетѣ хозяинѣ. Я потчасѣ веду его въ садѣ; но вмѣсто радоспнаго восклицанія и ласковыхѣ привѣспшвій, Швейцарѣ мой покраснѣлъ отѣ досады; взглянулѣ на меня сѣ гнѣвомѣ; сказалѣ: „кто велѣлъ тебѣ садить такую мерзость, за которой всѣ мои сограждане возстанутѣ на меня?“ поворопился и ушелѣ. Я вособразилѣ, что господинѣ мой пьянѣ, и сѣ терпѣніемѣ ждалѣ, чтобы онѣ проспался. Ахѣ! его пророчество сбылось. Всѣ жипели Канпона, считая всякую новизну опасною и вредною, собрались и въ одну ночь испребили шестимѣсячныя труды мои!..

Увидѣвъ по упру слѣды опустошенія, гряды мои сравненныя съ землею, арпишоки вырванные, дыни распоппанныя, я оцѣпенѣлъ отъ ужаса — и хопя зналъ горе въ жизни, но шупъ болѣе, нежели когда нибудь, оскорбился душою, въ первый разъ поперявъ всю ипвердоспъ; а эпо состояніе еспъ самое опчаянное для кропкихъ харакперовъ. Я вошелъ въ садъ съ лейкою, и все еще держалъ ее; но рука моя дрожала, и вода лилась ручьемъ на землю, вмѣспѣ съ моими слезами. . . .

Наконецъ, вышедши изъ ужаснаго своего оцѣпенѣнія, я бросилъ лейку, уже бесполезную, и выбѣжалъ изъ саду, со двора, изъ деревни, бродилъ нѣсколько часовъ, не зная, куда дѣвашься; вспомнилъ, что у меня были письма въ Лозану, и пошелъ въ сей городъ.

Тамъ было множество Эмигрантовъ, и я радовался мыслию жить посреди моихъ любезныхъ соотечественниковъ; но мнѣ сказали, что они раздѣляются на 72 или 73 партіи, копорыя всѣ ненавидяшъ другъ друга. Я думалъ, что каждая партія желаетъ особеннаго правленія для Франціи, и знавъ только два или три образа его, дивился великимъ успѣхамъ моральныхъ и политическихъ идей въ таксе короткое время; но скоро узналъ,

что Эмигранты ни мало не думали философствовать; они раздѣлялись на партіи только по времени своего выѣзда изъ опечества, и каждый ненавидѣлъ шѣхъ, которые выѣхали прежде или послѣ его. Что касается до меня, то, не будучи никому злодѣемъ, я никому не могъ нравиться, и находя вездѣ дурной пріемъ, рѣшился сидѣть въ своей комнатѣ или гулять одинъ за городомъ.

Тогда писали въ газетахъ, что Франція прешерпѣвала великой недостапкѣ въ хлѣбѣ. Любя всею душою моихъ согражданъ, я крайне шѣмъ огорчился. Дядя мой нѣкогда сказывалъ мнѣ, что народъ въ Гишпаніи пипается вареными желудями: я вздумалъ написать о томъ обстоятельный трактатъ, и отправишь его къ Президенту народнаго Конвенша; въ ожиданіи почтоваго дня, запечаталъ свою шепрадъ, надписалъ, и оставивъ ее на столѣ, пошелъ гулять. Возвращаюсь, и нахожу въ своей горницѣ незнакомаго человѣка, которой вручаетъ мнѣ бумагу и уходитъ; развертываю и вижу повелѣніе Лозанскаго Начальства: *немедленно выѣхать изъ города Эмигранты Керкалису.* Удивленный такою немилосію, думаю и не нахожу причины. Вошла трактирщица, которая ненавидѣла Эмигрантовъ за ихъ

бережливостъ , и самыхъ бѣднѣйшихъ изъ нихъ всегда подозрѣвала въ *Якобинствѣ*. „Думашь нечего“, сказала она мнѣ съ великимъ жаромъ : „дѣло открылось ; надобно убираться.“ — Открылось ? чпо шакое ? спросилъ я . — „Въ шихомъ омушѣ всегда бѣсы водятся . Я говорила это мужу моему , когда онъ вздумалъ принять васъ въ домъ . У меня , слава Богу ! хороши глаза ; и никакой Якобинецъ не проведетъ меня.“ — Вы считаете меня Якобинцомъ ? — „А вы еще запираетесь ? Поздно , государь мой , поздно ! Кпо въ перепискѣ съ Конвеншомъ , шопѣ безъ сомнѣнiя не доброй человекъ.“ — Тупъ я взглянулъ на споль , и не видя своей шепради , съ гореспiю воскликнулъ : „какъ ! мой шракшашъ взяли ?“ — „Взяли , государь мой !“ отвѣчала хозяйка съ важнымъ видомъ : „и ваши шайны обнаружились . Совѣшную вамъ какъ можно скорѣе ѣхашъ опсюда . Кпо хочешъ сдѣлать Революцiю , шого не грѣхъ выгнать изъ города . Черезъ часъ ваши пожипки будутъ выброшены на улицу.“ — Она ушла , и хлопнула дверью .

Я догадался , чпо хозяйка донесла на меня , и чпо письмо мое къ Президенту могло возбудить подозрѣнiе въ опасное и безпокойное время . Мнѣ всего болѣе жаль было моего , шракшапа , переписаннаго

набѣло съ величайшимъ стараніемъ, на лучшей Англійской бумагѣ. Я собралъ измаранные лоскушки оригинала, уклалъ свой чемоданъ, и безъ всякаго сожалѣнія выѣхалъ изъ Швейцаріи, гдѣ люди принимали меня за шпиона, убійцу, волшебника и Якобинца.

Пріѣхавъ въ Гамбургъ, я напечаталъ шесть сотъ экземпляровъ моего ревностнаго, патріотическаго трактата, отправилъ 200 въ Парижъ, а остальные въ Бременію.

Страсть великихъ людей въ чрезвычайныхъ своихъ дѣйствіяхъ производитъ то, что называется ихъ *судьбою*. Мало-важные случаи жизни моей не позволяютъ мнѣ употребить сего громкаго слова. Къ тому же спраспи никогда не волновали души моей. Но въ характерѣ моемъ есть какая-то оплошность, которая всегда имѣла для меня слѣдствія безразсудной дерзости. Я совсѣмъ не въпренѣ и не предприимчивъ; но никто болѣе меня не дѣлалъ *промаховъ*. Всякой разъ думаю, и выдумаю что нибудь *не кстати*; изъ чего выходитъ всегдашняя *неудача*. Можетъ быть, что лучшее знаніе свѣта уменьшило бы во мнѣ эту природную неловкость; но ничто не могло бы испре-

бить ее совершенно: ибо она основана на характерѣ ума моего.

Узнавъ, что одинъ изъ моихъ родспвенниковъ спокойно живеть въ Парижѣ, я спѣшилъ изъяснить ему свою радость; но чтобы не сдѣлать ему вреда, то написалъ къ нему письмо подъ именемъ Нѣмца, и желая приласкать его сына, моего крестника, послалъ ему игрушку съ изображеніемъ Прусскихъ солдатъ. Опвѣща на то не было; но мѣсяца черезъ три гражданинъ Даль **, прѣѣхавъ изъ Парижа въ Гамбургъ, позвалъ меня къ себѣ. Я тотчасъ явился, и обрадовался сердечно, когда онъ началъ говорить мнѣ о моемъ родспвенникѣ; но сколь велико было мое изумленіе, когда гражданинъ Даль ** сказалъ: „онъ проситъ васъ, государь мой, оставить его въ покоѣ; странное письмо ваше могло сполнить ему жизни.“ — Какъ? что такое? — „Безъ сомнѣнія. По этому письму, распечатанному въ Комитетѣ, его сочли непріятелемъ Республики, выписывающимъ ружья и пушки изъ Нѣмецкой земли. Онъ два мѣсяца высидѣлъ въ пюръмѣ“. — Я окаменѣлъ отъ ужаса. Въ самомъ дѣлѣ, изъясняя употребленіе игрушки, я говорилъ о ружьяхъ и пушкахъ, на ней изображенныхъ; но не могъ понять, какъ

родственникъ мой, показавъ ее, пошчасъ не оправдался! . . . „Напротивъ (отвѣчалъ Даль **) эта игрушка умножила подозрѣнiе. Судьи, увидѣвъ ее, пришли въ ужасъ; имъ казалось, что изображенiе Прусскихъ солдатъ означаетъ армию Роялистовъ и Конпръ - революцiю. Прiяпель мой освободился только деньгами отъ гильйошины.“

Я споялъ какъ вкопаной и не могъ произнести ни слова отъ сильной горести. Гражданинъ Даль **, помолчавъ нѣсколько минутъ, взялъ на себя угрюмой видъ и сказалъ мнѣ: „Это доказываетъ „вамъ, государь мой, неусыпную оспорожность Республики, которая разрушаетъ всѣ коварные умыслы Роялистовъ. Генiй свободы имѣетъ взоръ орлиный, и дѣятельность Правленiя торжествуетъ надъ безсильною злобою враговъ своихъ.“

Торжественный голосъ гражданина Даль ** и мудрое замѣчанiе его показались мнѣ и обидными и спранными; но чтобы не сказать ему излишняго слова, я ушелъ отъ него съ низкимъ поклономъ.

Это приключенiе доказало мнѣ, что во время революцiи опасно дарить игрушками своихъ крестниковъ. Надлежало быть осторожниѣе.

Деньги мои исходили, и я съ великимъ удовольствіемъ принялся въ домъ къ одному богатому купцу, смотрѣнь за его садомъ, работниками — и сыномъ, которому было лѣтъ шестнадцать, и котораго воспитаніе надлежало мнѣ довершить: то есть, читать съ нимъ Лафонтеновы басни и спать въ его комнатѣ. Господинъ Блакеръ, человекъ лѣтъ сорока — осми, лучшее время жизни своей провелъ въ торговыхъ заботахъ, наконецъ отказался отъ нихъ, и въ совершенной праздности наслаждался избыткомъ. Тридцати-лѣтняя жена его готовилась родить; а сынъ выздоравливалъ послѣ долговременной болѣзни и казался чрезмѣрно задумчивымъ.

Загородный домъ ихъ былъ для меня очень пріятенъ; всякой день гости; столъ изобильной и вкусной; хорошій садъ и нѣсколько десятинъ земли, на которыхъ я могъ дѣлать всякіе опыты. Одно меня беспокоило: слабое здоровье молодого Фридриха Блакера, которое ни мало не поправлялось.

Въ это время пріѣхалъ въ Гамбургъ одинъ Французской *Патріотъ*, которой занялъ у меня нѣкогда 6000 франковъ. Онъ вспомнилъ о томъ: не хотѣлъ видѣться со мною какъ съ Эмигрантомъ,

но прислалъ мнѣ долгъ свой. Кромѣ денегъ, я радовался еще тому, что Революція не испребила всей честности въ душѣ Республиканцевъ.

Госпожа Блакеръ благополучно родила дочь. Недѣли черезъ двѣ послѣ того молодой Фридрихъ былъ цѣлой день оптимѣнно задумчивъ, не спалъ ужинашь и легъ спать ранѣе обыкновеннаго. Въ комнашѣ нашей горѣла лампада. Часу въ претъемѣ я проснулся, взглянулъ на Фридрихову постелю, и къ изумленію своему увидѣлъ ее пустую; задумался объ этой чрезвычайности, и вдругъ услышалъ идущаго потихоньку человѣка. Тогда, воображая, что какая нибудь любовная тайна заспавила Фридриха уйти изъ горницы, я погасилъ лампаду и припворился спящимъ. Онъ вошелъ — нѣсколько разъ шажело вздохнулъ, легъ на софу и заснулъ крѣпкимъ сномъ. Часовъ въ семь утра я спѣшилъ увѣдомить Госпожу Блакеръ объ этомъ приключеніи, ибо мужа ея не было дома. Она выслушала меня съ великимъ вниманіемъ, просила не сказывать о томъ Господину Блакеру, и думала, что Фридрихъ влюбленъ въ экономку, женщину лѣтъ въ 25, изрядную лицомъ, и превеликую грубіянку. „Мнѣ уже давно не нравишься ея поведеніе.“ ска-

зала Госпожа Блакеръ: „она безъ сомнѣнiя прельстила моего сына, которой можешь погибнуть опъ этой связи. Надобно обнаружись ея. Мужъ мой вступается за экономку: и такъ нужна оспорожность. Какъ скоро Фридрихъ ночью уйдетъ опять изъ горницы, приди въ ту же минуту сказать мнѣ.“

Я далъ слово, и не сказалъ ничего мужу, которой передъ вечеромъ возвратился. Фридрихъ, жалуясь на головную боль, легъ опять очень рано. Господинъ Блакеръ думалъ о хорошемъ ужинѣ для госпей, а не о сынѣ. Входя въ Фридрихову спальню, я встрѣшилъ экономку, и еще болѣе увѣрился въ своемъ подозрѣнiи; легъ на постелю, и ждалъ, что будетъ. Часу во второмъ Фридрихъ началъ спонать, сбросилъ одѣяло, подушки, вскочилъ, и въ одной рубашкѣ выбѣжалъ или, лучше сказать, выпрыгнулъ изъ комнаты. Удивляясь такой пламенной сраси въ шестнадцати - лѣтнемъ человекѣ, которой всегда казался мнѣ холоднымъ флегматикомъ, я вспалъ, одѣлся и спѣшилъ уведомить Госпожу Блакеръ. Всѣ въ домѣ спали. Я пихонько поспучался у дверей и былъ введенъ служанкою. Госпожа Блакеръ одѣлась въ минуту, вскочила съ постели, и взявъ меня за руку,

сказала: „Онъ вѣрно у этой мерской женщины; скорѣе пойдѣмъ туда!“ — Я боюсь слѣдствій для вашего здоровья. — „Нѣтъ, нѣтъ!“ . . . Говоря, она уже тащила меня. Я взялъ свѣчу и пошелъ съ нею — въ коридоръ, а изъ коридора прямо въ горницу къ экономкѣ. . . Взглядываемъ на поспелю и видимъ двѣ сонныя головы . . . подходимъ. . . Но здѣсь прошу чипапеля вообразить мое удивленіе, когда вмѣсто Фридриха въ объятіяхъ экономки увидѣли мы самого Господина Блакера! . . . „Негодной!“ закричала жена и разбудила мужа, которой, вскочивъ безъ памяти, долженъ былъ не менѣе моего удивиться, видя меня одною рукою держащаго Госпожу Блакеръ въ обморокѣ, а другою свѣчу, для освѣщенія карпины! . . . Господинъ мой прежде всего озлился на меня, и въ бѣшенствѣ своемъ забывъ Французской языкъ, началъ кричать по-Нѣмецки. Я не разумѣлъ словъ, но могъ угадать ихъ смыслъ по голосу и глазамъ; не зналъ, что дѣлать; наконецъ рѣшился задуть свѣчу и бѣжать въ свою комнату. Въ замѣшательствѣ я долго не могъ найти дверей и два раза пробѣжалъ во всю длину коридора. Вдругъ слышу, что за мной бѣжитъ человекъ; спрашиваю: кто тамъ? Но вмѣсто отвѣта

меня хватающѣ за волосы, дерущѣ, бьютѣ немилосердо. Я кричу изо всей силы, обороняюсь; чувствую, что мой непріятель въ одной рубашкѣ; онѣ также кричитѣ страшнымѣ голосомѣ. Вездѣ растворяются двери; сбѣгаются люди одѣтые и не одѣтые; иные съ огнемѣ; коридорѣ освѣтился, и я въ пропивникѣ своемѣ вижу молодого Фридриха, которой отѣ слабости падаетѣ въ обморокѣ. . . . Въ сію минузу является въ шлафрокѣ Господинѣ Блакерѣ, распалкиваетѣ толпу любопытныхѣ, кричитѣ: *злодѣй! ты убиваешь моего сына!* и хочетѣ на меня броситься; но его удерживаютѣ. Я говорю; меня не слушаютѣ. Тутѣ, осматривая извѣясненіе, беру на руки Фридриха, и сказавѣ: „онѣ вѣрно въ горячкѣ!“ несу его въ комнату; и посылаю за Докторомѣ. Открылось въ самомѣ дѣлѣ, что молодой человекѣ уже нѣсколько дней былѣ въ сильномѣ жару. Г. Блакерѣ велѣлѣ мнѣ потчасѣ искать другаго мѣста. Я написалѣ къ нему письмо, въ которомѣ ясно доказывалѣ мою невинность, и черезѣ нѣсколько часовѣ выѣхалѣ изѣ его дому.

Скоро Гамбургѣ сдѣлался мнѣ непріятенѣ, ибо всѣ прежніе мои знакомцы начали обходиться со мною холодно.

Госпожа Блaкeрѣ развелась съ мужемъ. Исторію ихъ разсказывали не согласно, но я во всякомъ смыслѣ игралъ самую гнусную роль. Всѣ ушверждали, что мнѣ хотѣлось поссорить жену съ мужемъ; не соглашались только въ причинахъ. Одни говорили, что я желалъ опмспить экономкѣ за ея нечувствительность къ мсей любви; другіе увѣряли, что я имѣлъ дерзкую надежду женишься на самой Госпожѣ Блaкeрѣ, и прибилъ до полусмерти сына ея, копорый не хотѣлъ пуспустить меня къ матери; однимъ словомъ, всѣ жители Гамбурга считали меня человекомъ злымъ, коварнымъ и дерзкимъ.

Я рѣшился ѣхать въ Англію и по осторожности переимѣнить имя свое. Мнѣ представился благопріятный случай исполнить безъ убытку мое намѣреніе. Австрійскій Графъ ѣхалъ въ Лондонъ съ важнымъ порученіемъ отъ своего Двора и желалъ имѣть Секретаря, знающаго Французской языкъ. Я принялся къ нему подъ именемъ *Дебрюэра* (*), копорое было для меня характернымъ именемъ, означая любовь мою къ обработыванію дикихъ земель; и сѣлъ на корабль, имѣя тысячу ливровъ жалованья, 250 луидо-

(*) *Брюэръ* значитъ *дикий кустарникъ*.

ровъ въ карманѣ и рекомендацельное письмо къ Господину Мерпону, Лондонскому банкиру.

Сердце мое забыло всѣ прежнія нещасія. Я искренно благодарилъ судьбу за погдашнее мое положеніе. Австрійской Графъ Шпеинбокъ былъ доброй человекъ; любилъ спарину, ненавидѣлъ новости, гордился своимъ благородствомъ и всегда однимъ словомъ доказывалъ испину мнѣнній своихъ, говоря: *это ни будетъ, а дворянинъ все дворянинъ!* Онъ сто разъ въ день пввторялъ это любимое слово, куря табакъ, и всякой разъ улыбался. Три или чепыре подобныя фразы соспавляли весь разговоръ его. За сто онъ говорилъ пропяжно, съ остановками, съ видомъ глубокомыслія и Минисперской важности; боялся малѣйшей нескромности, и однажды, разсуждая о Французской Революціи, по долгомъ молчаніи сказалъ: *Государи мои! осмѣлюсь увѣритъ васъ, что все это гѣмъ нибудь конгится; только ради Бога не сказывайте другимъ.*

Мы благополучно прѣхали въ Лондонъ. Графъ, желая провести нѣсколько недѣль въ Батъ, велѣлъ мнѣ напередъ ѣхать шуда и пригошовинъ для него домъ. Я нанялъ верховую лошадь и отправился одинъ; увидѣлъ вокругъ Батъ

ской дороги множество дикихъ кустарниковъ, и по обыкновенію своему погрузил-ся въ глубокую задумчивость, воображая, какъ прудолюбіе могло бы воспользоваться этою землею. Вдругъ скачетъ мимо меня карета. Лошадь моя испугалась и поскакала за нею. Я не могъ удержатъ ее, очутился подлѣ самой кареты, заглянулъ и увидѣлъ въ ней молодую прекрасную дѣвицу съ старою служанкою. Она, смотря на меня приспально, краснѣлась и блѣднѣла: что казалось мнѣ несогласнымъ съ общею скромностію Англійскихъ Дамъ, копорую до небесъ превозносятъ всѣ иносстранцы. Но видя, что блѣдность ея умножается, я вообразилъ, что красавица падаетъ въ обморокъ; закричалъ и велѣлъ постильйону остановишься. Тутъ молодая незнакомка дрожащею рукою предложила мнѣ кошелекъ и часы свои. . . . Хотя ошибка ея могла оскорбить мое честолюбіе, однакожь я засмѣялся отъ добраго сердца и старался увѣришь ее, что не хочу грабитьъ. Она успокоилась, начала извиняшьяся, и сказала мнѣ, что слуга ея занемогъ дорогою; что ей надобно ѣхать еще семь миль до сельскаго дому своей пріятельницы, и что она смертельно боится воровъ. Я вызвался проводить незнакомку,

своропилъ для нее съ большой дороги, ѣхалъ впереди, и увидѣвъ домъ, пожелалъ красавицѣ добраго вечера, не давъ ей времени изъяснить свою благодарность. Англичанка мнѣ очень полюбилась; но я забылъ спросить кшо она?

Графъ Шпейнбокъ пробылъ въ Банѣ около мѣсяца и возвратился въ Лондонъ. Тамъ, въ Кензингтонѣ, встрѣчился я съ молодымъ Эмигрантомъ, Маркизомъ Флорзелемъ, и возобновилъ съ нимъ прежнее свое знакомство. Флорзель былъ уменъ, любезенъ, и бѣдспвенныя времена ни мало не перемѣнили его веселаго характера. Мать его вывезла изъ Франціи много денегъ; и Маркизь, будучи знапной фамиліи, нашелъ при Англійскомъ Дворѣ сильныхъ покровителей. Онъ былъ легкомысленъ, но услужливъ и добродушенъ; ни мало не думалъ о Политикѣ, и сожалѣлъ искренно о всѣхъ своихъ бѣдныхъ землякахъ, не спрашивая, какого они мнѣнія о Революціи.

Я просилъ Флорзеля, чптобы онъ никому не сказывалъ моего истиннаго имени. Маркизь похвалилъ мою оспорожность, говоря, чпто во Франціи ешь одинъ жаркой Республиканецъ моей фамиліи, и чпто меня, подъ именемъ Керкалиса, не приняли бы, можетъ быть, въ Англии.

Лондонъ мнѣ очень нравился, но Графъ Штейнбокъ занималъ меня, часовъ шесть въ день, самую непріятною работою; а именно, я списывалъ и поправлялъ въ слогъ разныя его политическія пѣсы, изъ которыхъ инья печатались безъ имени Автора. Графъ, скупой на слова въ разговорѣ, былъ, къ моему несчастію, самой болтливой Авторъ, любилъ *вставныя* идеи въ періодахъ, и такъ затемнялъ ими смыслъ, что рѣдкой могъ его угадывать. Работавъ мѣсяца два, онъ испончилъ весь свой Геній, и объявилъ мнѣ, что имѣешь нужду въ отдыхѣ.

Я отдохнулъ вмѣстѣ съ Графомъ; пользовался свободою; осматривалъ приличія достойныя вещи въ Лондонѣ; наконецъ вспомнилъ о рекомендательномъ нисѣмѣ своемъ къ банкиру Мерпону, и пришелъ къ нему подъ именемъ *Дебрюера*. Онъ бывалъ во Франціи, и любилъ Французовъ благоразумныхъ. Въ то время, какъ мы разговаривали и пили чай, вдругъ распворилась дверь его кабинета, и Г. Мерпонъ сказалъ мнѣ: *представляю вамъ догу мою*. Я взглянулъ, и съ пріятнымъ изумленіемъ увидѣлъ шу дѣвицу, копорую провожалъ въ окрестностяхъ Бапа. Мисъ Софія также закричала отъ удивленія; и какъ скоро назвала меня услу-

жливѣмъ незнакомцемъ, по отецъ ея, знавшій исторію нашего свиданія, изъ всей силы пожалъ руку мою — что въ Англіи бываетъ всегда знакомъ искренняго уваженія или дружбы. Г. Мерпонъ всего болѣе хвалилъ меня за мою неучтивость: за то, что я не хотѣлъ проводить его дочери до самаго дому, не спросилъ объ имени ея и не сказалъ своего. Такимъ образомъ еще въ первой разѣ неловкость и разсѣянность моя обратились мнѣ въ достоинство. Онъ судилъ по тому о моемъ искреннемъ просподушій; заключалъ, что меня можно безъ опасности принимать въ домѣ, и требовалъ моихъ посѣщеній.

Софія была осмнадцати лѣтъ, не совершенная красавица, но очень мила и пріятна; говорила хорошо по-Французски, и любила читать книги. Я пользовался ласковымъ приглашеніемъ Мерпона, и часто ходилъ къ нему; отецъ жалъ мнѣ руку, а дочь обходилась со мною привѣжливо. Я искренно полюбилъ добродушнаго Англичанина, и мнѣ болѣе, что онъ также былъ охотникъ до земледѣлія. Однажды, говоря о своихъ путешествіяхъ, Мерпонъ упомянулъ о дядѣ моемъ, который оказалъ ему важныя услуги. У меня вдругъ показались слезы въ глазахъ;

онъ замѣшилъ ихъ, и хотѣлъ знать причину. Я не долго колебался, и сказалъ ему истину. „Какъ! ты племянникъ моего друга? — ты называешься его именемъ?“ . . . Мершонъ ошановился, и пожалъ мою руку; вспалъ, сдѣлалъ шаговъ пять, оборотился, и сказавъ: *я докажу тебѣ, что Англичане благодарны!* такъ сильно сжалъ мнѣ руку, что золотое кольцо его почти врѣзалось въ мой палецъ; однакожь я не закричалъ, и былъ пронунъ въ душѣ своей такою сердечною ласкою.

Флорзель, слыша отъ меня описаніе этой сцены, и смотря на мой синій палецъ, сказалъ: „Англичанинъ даромъ не ломаетъ пальцевъ. Будь увѣренъ, мой любезной другъ, что Мершонъ хочетъ опданъ за тебя дочь свою. Это синее пятно спойтъ контракта.“

Не смотря на его увѣреніе и на шайное свое предчувствіе, я боялся питать въ себѣ такую лестную надежду; но скоро узналъ свое щастіе. Г. Мершонъ сказалъ мнѣ ясно, что хочетъ быть опцомъ моимъ, естли дочь его согласится; что онъ уже говорилъ ей о томъ; что сердце ея свободно; что она почиаетъ меня, и никакъ не отвергаетъ его предложенія, но пребуетъ времени на размышленіе. Я чрезмѣрно обрадовался, имѣя надежду

быть супругомъ прекрасной дѣвицы и дочери любезнѣйшаго для меня человѣка въ свѣтѣ; но признаюсь, что крайне боялся показаться ей на глаза, воображая, что она будетъ меня со всѣхъ сторонъ разсматривать. Въ самомъ дѣлѣ Софія, начавъ обходиться со мною ласковѣе прежняго, удвоила свое вниманіе ко всѣмъ моимъ словамъ и поступкамъ. Я сдѣлался робокъ въ самыхъ бездѣлицахъ; боялся войти въ комнату, не такъ ступить, не такъ поклониться; боялся имѣть видъ холодноспи и равнодушія. Чувствуя нужду въ совѣтникѣ, я вздумалъ прибѣгнутьъ къ Флорзелю, знавшему свѣтъ, и ввести его въ домъ къ будущему моему тещю.

Въ сіе время пріѣхалъ въ Лондонъ дядя моей невѣсты, Докторъ, котораго отецъ и дочь считали великимъ умникомъ. Мерстонъ представилъ меня ему какъ своего роднаго. Сей Докторъ былъ провинціяльнымъ весельчакомъ и забавникомъ, по естѣ, по моему мнѣнію, самымъ несноснымъ человѣкомъ; хохоталъ при каждомъ словѣ; говоря *здравствуй*, начиналъ уже смѣяться, и что далѣе, по сильнѣе, хотя никто не могъ свѣдать причины такого веселья. Онъ говорилъ только шулками, насмѣшками, но гораздо

болѣе упруждалъ грудь, нежели умъ свой. Я съ опвращеніемъ смотрѣлъ на него, едва могъ не сказать ему грубости, и слушалъ всѣ шушки его съ холоднымъ видомъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того надлежало Флорзелю обѣдать у Г. Мертона. — Докторъ, желая плѣнить молодого, любезнаго Француза, былъ еще не-сносите прежняго; но Флорзель, ни мало не дивясь его глупости, показывалъ, напрошивъ того, что удивляется его разуму, и смѣялся съ такимъ видомъ искренности, что я, имѣя къ нему болѣе довѣренности, нежели къ себѣ, началъ сомнѣваться въ справедливости моего заключенія о Докторѣ. Вышедши отъ Господина Мертона, я съ великимъ любопытствомъ спросилъ у моего пріятели, каковъ показался ему Докторъ? — „Спашной глупецъ!“ отвѣчалъ онъ. — Какъ же ты могъ слушать его съ довольнымъ и веселымъ видомъ; могъ такъ хорошо припворяться? — „Я ни мало не припворялся, и всегда отъ добраго сердца смѣюсь глупостямъ, такъ, какъ Демокристъ смѣялся порокамъ; это гораздо здоровѣе, нежели огорчаться. Надменные дураки лучшая моя забава. Не только не пугаю ихъ грубымъ видомъ, но всячески сбодряю.

ласкаю, хвалю; они превозносятся меня до небесъ — а славнѣйшее дѣло ума есть то, чтобы пльнѣть и самыхъ глупцовъ.“

Флорзель безъ сомнѣнїя имѣлъ это дарованїе. Докторъ говорилъ съ немъ съ восторгомъ, и сто разъ въ день твердилъ, что наконецъ удалось ему найши умнаго Француза.

Между тѣмъ прошелъ цѣлой мѣсяцъ, а я все еще не зналъ, начинаешъ ли любить меня Софїя; примѣчалъ только, что, обходясь со мною все такъ же ласково, она уже менѣе занималась мною, и казалась весьма задумчивою. Я разсудилъ, что Софїя, узнавъ меня совершенно, не считаешъ за нужное имѣть прежняго вниманїя къ моимъ словамъ и поступкамъ; а задумчива отъ того, что рѣшилась быть навсегда моею, и по нѣжной спыдливости не можетъ безъ нѣкотораго покояства вообразить такой переменъ въ состоянїи. Робость ея въ обхожденїи со мною еще болѣе утверждала меня въ семъ мнѣнїи: Софїя боялась наконецъ взглянуть на меня, боялась сказать мнѣ слово. Я не хотѣлъ оскорблять ея спыдливости, не хотѣлъ оспаваться съ нею наединѣ, и даже не подходилъ къ ней. За то она съ великою чувствительностїю изъясляла мнѣ благодарность свою, и при

всякомъ случаѣ хвалила мою нѣжность. Я надѣялся, что эта нѣжность довершила мою побѣду. Флорзель часто бывалъ у Господина Мертона, и шѣмъ болѣе нравился мнѣ, что не принималъ за то моей благодарности. Онъ не хотѣлъ уже быть моимъ совѣтникомъ, говоря, что сердце его въ великомъ волненіи, и что ему самому нужны совѣты. Я зналъ связь его съ одною женщиною; думалъ, что она причиною его тайной грусти, и не хотѣлъ по скромности изъяслять ему любопытства.

Г. Мерстонъ вмѣстѣ со мною былъ увѣренъ въ согласіи дочери; думалъ оставить торговлю, возвратиться въ Ирландію, свое отечество, и тамъ навсегда поселиться. Мы положили, чтобы я прежде сего времени не объявлялъ истиннаго своего имени.

Мнѣ пріятно воспоминаеть сію эпоху, щастливѣйшую въ моей жизни. Не знаю; былъ ли я влюбленъ въ Софію; но вѣрно то, что находилъ ее милою; любилъ Господина Мертона какъ отца, и чувствовалъ все выгоды союза, которому надлежало утвердить щастіе и спокойствіе моей жизни. Г. Мерстонъ назначилъ и день, 4 Марта; оставалось ждать не болѣе недѣли. Графъ Шпеинбокъ взду-

малѣ тогда оиашь сочиняшь, и продержалѣ меня однажды въ своемѣ кабинетѣ до вечера. Я не могѣ уже обѣдать у Господина Мерпона, и пошелѣ въ паверну. Тамѣ одинѣ человекѣ глядѣлѣ на меня съ великимѣ вниманіемѣ; вспунилѣ со мною въ разговорѣ, и хопѣлѣ знашь мое имя. Услышавѣ, что я Французской Эмигрантѣ и называюсь Дебрюеромѣ, онѣ вскочилѣ и въ шу же минушу вышелѣ. Я удивилѣся и задумалѣся о пакой спранности; наконецѣ, заплашивѣ за обѣдѣ, пошелѣ. Вдругѣ на улицѣ окружають меня *Констабли* (*), и въ силу законнаго повелѣнія ведутѣ въ Кингс-Бенчѣ, не сказывая, за что. Такимѣ образомѣ я очутилѣся въ шюрмѣ, не имѣя никакой идеи о моемѣ преспуленіи.

Кингс-Бенчѣ естѣ обширная шемница, которую Архенгольцѣ описываетѣ веселю, но копорая въ самомѣ дѣлѣ-гадка и печальна. Меня привели шуда ночью: я не видалѣ никого, кромѣ надзирашелей, не знавшихѣ ни слова по-Французски, и не могѣ ничего свѣдать о дѣлѣ своемѣ. На другой день, вышедши изѣ комнашы на площадь (**), уви-

(*) Полицейскіе служители.

(**) Кингс-Бенчѣ состоитѣ изѣ множества домиковѣ, построенныхѣ вокругѣ площади.

дѣль я Француза Эмигранта, разумѣвшаго Англійской языкъ, и просилъ его развѣдать о моей винѣ. Сѣ охотою, опевѣчалъ онъ, *естъли вы Королевской стороны.* Я задумался, а онъ сѣ видомъ презрѣнїя оборотился ко мнѣ спиною. Другой заключенный вслушался въ мою прозбу, пошелъ къ главному надзирапелю, и принесъ мнѣ въ опвѣпъ, что меня взяли подѣ спражу за три пасквиля, за оскорбленіе дѣвической невинности и за кражу разныхъ вещей. Нѣкоторые изъ заключенныхъ пожимали плечами, другіе смѣялись. Эмигрантъ началъ шумить надѣ *прекрасною моралью* Папріюшовъ, споль грубо, что я, прошивъ своего обыкновенїя, разсердился, и предложилъ ему драться со мною по-Брепански, по еспъ, *голова обѣ голову.* Онъ опвѣчалъ мнѣ, что такъ дерутся одни бараны и козлы. Я еще болѣе разсердился; опскочилъ назадъ, и закричавъ, чтообы онъ взялъ свои мѣры для обороны, бросился на него изо всей силы; ударилъ его головою въ брюхо, и сшибъ на землю. Всѣ зрители захопали и закричали *браво!* Эмигрантъ вспалъ внѣ себя опъ ярости, и требовалъ шпаги, сабли, пистолетовъ. Я въ другой разъ опскочилъ назадъ, и хотѣлъ опянь испытать на немъ швердоспъ головы моей;

но насъ розняли. Бретонская храбрость моя плѣнила душу всѣхъ Англичанъ; хотѣли знать имя мое, и услышавъ его, закричали: *Дебрюеръ! . . какъ! это Дебрюеръ!* Тѣ, которые были въ своихъ комнашахъ и въ практирѣ (*), выбѣжали на крикъ, повторяя съ великимъ любопытствомъ: *Дебрюеръ! . . это Дебрюеръ! . . .* Между нѣкоторыми утверждали, что я совсѣмъ не Дебрюеръ, и начали спорить другъ съ другомъ. Что касается до меня, то, удивленный моею извѣстностію въ *Кингс-Бенчъ*, я по скромности хотѣлъ скрыться отъ славы; прорвался сквозь толпу, и ушелъ въ свою комнашу.

Разумѣя нѣсколько словъ по-Англійски, я спросилъ бумаги и чернилъ; написалъ длинное письмо къ Графу Шпейнбоку; уведомилъ его о моемъ несчастномъ приключеніи; говорилъ, что онъ лучше другихъ знаетъ, могу ли сочинять пасквили; и что одно слово его, опровергнувъ гнусную, совсѣмъ невѣроятную клевету, возвратитъ мнѣ свободу. Черезъ нѣсколько часовъ явился его камердинеръ съ отвѣтомъ: „Графъ приказалъ вамъ сказать — *первое*, что онъ не

(*) Въ Кингс-Бенчской шюрмѣ есть практирѣ.

„намѣренъ мѣшаться въ ваше дѣло; второе, чтобы вы никакъ не смѣли на него ссылашьяся; а третье, чтобы въ случаѣ освобожденія нога ваша не была у него въ домѣ. Его Сіятельство прислалъ вамъ пять гиней; а чемоданъ вашъ отданъ надзирашелю.“ — Когда такъ, сказалъ я камердинеру, то дарю тебя, любезной Флоранъ, этими гинеями, и прошу объявить Графу, что я за всѣ мои услуги пребожалъ оиъ него одной справедливости; но теперь знаю, что робкой человекъ не можетъ быть справедливымъ.

Тутъ я рѣшился писать къ Флорзелю, и взялся за перо; но услышалъ стукъ у дверей, и всмалъ . . . Ко мнѣ пришелъ тотъ Англичанинъ, которой справлялся о моемъ дѣлѣ у надзирашелей. Видъ его былъ крайне не привлекателенъ, и посѣщеніе такого человека не могло сдѣлать мнѣ удовольствія. *Добрыя вѣсти, добрыя вѣсти!* сказалъ онъ. Такое начало меня обрадовало; я съ великою учтивостью подаль спулъ Джаку (такъ назывался эиошъ заключенный), который сѣлъ съ удовольствіемъ, потому что былъ пьянъ и шатался. — Скажите же, что такое? спросилъ я. — „Большее счастье,“ отвѣчалъ онъ: „мнѣ сказали за шайну, что тебя не повѣсятъ, а безъ

суда отпраиваю въ ссылку, въ Ботани-Бей.“ — До сей минушы я чувствовалъ одно изумленіе, досаду, неперпѣніе, безъ всякаго безпокойства; но ужасное имя Ботани - Бей — дружеская бесѣда въ шюр-иѣ, при наступленіи ночи, съ такимъ человѣкомъ, которой, по всеѣмъ вѣроятностямъ, грабилъ людей на большихъ дорогахъ — часъ, мѣсто, уединеніе, привели душу мою въ спрашное волненіе; все сердце во мнѣ замерло. *Джакъ* примѣтилъ блѣдность мою, и вздумалъ красно-рѣчиво доказывать мнѣ, что людямъ моего ремесла не лѣзя ждаты лучшаго; что въ *Ботани - Бей* меня женятъ, на какой нибудь воровкѣ и злодѣйкѣ, съ которою буду жить весело; что всякая ссылка пріятнѣе висѣлицы. Я былъ въ такомъ ужасѣ, что не могъ выгнать своего утѣшителя; не могъ перервать его философскихъ разсужденій; думаю, что лучше хотѣлъ быть съ нимъ, нежели опасаться одинъ Но вдругъ слышу голосъ; ободряюсь, оживаю, вспаю

Ахъ! въ минушу опчаянія всего сладостнѣе, всего плѣнительнѣе голосъ друга! Входитъ *Флорзель*. Бросаюсь на встрѣчу къ нему . . . онъ обнимаетъ меня; говоритъ: *ты свободенъ!* и выводитъ изъ ирачной комнашы. Я не могъ опивѣчать:

дрожалъ, плакалъ . . . Но сердце мое наслаждалось живѣйшимъ удовольствіемъ.

Мы выходимъ изъ темницы, садимся въ карету; я забылъ свой чемоданъ, и только у дверей Графскаго дому вспомнилъ, что Шпеинбокъ не велѣлъ мнѣ къ себѣ являться. Флорзель повезъ меня къ матери своей, и дорогою изъяснилъ, отъ чего имя мое произвело такое удивительное дѣйствіе въ *Кингс-Бенѣ*; рассказалъ, что одинъ Эмигрантъ, Якобинецъ, выгнанный изъ Франціи за свои безчестныя дѣла, назывался Дебрюеромъ; что онъ подъ именемъ Швейцара жилъ въ Лондонѣ, познакомился съ тамошними негодяями (которыхъ въ столицѣ Англій болѣе, нежели гдѣ нибудь); обманывалъ людей, кралъ, писалъ скверныя пасквили и печаталъ ихъ въ самой пошлой типографіи, въ копорую, по обыкновенному моему несчастію, надлежало мнѣ носить глубокомысленныя сочиненія Графа Шпеинбока. Онъ скрылся, а меня по имени вмѣсто его взяли подъ спражу. Флорзель и Господинъ Мерпонъ, свѣдавъ о моемъ приключеніи, спѣшили оправдать невиннаго; объявили истинное мое имя Миниспру, и описали ему меня самымъ добрымъ человѣкомъ. Маркизь, рассказывая все подробности, говорилъ съ жаромъ

о нѣжной ко мнѣ дружбѣ Мерптона, но не сказалъ почти ни слова о Софїи.

На другой день Господинъ Мерптонъ представилъ меня Лорду Г*, Министру, подъ именемъ Барона Керкалуса, будущаго зятя своего. Лордъ, принявъ меня очень ласково, смѣялся отъ добраго сердца моему спранныму приключенію. Вдругъ распворяется дверь, и входитъ Графъ Шпеинбокъ, которой, воображавъ бѣднаго своего Секретаря въ тюрьмѣ и въ цѣпяхъ, видитъ его сидящаго на диванѣ съ Министромъ. Лордъ примѣшилъ его удивленіе, и спросилъ, знаетъ ли онъ *Господина Барона Керкалуса*? Изумленіе Графа еще увеличилось. Онъ не могъ сказать ни слова, и глядѣлъ на меня почти съ ужасомъ. Тутъ я сказалъ Министру, что Графъ удостоивалъ меня своей милости подъ несчастнымъ именемъ Дебрюера. Лордъ Г* началъ хвалить мое поведеніе, и примолвилъ, что скоро буду Мерптоновымъ зятемъ. Графъ блѣднѣлъ, краснѣлся; хотѣлъ говорить, и мѣшался на каждомъ словѣ. Мнѣ всегда казалось, что въ благополучїи надобно быть крошккимъ и снисходительнымъ, и что добрыя, нѣжныя души всего болѣе въ такомъ случаѣ обнаруживаются. Я старался вывести Графа изъ замѣшательства; изъясняя ему благодарности

за то, что онъ привезъ меня въ Англiю; хвалился его милоспивымъ обхожденiемъ, и никакимъ двусмысленнымъ словомъ не изъявилъ своего негодованiя за его дурной поступокъ. Сей бѣдной человекъ, прону-пый моимъ добродушиемъ, бросился обни-мать меня со слезами... Ахъ! не жалки ли шѣ люди, которые лучше хопяшъ при-спыдитъ человекъ, нежели усоуѣспитъ и пронупъ его!

Я вышелъ изъ кабинета Лорда Г*, будучи весьма доволенъ собою, и Господинъ Мерпонъ, сходя съ крыльца, нѣ-сколько разъ пожалъ мою руку и назвалъ меня *добрымъ человекомъ*. — Въ добродѣте-ли есть какая-то прiятность, которая часъ отъ часу болѣе привязываетъ къ ней человекъ; слѣдспвенно она не такъ трудна, какъ говоряшъ многiе: ибо на-слаждается самими своими жертвами.

Софiя приняла меня ласково, но была еще грустнѣе и задумчивѣе прежняго. Флорзель въ шопъ день не показывался. У Господина Мерпона обѣдали госпи. Вспавъ изъ-за спола, онъ сѣлъ играть въ Виспъ, а дочь разливала чай, и подо-звала меня къ себѣ, чпобы я взялъ чаш-ку для опца ея. На глазахъ у нее были слезы: я спросилъ шихонько о причинѣ. „Приходите въ девяшъ часовъ (сказала она),

и вы узнаете.“ Я посидѣлъ съ часъ, ушелъ и явился въ девять. Мнѣ сказали, что Господина Мертона не было дома, но что Софія ожидаетъ меня въ гостиной комнатѣ. Она сидѣла одна, въ глубокой меланхоліи, и держала въ рукѣ скляночку съ солью. Надобно знать, что Англичанки прибѣгаютъ къ соли во всѣхъ случаяхъ, которые могутъ распродать ихъ чувствительность, и въ которыхъ Француженки употребляютъ померанцевый спиртъ или Гофмановы капли.

Софія указала мнѣ стулъ. Я сѣлъ, не говоря ни слова. Минуть десять она вздыхала и нюхала соль. Хотя здоровый и румяный цвѣтъ лица ея не спрашалъ меня обморокомъ, однакожь сердце мое было въ великомъ безпокойствѣ. Наконецъ Софія, преодолевъ себя, начала говорить, и послѣ длиннаго вступленія объявила со слезами, что сердце ея — занято; что она долго сражалась съ любовью, никому не повѣряла тайны своей, и хотя, кно ей милъ, также никогда не говорилъ о любви Тутъ Софія остановилась; но видя мое безволіе, понюхала соли, утерла слезы, приложила руку ко лбу и помнымъ голосомъ наименовала Флорзеля. Я затрепеталъ: онъ былъ моимъ щасливымъ совмѣстникомъ! . . . „Признаюсь,

Софія ! (сказалъ я черезъ минуту) признаюсь , что мнѣ это очень больно ; но когда вы уже любите друга , по для меня упѣшительнѣе пожертвованъ счастьемъ моимъ Флорзелю ! “

Софія безъ сомнѣнія не ожидала такой снисходительности ; радость блеснула въ глазахъ ея . . . „ Ахъ ! я не перемѣнилась къ вамъ (сказала она) , и люблю васъ съ нѣжностію какъ моего почтеннаго друга ; но Флорзеля люблю спраспно . Я должна была открытъ вамъ мое сердце ; однакожь не разрываю обязательства , на которомъ опецъ мой основывается все счастье жизни своей , и готова быть вашею супругою . Такая искренность служить доказательствомъ моей честности ; не буду счастлива , но исполню должность свою , и никогда не увижу Флорзеля “ . . . Нѣтъ , нѣтъ , Софія ! сказалъ я : ваше счастье всего важнѣе ; вы должны быть Флорзелевою супругою , и я беру на себя уговорить Господина Мерпона . . . „ О великодушной человекѣ ! “ воскликнула Софія , заливаясь слезами , и схвативъ меня за руку . Въ сію минуту она казалась Ангеломъ , и проташельнымъ видомъ своимъ привела меня въ восторгъ ; ея слезы смѣшались съ моими . — Будьте покойны , сказалъ я : счи-

довѣренность, отвѣчалъ я, будетъ оправдана моимъ усердіемъ; вы возвысили цѣну его, и теперь увидите, могу ли любить безкорыстно. — Г. Мершонъ вошелъ, и Софія едва успѣла скрыться.

Я въ ту же минуту открылъ ему все, кромѣ послѣдняго, столь любезнаго увѣренія дочери его, зная, что онъ не согласился бы отдать ее за Флорзеля, если бы свѣдалъ ея расположеніе ко мнѣ. Не смотря на мою скромность, Г. Мершонъ сто разъ повторилъ, что Софія дала ему слово; что онъ не согласился удовлетворить минутому заблужденію; что одинъ я могу быть ему зятемъ по сердцу, и что Флорзель, ставъ моимъ совѣтникомъ, заслуживаетъ презрѣніе. Я оправдывалъ его со всею возможною ревностію и жаромъ, увѣряя, по словамъ Софіи, что онъ никакъ не думалъ нравиться, и говоря, что ни Флорзель, ни Софія не виноваты, но что я по справедливости долженъ быть наказанъ за мое неблагоразуміе, познакомивъ съ самымъ любезнѣйшимъ человекомъ въ свѣтѣ молодую дѣвицу, которая умѣетъ живо чувствовати достоинство и пріятности разума.

Г. Мершонъ, облокотясь на каминъ, слушалъ меня съ великимъ вниманіемъ и

сѣ прегашельнымъ видомъ. Думая, что краснорѣчіе мое побѣдило его твердость, я требовалъ отвѣта. „Хорошо,“ сказалъ онъ: „ты, ты будешь моимъ зятемъ!“ .. Нѣтъ, нѣтъ! отвѣчалъ я съ жаромъ: никогда не буду имъ. Безъ эпова названія стану любить, почищать васъ какъ отца, до послѣдней минуты жизни моей; но клянусь честію и дружбою, что никогда не женюсь на Софіи! . . . Тутъ снова, взявъ его за руку, я началъ описывать достоинства Флорзеля, нѣжную спрасъ Софіи, ея любовь къ родителю, и видя слезы на глазахъ его, позвонилъ въ колокольчикъ. Чего ты хочешь? спросилъ онъ. вмѣсто отвѣта я оборотился къ вошедшему слугѣ и сказалъ ему, что Г. Мершонъ спрашиваетъ Софію. „Ахъ, другъ мой!“ воскликнулъ добродушный Англичанинъ: „ты разрушаешь всѣ планы моего благополучія!“ . . . Онъ упалъ на кресла, закрывъ руками лице свое. Софія вошла, блѣдная и дрожащая. Подите, сказалъ я, подите благодарить нѣжнѣйшаго родителя. — Она зарыдала и бросилась къ ногамъ его . . . „Софія!“ сказалъ Г. Мершонъ, обнявъ ее: „я не могу пропитьслезамъ твоимъ. Дай Богъ, чтобы ты была щаслива, и никогда, никогда не раскаялась, отвергнувъ велико-

душнаго человѣка, избраннаго моею любовью для твоего благоденствія!“ . . . Милой родитель! воскликнула Софія: я жерпвую имъ съ горестію! Ахъ! для чего онъ не братъ мой! . . . Упѣшьпесь, сказалъ я: всегда, до гроба сохраню къ вамъ любовь нѣжнѣйшаго брата. — Тутъ любезная Софія обняла меня обѣими руками и поцѣловала, обливъ слезами лице мое. . . Я прижалъ ее къ свсему сердцу, съ самымъ живѣйшимъ чувствомъ въ жизни моей; подвелъ ее къ отцу, и выбѣжалъ изъ комнаты. . . Миѣ послышалось, что Софія кличетъ меня: сердце мое затрепсало; но я не оспановился — вышелъ изъ дому, сѣлъ въ карету и велѣлъ везти себя домой, по еспь, къ Флорзелю. Душа моя была въ непоняпномъ для меня волненіи: Софійнѣ огненный поцѣлуй сдѣлалъ ю миѣ удивительную перемѣну. Она звала меня: за чѣмъ? Я жалѣлъ, что не воропился; какое-то мучительное безпокойство овладѣло мною. . . Карета оспановилась у Флорзелева дому. Ночный сторожъ кричалъ на улицѣ, что пробило одиннадцать часовъ. . . Флорзель вспрѣпидъ меня на крыльцѣ, и воропился назадъ, желая поговорить со мною. Сердце мое сжималось; я насилу дышалъ, и не могъ отвѣчать ему. Вошедши въ мою

комнату, онъ взглянулъ на меня и съ удивленіемъ сказалъ: „Боже мой! что сдѣлалось съ тобою?“ . . . Дружескій видъ и голосъ его пронули меня. Я вооружился всѣмъ разсудкомъ своимъ, и спаряясь казаться веселымъ, увѣдомилъ Маркиза о его щастіи. Удивленіе, радость, признательность его были чрезмѣрны; но я оставилъ всю свою чувствительность у Г. Мертона, и сердце мое окаменѣло. Мнѣ хотѣлось только быть одному; и для того совѣщивалъ Маркизу идти въ ту же минуту къ матери съ радостною вѣстію. Онъ ушелъ. Я все сказалъ Флорзелю, рѣшилъ судьбу Софіи, и съ удивленіемъ чувствовалъ въ себѣ нѣкоторый родъ ужаса. Спо разъ твердилъ въ мысляхъ съ горестію: „Ты лишился Софіи на вѣки! . . . а Софія звала тебя! . . . Боже мой! еспьли она, пронупая моимъ поступкомъ, по движенію собственнаго сердца хотѣла уже быть моею!“ . . . Эта мысль еще въ первый разъ представилась ясно моему воображенію, и перзала мою душу. . . . Я ходилъ скорыми шагами по горницѣ, когда мнѣ принесли записку — отъ Софіи! Рука моя дрожала . . . Пусть чипапель судишь о моихъ чувствахъ, узнавъ содержаніе письма! Вотъ оно:

„Я звала васъ, когда вы оставили
 „меня: для чего сердце мое не было вамъ
 „открыто? . . . О другъ любезный и
 „великодушный! *если вы еще не об-*
 „*явили* (какъ я надѣюсь), *то не говорите*
 „*ни слова*; и завтра поутру, въ девять
 „часовъ, приходите ко мнѣ.“

Изъ глазъ моихъ покапались слезы . . . Я отвѣчалъ слѣдующее:

„Теперь уже поздно . . . я хотѣлъ
 „угодить вамъ, и все сказалъ. . . . Флор-
 „зель васъ обожаешь: онъ въ восхищеніи. . . .
 „Будьте счастливы! и я найду утѣшеніе!“

(*Окончаніе впродъ.*)

II.

Бюффонъ и Руссо.

Два человека въ осьмомъ - надесять вѣкъ заслужили пальму краснорѣчія: если не въ талантахъ, то по крайней мѣрѣ въ способахъ ихъ писанія видимъ великое различіе.

Одинъ удивилъ насъ великолѣпнымъ *образомъ* (images), смѣлостію оборотовъ, блескомъ выраженія, пышностію слога, выборомъ словъ, богатствомъ краснорѣчія и гармоническими періодами. Онъ не скры-

валъ великаго труда своего, и признаваясь въ томъ искренно, не боялся совѣстниковъ; не боялся, чтобы ктонибудь дерзнулъ чрезъ такое же шerpѣнїе спорить съ нимъ въ искусствѣ.

Другой съ меньшимъ трудомъ произвелъ такое же великое дѣйствіе. Прелесть его слога скрывала отъ насъ время, шerpѣнїе и поправки, нужныя для сего *всгдѣшняго совершенства*, чистоты, легкости въ движеніяхъ, свободы, которая въ самомъ небреженіи находилъ новую прїятность; особливо для сей простоты, которая, плѣняя сердце читателя, располагаетъ его къ живому чувству красоты и къ извиненію недостатковъ сочиненія.

Бюффонъ поразилъ судей своихъ, Руссо прельстилъ ихъ. Первому удивляющагося, вѣпораго любящаго.

Оба писали о любви: изображая ея сладость и муку съ жаромъ и прогашельною испиною, Руссо воспламялъ сердца чувствительныхъ; Бюффонъ оскорбилъ ихъ, утверждая, что *одна физическая любовь хороша, и что моральная есть зло*.

Слава Писателя даетъ такую важность словамъ его, что мы должны искать опроверженій и даже извиненія сей

мысли, которая въ другомъ Авторѣ оспалась бы безъ всякаго уваженія и опвѣща.

Заблужденіе Бюффоново произошло отъ роду его упражненій. Его всегдашнія размышленія о феноменахъ Натуры не дозволяли ему размышлять о слѣдствіяхъ обществу; еспьли бы онъ подумалъ объ нихъ; по увидѣлъ бы, что моральныя наслажденія, окружающія взаимную склонность двухъ половъ, производятъ совершенное счастье людей, соединяя въ нихъ пламя чувствъ съ нѣжнѣйшею кротостію души.

Истина, утверждаемая всегдашнимъ опытомъ, когда гражданскія установленія согласны съ Натурою, и развратъ не истребилъ невинности сердечной!

Успѣхи гражданственности (civilisation) дали понятіе о совершенствѣ нравственномъ и физическомъ. Какъ скоро узнали его, такъ скоро начали выбирать; сей выборъ сдѣлалъ достоинство необходимымъ. Умъ, таланны, добродѣтели и всѣ свойства, нужныя для предпочтенія, стали драгоценны любовнику, которому надлежало побѣждать прудности и совѣспниковъ.

Пріятности украсила наружность и поступки, а нѣжность оцвѣтила исканіе;

звукъ голоса сшалъ прогательнѣе, и безмолвіе сдѣлалось языкомъ.

Дерзкой мущина, не смѣя пользоваться силою, спарался нравиться *кроткой* женщинѣ: повиновеніе обратилось въ должность *сильному*, и господство перешло къ *слабой*. Требованіе соединилось съ уваженіемъ, спрошивленіе съ кропоспїю; и когда послѣ всѣхъ опытовъ, бывшихъ первыми удовольствїями, души любовниковъ сліялись въ восторгъ: тогда онѣ узнали совершенное щасїе, поспоянное и вѣчное, какъ скоро любовники для его храненїя употребляютъ пошъ же способъ, которымъ нашли его.

Правда, что союзъ сердець произвелъ нѣкошорыя горести: родяшся *безлокойства безъ лригины*, упреки безъ основанїя, излишняя взыскашельность, упрямыство и вспылчивость; но раскаяніе такъ сладостно, прощенїе такъ мило, спаранїе загладитъ вину такъ искренно и нѣжно, что любовникъ, обманушый воображенїемъ или охлажденный временемъ, въ непостоянствѣ своемъ или въ помноспи жалѣетъ о мукахъ, кошорыя онѣ перпѣлъ, — о слезахъ, кошорыя проливалъ въ горести!

Моральная любовь такъ нѣжна и мила, что всякой *Авторъ* съ дарованїемъ

прогаеть сердце наше ея картиною: представь ее живо, и мы, опирая слезы, не замѣшимъ другихъ невѣроятностей! Она произвела успѣхъ *Новой Элоизы*, успѣхъ столь чрезвычайный, что Автора обожали. Не чудно: ибо никто прежде его не описывалъ такъ сильно, нѣжно и разительно милыхъ впечатлѣній сердца, напоминающихъ всякому, кто любилъ, блаженнѣйшіе дни его жизни!

(Изъ Spectateur du Nord.)

III.

Письмо о Консулѣ Бонапарте.

Всякой портретъ и бюстъ сего рѣдкаго человѣка должны быть похожи; но никаксе изображеніе не представитъ его совершенно. Можно ли кистію или рѣзцомъ изобразить огонь глазъ и какую-то неизъяснимую любезность рша его? Въ пріемѣ и въ обхожденіи онъ чрезвычайно холоденъ и даже застѣнчивъ; на всякаго человѣка, ему представляемаго, усуремляетъ быстрый взоръ — пощупляетъ глаза въ землю, и рѣдко взглядываетъ въ другой разъ; слушаетъ съ великимъ вниманіемъ, и всего болѣе удивляетъ тѣмъ

Французовъ; отвѣчаетъ коротко и нерѣшительно, такъ что изъ словъ его нельзя ничего заключить объ успѣхѣ дѣла. Въ Мальмезонѣ были у него недавно нѣкоторые Епископы, съ которыми онъ въ ясное время гулялъ тамъ по узенькимъ Англійскимъ дорожкамъ. Бонапарте живетъ въ загородномъ домѣ своемъ тихо и спокойно. Прежде Революціи сей домъ принадлежалъ Господѣ Девьѣ, и никто не могъ бы тогда вообразить нынѣшней славы его. Великолѣпный Рюель (*), построенный Кардиналомъ Ришелье, окружаетъ его со всѣхъ сторонъ; онъ купленъ Массеною, который ни за деньги, ни за добрыя слова не хотѣлъ уступить Консулу сажень сто земли своей, чтобы проложить путь удобнѣйшую дорогу въ Мальмезонъ. Массена, Ожеро и Бернадошъ не скрываютъ своего неудовольствія, и дали другъ другу слово не принимать никакого Посольскаго мѣста. Не имѣя сношенія съ ними, живетъ уединенно тихій Моро, живетъ только для себя и милой супруги своей. Онъ ѣздитъ къ Консулу безъ всякой церемоніи, и часто говоритъ съ нимъ на единѣ. Спокойный характеръ его есть счастье для Франціи. Господа

(*) Также сельской домъ.

Бонапарте имѣеть дружескую связь съ нѣкоторыми знашными фамиліями прежней Монархіи, но въ домѣ своемъ не шерпитъ никакой пышности, соблюдая во всемъ любезную простоту; супругъ ея желаетъ того. Не вѣрете иностранцамъ, которые описываютъ подробности семейственной жизни Консула; изъ самыхъ Французовъ весьма не многіе знаютъ ихъ.

IV.

Рѣчь Фокса на смерть Герцога Бедфорда, произнесенная имъ въ Парламентѣ ().*

(NB. Онъ три раза начиналъ говорить, и не могъ, отъ слезъ и рыданія. Всѣ Члены Парламента и зрители смотрѣли на него съ умиленіемъ.)

Естьли бы я лишился только друга, то не здѣсь бы изъявилъ мою горестъ; но шотъ, кого оплакиваю, имѣлъ такія рѣдкія достоинства и былъ столько уважа-

(*) Здѣсь славнѣйшій Орасторъ Англїи плашитъ горестную дань дружбы добродѣтельному человѣку: въ сихъ двухъ отношенїяхъ рѣчь Фоксова показала мнѣ интересною.

емъ всѣми, что я оскорбилъ бы его память и не исполнилъ бы вашего ожиданія, если бы не удался отъ правилъ обыкновенныхъ. Никогда общее сожалѣнiе не бывало живѣе и прогашельнѣе! Сердечная горестъ видна во всѣхъ состоянiяхъ общесства; всякой потерялъ отца. Увѣренный, что смерть Герцога Бедфорда есть народное бѣдствiе, могу надѣяться на ваше снисхожденiе. . . . (*Члены Парламента извѣляютъ знаки чувствительности*) . . . Не хочу описывать жизни и характера его; добродѣтели сего гражданина столь извѣстны, что не нужно напоминать ихъ. Скажу только, что онъ оставилъ мiръ въ такiя лѣта, въ которыя человекъ можетъ еще наслаждаться всѣми прiятностями жизни; но, зрѣлый опытами, знаетъ уже и всѣ ея обязанности. Обыкновенные законы природы обѣщали ему долговременное бытiе; а мы надѣялись еще долго пользоваться его благодѣянiями, великодушiемъ и мудростiю. Если бы мы лишились его на зарѣ жизни, то семейство и друзья проливали бы слезы, но государство не могло бы чувствовать такой потери; не рѣдко самыя прiятныя ожиданiя не исполняются и самыя легкiя надежды оспающа безплодными. Спроси, разсѣянiе, легкость,

бываютъ гибельны для юныхъ сердецъ, и многіе жертвуютъ добродѣтелию минутнымъ выгодамъ случая. Но Бедфордъ умираетъ тогда, когда никто уже не могъ сомнѣваться въ твердости его правилъ и добродѣтели. Если бы при концѣ печенія, въ лѣтахъ старости, могла поглотила его, то онъ, заслуживъ можетъ быть еще болѣе наше почтеніе, менѣе огорчилъ бы насъ своею смертію, ибо сдѣлалъ бы въ жизни все возможное для него добро!

Достоинство сего знаменитаго мужа имѣло тѣмъ болѣе цѣны, что оно было собственнымъ его твореніемъ. Онъ родился въ опасномъ положеніи, избранный судьбою наслаждаться самымъ блестящимъ состояніемъ, чрезвычайнымъ богатствомъ, и окруженный всякаго роду прелестями. Какъ легко въ такихъ обстоятельствахъ ожесточиться сердцу, ограничиться разуму? Сапирическій Авторъ сказалъ справедливо: *Rarus enim felix communis, illa fortuna* (*). Но онъ сохранилъ чистоту души своей, и въ нѣдрахъ щастія умѣлъ пріобрѣсти добродѣтели злополучія. Равнодушный къ самому себѣ, желалъ единственно общаго

(*). Рѣдко умъ и чувство бываютъ шамъ, гдѣ fortuna.

благоденствія , и главнымъ дѣломъ жизни его было способствовать добронравію, мудрости и щаслію согражданъ. Не хваляся , подобно нѣкоторымъ людямъ , именующимъ себя филантропами — не хваляся , говорю , любовію ко всему роду человѣческому , не рѣдко бесполезною , Бедфордъ осыпалъ людей благодѣянїями , и доказывалъ шѣмъ свое великодушїе ; былъ не только щедрымъ для бѣдныхъ , но и нѣжнымъ ихъ утѣшителемъ : кропкая попечительность его благопшворила не менѣе великодушной щедрости.

Можно сожалѣть , что онѣ не оставилъ дѣшей оплакивать его кончину и пользоваться его примѣромъ. Но еслили можемъ считатьъ дѣшьями своими шѣхъ , кого любимъ — шѣхъ , копорымъ мы оказали важныя услуги , и копорые привязаны къ намъ узами сердца и благодарности : то сколь многочисленно горесшное семейство Герцога Бедфорда !

Не буду говорить о любезныхъ свойствахъ , копорыя опличали его и дѣлали украшенїемъ общества ; шолько одно смѣю напомнить вамъ : посипоянство его въ дружбѣ. О Бедфордѣ можно было сказать то , что рѣдко въ другихъ видимъ : *кто въ началѣ года наслаждался его*

дружбою, тотъ зналъ, что при концѣ года еще болѣе насладится ею.

Не здѣсь могу говорить о полипическихъ мысляхъ Герцога Бедфорда; онѣ сколько отличались отъ мыслей большой части Парламента, чпо скорѣе могли бытъ для него предметомъ апологіи, нежели хвалы. Замѣчу только, чпо въ нѣкопорыхъ фамиліяхъ любовь къ народнымъ добродѣтелямъ кажется наследственной. Если въ древнемъ Римѣ не удивлялись всегдашней ревности Клавдіевъ къ правамъ и достоинству Паприціевъ: то удивительно ли, чпо Бедфордъ, попомокъ славнаго Графа, друга, покровителя Гампдена и Вана, объявляетъ себя защитникомъ народной свободы? Твердость, непремѣнность правилъ есть моральное достоинство во всякомъ образѣ мыслей: она утвердила память Герцога Бедфорда въ искреннемъ почтеніи всѣхъ людей.

Жестокій опытъ ожидалъ его при концѣ жизни. Ни спрашныя муки, ни близость вѣрной смерти не могли поколебать его мужества: онъ не измѣнилъ себѣ! Въ сіи ужасныя минуты занимался только другими; самыя послѣднія употребилъ на благодѣянія для остающихся, и кончался съ героическою швер-

доспѣю великихъ мужей, которыхъ спавяшъ въ примѣръ свѣту.

Сколь ни велика моя личная благодарность, и сколь ни уважаю особенныя чувства его, которыя до послѣдней минуты жизни моей сдѣлають память Бедфорда для меня драгоценною; но не думайте, чтобы я, пользуясь снисхожденіемъ Парламента, хотѣлъ единственно удовлетворить моей чувствительности и осыпать цвѣтами гробъ человека, котораго мы всѣ оплакиваемъ. Нѣтъ! хочу представить великій образецъ моимъ согражданамъ; хочу, чтобы они видѣли его передъ собою, говорили объ немъ въ ихъ семействахъ и ставили его въ примѣръ добродѣтели дѣтямъ своимъ.

Ахъ! если изъ нѣдръ вѣчности онъ можетъ еще внимать намъ, то безъ сомнѣнія ему пріятно видѣть, что и смерть его, вмѣстѣ съ жизнью, для насъ полезна. Среди многихъ бѣдствій міра, сказалъ (можетъ быть не споль истинно, сколь краснорѣчиво) одинъ юный Ораторъ — среди бѣдствій міра мы упѣшаемся очевидностію, что торжество порока есть одно мгновеніе, а добродѣтель вѣчна, и по смерти воскресаетъ въ примѣрахъ, для насъ ею оставляемыхъ!

V.

Новаго роду самоубійство въ Англіи.

Письмо къ Издашелямъ Парижскаго Журнала.

Мнѣ разсказывали вѣрный анекдотъ, довольно любопытный, но шолько не хотѣли наименовать людей. Въ Девонширскомъ Графствѣ одинъ богатой человекъ, двадцати девяти лѣтъ опѣ роду, застрѣлился черезъ два дни послѣ женишбы своей, написавъ къ брату чудное письмо, которое я перевелъ для вашего Журнала. Вотъ оно :

„Когда ты, любезный братъ, получишь это письмо, тогда важная загадка вѣчности уже не будетъ для меня загадкою. Умираю для того, чтобы не виданъ завпра уменьшенія въ моемъ благополучіи; умираю блаженнымъ, и милой Клеменшинѣ оспавляю память нашихъ воспорговъ или примѣръ мой, которому она можетъ слѣдовать.

„Ты назовешь меня безумцемъ, эгоистомъ, неблагодарнымъ; но я не заслуживаю ни одного изъ сихъ гнусныхъ именъ. Еслили бы убійства не считались мерзоспнымъ злодѣяніемъ и не безславили фамиліи, то мнѣ хотѣлось бы взять съ собою шебя, друга и брата,

„двухъ любезныхъ сестеръ и жену мою, украшеніе, примѣръ женщинъ, которая столь же добродѣтельна, сколь прекрасна, и которая два дни принадлежить мнѣ совершенно.

„Осыпанный дарами фортуны, пользуясь честію и добрымъ именемъ, наслаждаясь цвѣтущимъ здоровьемъ и всѣми удовольствіями, соединенный съ Ангеломъ, давно милымъ сердцу моему, любимый побою и двумя нѣжными сестрами, безъ угрызенія совѣсти и безъ всякаго страха прибѣгаю къ вѣрному способу опровергнуть всѣ возможные и необходимые горести.

„Буду ли щастливымъ опцомъ? Не запымятся ли небесныя прелести милой Клементины? Ея чистая и нѣжная душа не заразится ли дыханіемъ порока? Не сдѣлаюсь ли виновнымъ или несчастнымъ супругомъ? О другъ мой! одна, одна слеза, которая выкашилась бы изъ глазъ моихъ, отравила бы ядомъ всю мою жизнь — и будучи теперь добродѣтеленъ въ сердцѣ, я могъ бы со временемъ быть ужаснымъ преступникомъ.

„Жалѣю о Клементинѣ, о тебѣ, о Фанни, Элизѣ, добрыхъ и вѣрныхъ слугахъ моихъ, о томъ, который ходилъ за мною въ дѣшпствѣ . . . Ахъ! сколько

„разъ хотѣлось мнѣ зажечь домъ мой ,
 „жилище радости, удовольствій и любви,
 „въ самое то время, когда всѣ сердца во-
 „кругъ меня радовались и были щасли-
 „вы моимъ блаженствомъ !

„Не заставляю тебя слѣдовать мо-
 „ему примѣру. Не многіе такъ боятся ,
 „такъ ужасаются первой необходимой го-
 „рести. Однакожь подумай, другъ и
 „братъ, что печаль и болѣзни ожида-
 „ютъ тебя, и что медленная смерть во-
 „сто разъ ненавистнѣе минушной, копо-
 „рую избираю хладнокровно.

„Справданіе есть не главное бѣдствіе
 „человѣчества. Лишишься друга, дѣтей,
 „жены; видѣшь ихъ болѣзнь, изнеможе-
 „ніе, тоску; истощать силы свои горе-
 „спію и ни мало не облегчаешь тѣмъ му-
 „ки любезныхъ; терзаться и скрывать
 „терзаніе; быть увѣреннымъ въ ихъ не-
 „минуемой кончинѣ и подавать имъ на-
 „дежду . . . нѣтъ! это ужасно, и для
 „меня несносно !

„Бышь вдовцемъ или мужемъ обману-
 „тымъ, ославленнымъ, помилъсь въ
 „одиначествѣ, есть доля безчисленныхъ
 „супруговъ, есть *опасность жизни мой*.
 „Чрезмѣрное блаженство можетъ ли такъ
 „ослабить челоука, чтобы онъ не спра-
 „вился конца или перемѣны его ?

„Радость прошедшаго дня бываетъ иногда
„грознымъ фантомомъ настоящаго.

„Прости, любезный другъ! Утѣшай
„прекрасную, чувствительную Клемен-
„тину. Говори ей о любовникѣ, о су-
„ругѣ, которому легче было умереть,
„нежели думатьъ, что онъ со временемъ
„можетъ потерять ея сердце; скажи,
„что если я заблуждаюсь, то одна
„моя чрезмѣрная къ ней любовь приво-
„дитъ меня въ заблужденіе. . . . О Кле-
„ментина! когда, будучи совершенно моею,
„ты показала бы мнѣ хотя одну тѣнь
„холодности; когда бы чувствительность
„швоя къ моимъ воспоргамъ уменьши-
„лась, и ты хотя одинъ разъ вырвалась
„изъ моихъ объятий: тогда бы я заспрѣ-
„лился въ глазахъ твоихъ и былъ не-
„щасливъ секунду!“

VI.

Письмо изъ Парижа.

Чайныя общества (les thés) и балы въ
нынѣшнюю зиму были у насъ много-
численны. Такого роду собранія должны
занимать средину между общесвами раз-
сѣянными политическою бурей и между

тѣми, которыя начинаютъ образоваться; но скоро всѣмъ наскучишь шумное многолюдство, необходимое единственно тогда, когда люди ищутъ и еще не нашли необходимыхъ имъ людей.

Тѣ, которыя по состоянію или по мѣсту своему могутъ жить открытымъ домомъ, принимаютъ однихъ *званыхъ*, соснавливающихъ число, а не имѣютъ *всегдашнихъ*, соснавливающихъ общество. Легче пригласишь на чай 80 или 100 человекъ, нежели двадцать на ужинъ, требующій короткаго знакомства или привычки видѣться, которой еще нѣтъ.

Обѣды, подчиненные скукѣ и холодному тону принужденія, идутъ на ряду съ шумными балами и концертами. Чѣмъ касается до публичныхъ собраній, маскарадовъ и прочихъ, за которыя надобно платишь деньги, то въ нихъ бывають только иностранцы, молодые люди, не знающіе свѣта, и женщины; которыя слишкомъ извѣсны свѣту.

Самый великолѣпный праздникъ нынѣшнею зимою былъ въ домѣ Госпожи **, которая хотѣла соединить у себя всѣхъ лучшихъ людей Парижа. Концертъ и балъ заслужили всеобщую похвалу. Женщины были одѣты прекрасно, богато и со вкусомъ; а мужчины, казалось, всѣ пришли

съ похоронъ, на которыхъ они много плакали: ибо всѣ были въ черныхъ кафпанахъ и крайне печальны. Весьма не многіе напоминали прежнюю Французскую любезность; люди нѣкоторыхъ лѣтъ отличались пріятною учтивостію, молодые люди видомъ равнодушія и скуки, а всѣ вообще пономъ холоднымъ и благоприспоемымъ. Съ женщинами говорили мало; но крипикуя нѣкоторыхъ, почти всѣмъ удивлялись. Ихъ уборъ, видъ, искусство танцовать, красота и пріятность, заслуживали безмольную похвалу улыбки и взоровъ. Одна изъ нихъ возбудила общее вниманіе и зашмѣвала другихъ своими прелестями; но какъ она *не хотѣла замѣтатъ* нашего удивленія, то я увѣренъ, что оно было ей *извѣстно*, и потому не считаю нужнымъ наименовать ее.

Въ мужчинахъ примѣтилъ я сильное желаніе танцовать не хуже Вестриса и Нивелона; но скажу имъ, что они еще не дошли до образца своего. Впрочемъ не надобно отчаяваться: попрыгавъ еще лѣтъ тридцать, они могутъ *танцовать* совершенно, то есть въ тѣ лѣта, въ коиорыя не всѣ уже и *ходятъ* порядочно.

(Изъ Journal de Paris.)

Вопросы и Ответы.

Что есть *ненависть*? паукъ спраспей.

Что есть *любовь*? пѣявица сердца и скорпѣонъ души.

Что есть *бережливость*? лицемѣрие скупыхъ.

Что есть *благодарность*? Фениксъ чувствъ.

Что есть *справедливость*? маска, которую всего болѣе ласкають на балѣ спраспей.

Что есть *невѣжда*? душа безъ пищи, земля безъ сѣмени, небо безъ свѣтила, море безъ рыбы, дерево безъ плодовъ и бесполезный членъ общества.

Что есть *растопительность*? ошибка въ Ариеменикѣ, источникъ слезъ для Машемашика и радости для его прѣяпелей.

Что есть *Исторія*? память прошедшаго, идея настоящаго, предсказаніе будущаго.

(Изъ Моднаго Журнала.)

VIII.

*О новыхъ благородныхъ училищахъ,
заводимыхъ въ Россіи.*

Письмо изъ Т*.

Душа Правленія нигдѣ такъ быстро не дѣйствуетъ; нигдѣ благопворныя его намѣренія такъ скоро не исполняются, какъ въ Монархіяхъ. Едва АЛЕКСАНДРЪ I объявилъ желаніе, достойное прекрасной души Его, желаніе способствовать просвѣщенію въ Россіи и спасительнымъ успѣхамъ воспитанія, уже во всѣхъ главныхъ городахъ нашихъ видимъ заводимыя благородныя училища, съ тою ревностію, которая всегда одушевляетъ щасливыхъ подданныхъ добродѣтельного Государя: ибо они видящъ въ цѣли Его желаній собственное благо свое и надѣяшся еще усерднымъ исполненіемъ доказать сердечную признательность, которая есть, такъ сказать, необходимость нѣжной и доброй души. Папріотизмъ никогда не умираетъ въ Россіи: въ ПЕТРЪ и ЕКАТЕРИНА царствовали, тамъ онъ могъ запасшися благородною своею пищею на нѣсколько вѣковъ; но теперь сіе великое чувство еще болѣе въ насъ оживилось: новыя благодѣянія Трона

украшаютъ судьбу Россiянъ , и Монархъ, юный лѣтами , но зрѣлый мудростiю , открываетъ необозримое поле для всѣхъ надеждъ добраго сердца.

Губернiя наша естли не превосходитъ , то по крайней мѣрѣ не уступаетъ другимъ въ извѣявленiяхъ патрiотической ревности. Всѣ дворяне , и богатые и небогатые , считали за честь способствовать деньгами заведенiю благороднаго училища. Самые купцы , которые не могутъ участвовать непосредственно въ пользѣ его , хотѣли безкорыстно участвовать въ благодѣянiи , доказывая имъ , что различныя состоянiя въ Россiи соединяются общемою любовiю къ отечеству , и что благо одного есть удовольствiе другаго. Теперь все обѣщается сему заведенiю цвѣтущее состоянiе : опредѣленiе достаточныхъ суммъ на его потребности , избранiе способныхъ учителей , а всего болѣе характеръ главнаго попечителя , достойнаго Начальника Губернiи , всѣми уважаемаго и любимаго за его честность и справедливость. Вы согласитесь , что довѣренность въ такомъ дѣлѣ необходима для успѣха. Иногда и самый Патрiотъ бываетъ скупъ на общественныя благотворенiя , когда онъ не увѣренъ въ добродѣтели посредниковъ ; но мы готовы ко всякимъ новымъ жертвамъ

и пособіямъ, зная душу Начальника, и видя искреннее его усердіе ко благу новаго заведенія.

За нѣсколько дней до открытія училища я былъ свидѣтелемъ прогательной сцены, которая оставила во мнѣ пріятныя впечатлѣнія. Является женщина въ бѣдномъ крестьянскомъ платьѣ, съ двумя мальчиками, также бѣдно одѣтыми; бросается въ ноги къ Губернатору, и подавая ему бумагу, говоритъ: „Вотъ грамота на дворянство моего мужа, который умеръ въ горести и нищестѣ! Вотъ дѣти мои! вотъ все, что имѣю! Государь милостивъ; у васъ доброе сердце; сжалясь надъ моими сиротами! Я умру спокойно, когда они будутъ приняты въ училище!“ Мальчики въ ту же минуту сжали на колѣни и съ умиленіемъ смотрѣли на Губернатора, который между тѣмъ плакалъ отъ чувствительности — посадилъ мать на стулъ, обнялъ дѣтей ея — сказалъ, что они уже питомцы АЛЕКСАНДРА — и въ ту же минуту велѣлъ принести для нихъ два ученическіе мундира (*). Признавательная бѣдной женщины была неограничена; она не находила словъ изъявлять ее.

(*) Питомцы имѣютъ свой мундиръ.

Благородныя дѣши (которыя до открытія училища жили у Губернатора) окружили своихъ новыхъ товарищей и смотрѣли на нихъ дико; но услышавъ, что они подобно имъ дворяне и несчастливы своею бѣдностію, бросились цѣловать ихъ и непременно хотѣли раздѣлишь съ ними все, что имѣли. — Никто изъ зрительей сего явленія не осмался съ сухими глазами, и каждый по своей возможности или чувствительности дарилъ бѣдную, но въ ту минуту радостную и щасливую мать.

Судите по такому анекдоту о пользѣ новыхъ воспитательныхъ учрежденій въ Россіи! Сколько бѣдныхъ дворянскихъ дѣтей могутъ найти въ нихъ спасительное просвѣщеніе, тѣ, которыя безъ сего способа осмались бы въ невѣжество и закрубились бы умомъ и сердцемъ? Самые небѣдные дворяне могутъ имѣть воспользоваться: ибо воспитаніе сдѣлалось у насъ предметомъ роскоши. Держать въ домѣ учителя, Француза или Нѣмца, стоить нынѣ ежегодно около 1000 рублей; не всякой можетъ дать столько: да и какъ трудно сыскать хорошаго? Волны Революціи выбросили къ намъ нѣсколько порядочныхъ Французевъ; но теперь каждый изъ нихъ ждетъ „голубя съ вѣшнью, чшбы

„изъ сѣвернаго ковчега (какъ сказалъ миѣ одинъ Эмигрантъ) возвратишься на берегъ опечесства.“ Прежніе Французы или соспарѣлись или сдѣлались росіовщиками; до Нѣицовъ мы не охотники, для того, что они дурно говорятъ по-Французски; а Рускихъ учителей мало, или совсѣмъ нѣтъ. Мысль прискорбная для всякаго патрїстическаго сердца! предметъ достойный вниманія нашего мудраго Правительсва! Оно конечно не имѣетъ нужды въ нашихъ совѣтахъ; но мы имѣемъ право разсуждать о томъ между собою и спрашивать другъ у друга, какимъ способомъ можно замѣнить въ Россіи иностранныхъ учителей, не только для частнаго воспитанія, но и для самыхъ нынѣ заводимыхъ благородныхъ училищъ? **ЕКАТЕРИНА** Великая думала о томъ, и хотѣла, чтобы въ Кадетскомъ Корпусѣ нарочно для сего званія воспитывались дѣти мѣщанъ: къ несчастію, рѣдкіе питомцы слѣдуютъ своему назначенію, выходя изъ Корпуса; а всѣ желаютъ чиновъ и всупаютъ въ службу. Не лзя ли возобновить мысль **ЕКАТЕРИНЫ**? не лзя ли болѣе утвердить сію цѣль воспитанія мѣщанскихъ Кадетовъ? не лзя ли сравнять для нихъ выгоды учительскаго званія съ выгодами чиновъ? или не лзя ли завести особен-

ной педагогической школы, для которой Россійское дворянство въ нынѣшнія щасливья времена не пожалѣло бы денегъ? оно съ радостію платило бы ихъ Нѣмецкимъ Профессорамъ, которыхъ надлежало бы призвать въ Россію для образованія учителей: ибо Педагогика нигдѣ такъ не усовершенствована, какъ въ Германіи. Нынѣ всѣ мысли радостныхъ Папріотовъ усмремлены на пользу отечества: и такъ не мудрено, что мы говоримъ о потребностяхъ воспитанія, которое есть основаніе частнаго и государственнаго благоденствія — а у насъ не будетъ совершеннаго моральнаго образованія, пока не будетъ Русскихъ хорошихъ учителей, которые единственно могутъ вселять въ юное сердце чувства и правила добраго Россіянина. Никогда иностранецъ не пойметъ нашего естественнаго или народнаго характера, и слѣдственно не можетъ сообразоваться съ нимъ въ воспитаніи; никогда онъ съ чувствомъ не скажетъ слова о Россіи, о ея Герояхъ, народной чести, и не воспалитъ въ ученикѣ искръ Папріотизма. Иностранцы весьма рѣдко опдають намъ справедливостъ. Мы ихъ ласкаемъ, награждаемъ; а они, выѣхавъ за Курляндской *Шлагбаумъ*, смѣются надъ нами или бранящъ насъ, выдумыва-

юшѣ соблазнительные анекдоты, и печатаютъ неѣлости о Рускихъ; другіе повсюрюютъ за ними, и говоряшѣ: „это не сомнительно, ибо Господинъ N. N. „долго жилъ въ Россіи и пользовался оп- „кровенною дружбою знашныхъ людей!“ Я могъ бы выписать здѣсь нѣсколько страницъ изъ книги, читаемой нынѣ во всей Европѣ, къ стыду — не Россіи, ибо ложъ достойна только презрѣнія — а гнуснаго Автора, Члена Парижскаго Инспишута, ешѣли не ошибаюсь: сія выписка доказа- зала бы, сколь неоспорочно ввѣряемъ мы воспитаніе дѣшей нашихъ иноспранцамъ, между копорыми бываюшѣ такіе изверги неблагодарности и злобы! Но мнѣ совѣ- стно, что я имѣлъ любопытство читать такую книгу — и не хочу въ нее снова за- глядывать. Скажу только: можно ли срав- няшѣ выгоду хорошаго Французскаго произношенія съ униженіемъ народной гордости? ибо народъ унижается, когда для воспитанія имѣетъ нужду въ чужомъ разумѣ. Бѣда не велика, ешѣли мы не только дурно произносимъ, но и дурно пишемъ по-Французски; бѣда не велика, ешѣли и въ самой Министерской бумагѣ сдѣлана грамматическая ошибка: полиписическая Логика выше Грамматики, и Рускому не много словъ надобно; пока

есть у него хлѣбъ, желѣзо, сила въ рукахъ, а въ груди любовь къ отечеству.

Нѣкоторые возражатъ мнѣ, что у насъ держатъ Французовъ только для одного языка, и что сами родители образуютъ между тѣмъ нравственность дѣтей. Я замолчу, еслили надобно быть учтивымъ; но еслили надобно быть искреннимъ, то спрошу: кто бываетъ съ дѣтьми въ тѣ часы, когда отецъ судитъ въ судѣ, ѣздитъ на поклонъ, играетъ въ Боспонъ — когда мать танцуетъ на балѣ? многие ли отцы и матери проводятъ съ дѣтьми время свое?

Не говорю, чтобы мы вдругъ и теперь же могли обойтись безъ иностранныхъ учителей; но — должно взять мѣры; а пока ихъ не возмемъ, то не будемъ и надежды когда нибудь обойтись безъ иностранцевъ.

Спѣшу окончать мое письмо, чтобы не сказать еще много лишняго; но добрый Россіянинъ извинитъ меня за доброе намѣреніе. Я, право, люблю мое отечество, сердечно и душевно люблю моего Государя, и думаю съ радостію, что въ Его благодатное царствованіе дозволено желать всякаго мирнаго добра для Россіи. Будемъ храбрыми солдатами, хорошими земледѣльцами, умными и че-

спными купцами, въ душѣ и чувствахъ благородными дворянами, совѣспными судьями не только въ Совѣспномъ, но и во всѣхъ судахъ; будемъ не скупыми, но бережливыми, чпобы разореніе и честнаго не сдѣлало безчестнымъ; будемъ читать хорошія книги, чпобы иностранцы не называли насъ невѣждами; а болѣе всего будемъ хорошо воспитывать дѣтей нашихъ! . . . и скоро Руской, подъ скипетромъ АЛЕКСАНДРА, никому не позавидуешь!

N. N.

IX.

Стихи на слова, заданныя мнѣ Хлоєю:
мигъ, картина и дверь.

1.

М и г ъ.

Какое слово мнѣ дано! . . .
Оно важнѣе всѣхъ; оно
Есть все! . . . Конечно; власъ и слава,
Печаль, веселье и забава, —
Увы! и щастіе сердець,
И чувство сладкаго покоя —
И самая любовь, о Хлоя!
Ея начало и конецъ —
Не есть ли *жизь* единый въ свѣтѣ?

Теперь я, на примѣръ сказаешь;
 Сажу покойно въ кабинетѣ,
 Хочу къ тебѣ стихи писаешь;
 Но если ты въ сей *жизь* явишься,
 Въ меня влюбленной притворишься,
 То въ *жизь* — спокойствіе прощай!
 Стихи въ каминъ! . . . у ногъ прекрасной
 Лежу, горю любовью страшной!
 Лишь только шупку продолжай:
 Я въ *жизь* смѣлае, Хлоя, буду;
 Учтивость, можешь быть, забуду,
 И въ *жизь* . . . опкроешь обманъ!
 Тогда, какъ хладный испуканъ,
 Душею въ *жизь* оледенѣю;
 Опъ спраши пылкой исцѣлюсь,
 И въ *жизь* — съ побоемъ засмѣюсь!

Такъ вы любезностью своею
 Насъ въ *жизь* плѣняете всегда,
 Не думая плѣняться нами!
 Но въ *жизь* же, Хлоя, иногда
 Въ сѣняхъ бываете и сами;
 Кто былъ смѣшенъ, въ *жизь* спанешь милъ;
 Но *жизь* — и слѣдъ любви просыль!

Въ одинъ же *жизь* — ахъ! мысль ужасна! —
 Дерзнешъ нескромность утверждать,
 Что ты была, была прекрасна;
 Но въ *жизь* — велю ей замолчать!

К а р т и н а .

Карпина мнѣ мила въ Природѣ ,
 Когда я съ сердцемъ на свободѣ
 Гуляю по коврамъ луговъ ,
 Смогру вдали на мракъ лѣсовъ ,
 Лучами солнца озлащенныхъ ;
 Или на лабиринтъ ручьевъ ,
 Самой Нашурой проведенныхъ
 Въ изгибахъ для красы полей .
 Карпина мнѣ мила въ Поэти ,
 Когда онъ кистію своею
 Цвѣты наводитъ на предметъ
 И пишетъ словомъ , какъ рукой .
 Карпина мнѣ мила — въ картинѣ ,
 Когда волшебною игрою
 Всѣ краски дышутъ на холстинѣ ,
 И лица говорятъ хотящъ ;
 Я , правда , не знаюкъ , но радъ
 Всегда Корреджію дивиться ,
 И даже — въ полношю влюбиться .
 Но я бываю врагъ картинъ ,
 Когда прелестницы желаютъ
 Быть шолько ими для мужчинъ ,
 И все другое забываютъ .
 Цвѣты и краски хороши ;
 Но ахъ ! въ картинѣ нѣтъ души !

3.

Д в е р ь .

Въ влапой прекрасной вѣкъ
 Не вѣдалъ человекъ
 Ни *двери*, ни замковъ желѣзныхъ,
 И домъ и сердце открывалъ
 Для братьевъ, ближнихъ и любезныхъ:
 Такъ всѣхъ людей онъ называлъ.
 Но время премѣнилось,
 И гибельное зло,
 Увы! къ намъ въ *дверь* вошло,
 Замокъ съ собою принесло,
 И сердце съ домомъ зашворилось.
 Спалъ смершнй — Камергеръ съ ключемъ;
 Сидитъ за *дверью*, и не всѣмъ
 Ее охотно опираешъ;
 По стуку человека знаетъ;
 Какъ рыба пришаясь молчитъ,
 Когда рукою въ *дверь* стучитъ
 Досадный кредиторъ, проситель
 Съ бумагою, безъ серебра;
 Или шаринный кровитель,
 Въ немилость впавшій у Двора;
 Или любовница съ слезами,
 Уже оставленная нами!
 Нѣтъ дома! вѣрь или не вѣрь:
 Для нихъ не опопрешя *дверь*.

Но *двери* насѣшь для случайныхъ,
 Для ихъ друзей, извѣстныхъ, шайныхъ,
 Для челоушчика съ мѣшкомъ,
 Для камердинера съ письмомъ

Отъ женщины , душѣ любезной ,
Или другимъ чѣмъ намъ полезной ;
Для милвидныхъ подлецовъ
И нашихъ ревностныхъ льстецовъ !

Блаженъ , кто двери запираешъ
Всегда для глупыхъ , злыхъ людей ,
И вмѣстѣ съ сердцемъ отворяешъ
Ихъ только для своихъ друзей !

Ж.

ПОЛИТИКА.

I.

О мирѣ.

Миръ подписанъ въ Амьенѣ 27 Марта, Иосифомъ Бонапарте за Францію, Лордомъ Корнваллисомъ за Англію, Кавалеромъ Адарою за Гишпанію и Шиммельпеннинкомъ за Голландію. Сей практашъ, напечатанный въ *Монитёрѣ* и во всѣхъ Вѣдомостяхъ, есть ничто иное, какъ подтвержденіе мирныхъ условій, заключенныхъ въ Лондонѣ; то есть, Англія, довольствуясь островами Троицы и Цейланомъ, отдаетъ всѣ свои завоеванія въ трехъ частяхъ свѣта; а Франція, изъ благодарности за такое великодушіе, соглашается, чтобы Турецкій Султанъ и Король Португальскій владѣли покойно всѣми своими землями, исключая однакожь то, что Португаллія отдала, въ силу Баядосскаго практаша, Гишпаніи и Франціи. Ни слова объ Италіанской Республикѣ, ни слова о Королѣ Сардинскомъ и Швейцаріи! Что жъ скажутъ теперь Англійскіе Журналисты, которые надѣялись, что Амьенской практашъ

будеть для Англіи гораздо выгоднѣе Лондонскихъ условій? Что скажешь теперь Демосфенъ Парламента, мрачный и высокопарный Виндамъ? какой богатой предметъ для его воспочнаго краснорѣчія! — А мы, безприсраспные зрители полипическихъ феноменовъ, скажемъ только, что сей миръ останешся памяшникомъ, могущесства Французовъ въ Консульство Наполеона Бонапарте и миролюбія Англичанъ въ Минисперство Аддингтона и Гакесбури. Испорія рѣшишь вопросъ: опъ чего Англія была такъ снисходительна и безкорысна при заключеніи Амьенскаго шракташа? для насъ сія загадка непоняшна: ибо мы знаемъ, что миролюбіе въ Полипикѣ есть только *нужда въ мирѣ*; а Великобританнія цвѣла войною!

Самая любопытнѣйшая спашья шракташа касается до Мальпы. Орденъ Іоанна Іерусалимскаго, возстановленный со всѣми древними правами своими подъ зашципою Франціи, Великобританнii, Россii, Гишпанii, Австрii и Пруссii, не будетъ имѣшь ни Французскаго, ни Англійскаго языка, а вмѣсто перваго учреждаешся новый *Мальтійскій* языкъ, въ который могутъ быть приняпы и неблагородные, и который имѣеть всѣ права другихъ языковъ. Сіе установание,

и другое, по коему большая часть судебныхныхъ и прочихъ власпей острова должна состоять изъ его жителей, дають Мальшійцамъ истинное гражданское бытїе: ибо прежде были они ничто иное, какъ подданные иностранныхъ рыцарей, не имѣвшїе никакого участїя въ Правленїи. Сего безъ сомнѣнїя пребовалъ Бонапарте въ пользу своего бывшего завоеванїя (*). Англія и Франція не хотѣли присвоить себѣ особенныхъ выгодъ въ Мальшійскихъ гаваняхъ: корабли ихъ должны платить равную пошлину съ кораблями другихъ націй. Сей сборъ обращается на содержанїе Мальшійскаго языка и больницы для всѣхъ флаговъ.

Спашья о размѣнѣ плѣнныхъ обязываетъ Республику заплащать Англійскому Правительству все то, чего стоило ему содержанїе Французскихъ плѣнниковъ (числомъ около 20 тысячъ); но какъ Англія, по силѣ той же спашьи, обязывается заплащать Республикѣ не только за своихъ плѣнниковъ (копорыхъ во Франціи очень мало), но и за другихъ, бывшихъ у нее на жалованьи, слѣдственно Нѣмцовъ и Рускихъ: то вѣрояшно, что Франція, вмѣсто 20 милліоновъ

(*) Известно, что Бонапарте на пуши своемъ въ Египешъ взялъ Мальшу.

рублей, которыхъ ожидали Лондонскіе Журналисты, заплатитъ Англіи весьма не много. — Мы не считаемъ за нужное говорить здѣсь о тѣхъ спашьяхъ, которыя касаются до рыбаковъ Тернёвскихъ. Замѣшимъ только, что Англія и Франція признають Республику Семи - Острововъ.

Всякой можешь спросить: о чемъ же Министры такъ долго разсуждали въ Амьенѣ, когда они не прибавили ничего къ Лондонскимъ мирнымъ условіямъ? о шайныхъ ли спашьяхъ? но Бонапарте, какъ пишуиъ изъ Парижа, торжественно сказалъ Президенту Сенаша, что ихъ нѣтъ въ шракшѣ.

Теперь Полюшники наши угадываютъ слѣдствіе мира какъ для Англіи, такъ и для Франціи. Одни говорятъ, что Республика будетъ ежегодно возвышатся торговлею, промышленностію и внутреннимъ своимъ благоустройствомъ; что Англія, раздѣляя коммерческія выгоды съ другими народами, упраситъ поспешенно свои безчисленные богатства, которыми она обязана исключительной торговлѣ во время войны; что моральное вліяніе Франціи на другія земли должно умножиться, вліяніе Англіи уменьшиться. Но другіе отвѣча-

юшѣ имѣ, что для сего надлежитъ еще утвердиться Французскому Правленію; что оно весьма ненадежно, естли держится только великимъ именемъ и характеромъ одного человѣка; что Французы вѣтренны и непоспоянны; что Англичане напрошивъ того имѣютъ надежное, мудрое Правленіе, твердый характеръ и духъ народный; что ихъ богатые капиталы даютъ имъ на долго вѣрное первенство въ торговлѣ; что Франція возвеличена своимъ Консуломъ, а Британнія своимъ народомъ; что человѣкъ умираетъ въ секунду, а народы гибнутъ только вѣками.

Что принадлежитъ до насъ, то мы желаемъ, естли можно, благоденствія и той и другой Державѣ, которыхъ судьба составляетъ любопытнѣйшую часть Европейской Политики, и которыя столь важны въ испоріи *гражданственности* (civilisation), слѣдственно и человѣчества. Величіе народовъ имѣетъ конечно свои предѣлы, за которыми начинается ихъ паденіе; и нынѣшнее состояніе Англїи таково, что по вѣроятностямъ обыкновеннаго разсудка она можетъ скорѣе унизиться степенію, нежели еще возвыситься. Съ другой стороны и то остается вопросомъ, что

Франція будетъ современемъ безъ Бонапарте? и колоссъ ея, лишенный сей опоры, успоитъ ли незыблемо на своемъ новомъ основаніи? . . . Но всего хуже бытъ печальнымъ оракуломъ, а всего лучше надѣяться на Провидѣніе и довольствоваться добрыми желаніями.

Политическое спокойствіе Европы, при нынѣшней оптимѣнной дѣятельности умовъ, обѣщаетъ намъ много пріятнаго для жизни и много полезнаго для гражданскаго сословія людей. Философія, успѣдивъ злыхъ невѣждъ и клеветниковъ своихъ, будетъ скромною, миролюбивою наставницею Государей и честныхъ людей. Революція кончилась не только во Франціи, но и въ умахъ, которые теперь отъ однѣхъ мудрыхъ законныхъ Властей ожидаютъ лучшей доли для человѣчества въ гражданскомъ порядкѣ.

II.

Письмо изъ Амьеня отъ 28 Марта.

Вчера городъ нашъ былъ театромъ великаго происшествія, котораго съ неперпѣніемъ ожидала Европа. Миръ подписанъ въ присутствіи множества гражданъ и при общихъ радостныхъ восклицаніяхъ.

Обрядъ сего важнаго дѣйствія былъ простъ и величественъ. Въ 11 часовъ утра уже всѣ полки стояли въ ружьѣ вокругъ рагуши. Министры прѣхали туда въ первомъ часу; опрядъ конницы провожалъ ихъ кареты. Военская музыка гремѣла, и народныя рукоплесканія мѣшались съ ея звуками. Министры были встрѣчены Меромъ и городскими судьями. Префектъ Департамента, его совѣтники и знаменѣйшіе граждане привѣтствовали ихъ въ большой залѣ, украшенной славнѣйшими картинами Французской школы, которыя были взяты изъ Версальскаго Музеума и присланы въ Амьень Министромъ внутреннихъ дѣлъ на случай Конгреса. Уполномоченные Министры оснались въ залѣ одни, съ своими Секретарями, и конференція ихъ продолжалась два часа съ половиною. Всѣ ждали конца ея съ величайшимъ нетерпѣніемъ, и число любопытныхъ какъ въ домѣ, такъ и вокругъ его, безпрестанно умножалось. Наконецъ Французскій Министръ велѣлъ объявить Меру, что пракшанъ готовъ къ подписанію. Вдругъ отворились двери, и граждане бросились въ залу, наблюдая однакожь порядокъ и глубокое молчаніе. Въ сію торжественную минушу, подписавъ пракшанъ, Министры обняли другъ

друга со всѣми протгашельными знаками живаго удовольствія. Многіе зрители проливали радостныя слезы, безмолвно смотрѣли другъ на друга, и *всѣ наслаждались щастіемъ всѣхъ*. Въ такомъ же порядкѣ Министры вышли изъ залы: шупъ ожидалъ ихъ радостный народъ, копорый, увидѣвъ Французскаго Министра, воскликнулъ: *да здравствуетъ Бонапарте!* и симъ однимъ восклицаніемъ выразилъ двоякую благодарность. Трудно описать живыя чувства воспора, копорыя видны были на всѣхъ лицахъ. Два спарца обнимались въ глазахъ моихъ и поздравляли другъ друга. „И шакъ мы еще дожили до мира!“ говорили они проливая слезы. Ввечеру городъ былъ освѣщенъ, и въ Театрѣ играли Оперу въ пользу бѣдныхъ. — Сей день осшавилъ глубокое впечатлѣніе во всѣхъ сердцахъ. Онъ рѣшилъ судьбу Европы и ушвердилъ благоденствіе Франціи.

*Новѣйшая исторія и статистическія
достопамятности Китая.*

„Револуція будеть спранствовашь по Европѣ,“ сказалъ Мирабо не за долго до смерти своей: она пробралась и далѣе. Въ обширныхъ странахъ Азіи, на берегахъ восточнаго Океана, въ помѣ великомъ государствѣ, гдѣ болѣе жителей, нежели во всей Европѣ, началась еще въ 1798 году Револуція, о которой писали въ вѣдомостяхъ какъ о новомъ происшествіи. Три года бури ея волновали Кипай; но по новѣйшимъ извѣстіямъ опшуда буншъ усмиренъ въ прошедшемъ году.

Государство, которое извѣстно всѣмъ народамъ и всѣмъ соспоаніямъ въ Европѣ по своему еспешвенному произведенію (чаю), исключительно данному Природою жителямъ его; и которое, посредствомъ сего растѣнія и другихъ собственнхъ поваровъ, ежегодно беретъ съ Европейскихъ народовъ нѣсколько милліоновъ рублей серебромъ и золотомъ, безъ сомнѣнія доспойно ~~въ~~ ~~кошор~~ ~~аго~~ вниманія.

Опецъ нынѣшняго Кипайскаго Императора, Кіенъ - Лонгъ, восшелъ на престоль въ 1735 году и царствовалъ еще

долге своего дѣда Канги, который правилъ государствомъ отъ 1600 до 1722 году. Сей — по Канги, смотря на низкіе дома своихъ подданныхъ, сказалъ однажды: „надобно, чшбы Европа была очень „штѣсна, когда люди не могутъ шамъ „распространять городовъ, и живущъ на „воздухѣ!“ Сей Императоръ, славный добродѣшелю, оставилъ корону Ион-Тшингу, а сей, владѣвъ 13 лѣтъ, избралъ въ наследники четвертаго сына своего, который всѣхъ другихъ былъ мудрѣе, и который подъ именемъ Кіен-Лонга сколько прославился и въ самой Европѣ; завоевалъ Тибетъ, обласпи Великаго Ламы, распространилъ границы Кипая до Бухаріи и сдѣлался сильнѣйшимъ Государемъ въ Азіи; былъ правосуденъ, любилъ науки, искусства, ученыхъ и добродѣшельныхъ мужей. Въ Европѣ нѣсколько разъ писали о его смерти; но онъ умеръ только въ 1800 году (*), царствовавъ 65 лѣтъ, и слѣдшвенно долге всѣхъ Государей, извѣстныхъ намъ по Исторіи.

Человѣколюбіе и кротоспъ были главными свойствами души его. Презирая обыкновенную восточную роскошь, онъ велъ презвую жизнь, и не зналъ ника-

(*) Онъ еще за нѣсколько времени до смерти своей успуилъ прешолъ сыну.

кихъ забавъ, кромѣ праздничныхъ маскарадовъ, въ которыхъ евнухи представляли всякаго сосполнїя людей, шутили, дурачились, обманывали, обкрадывали другъ друга, и веселили Императора и сераль его.

Кіен-Лонгъ оставилъ пронѣ пятнадцатому сыну своему Ка-Гингу, который есть теперь пятый Императоръ Ташарскаго Дзимова поколѣнїя. Онѣ любитѣ науки, какѣ увѣряютѣ, и пошчасѣ по восшествїи на престолѣ дозволилѣ Христїанамѣ торжественно собираться для моленїя. Странїе его усмирить бунтовщиковѣ въ двухѣ западныхѣ провинціяхѣ, Се-Хоанѣ и Хам-Си, сперва не имѣло успѣха. Императорская армія, состоявшая изѣ 100000 человекѣ, была на голову побита, и начальникѣ ея въ отчаянїи своемѣ заколося кинжаломѣ. Сей мятежѣ казался шѣмѣ опаснѣе, что бунтовщиками предводительствовалѣ одинѣ молодой, храброй Князь изѣ фамиліи древнихѣ Кыпайскихѣ Императоровѣ. Однакожѣ новая Ка-Гингова армія, подѣ начальствомѣ искуснаго Генерала, разбила войско мятежниковѣ, и совсѣмѣ истребила ихѣ. Сїя война такѣ истощила государственную казну, что Императорѣ долженѣ былѣ прибѣгнутьѣ къ новому спо-

еобу, безпримѣрному въ Кипаѣ, а именно, онѣ продаетъ за большія суммы всѣ государственныя чины и достоинства.

Сокровища казеннаго Министра Го-Ксена или Го-Чингшона не вошли въ казну, но, по указу Императорскому, были разданы бѣднѣйшимъ Мандаринамъ. Жены и наложницы Императора присвоили себѣ не малую часть изъ оныхъ. Въ указѣ, обнародованномъ въ Пекинѣ, сказано, что у Го-Ксена было сокровищъ на 900 милліоновъ таэльсовъ (*), и что они занимали 2000 *тайныхъ ящиковъ*. Будучи любимцемъ Кіен-Лонга и первымъ Министромъ 20 лѣтъ, онѣ собралъ такое великое богатство незаконною продажей чиновъ. Нынѣшній Императоръ осудилъ его на самую поносную казнь; но *умилостивился*, и прислалъ ему шелковую петлю, которою онѣ самѣ, по вслѣдственному обыкновенію, *сѣ тѣстію* удавилъ себя. Го-Ксенъ былъ женатъ на дочери Кіен-Лонга.

Сей Министръ во время силы своей не могъ терпѣть Англичанъ (которыхъ называютъ въ Кипаѣ *красными людьми*) и былъ главною причиною того, что Макартнеево посольство не имѣло успѣха.

(*) Таэльсъ составляетъ около двухъ рублей.

Нынѣшній Императоръ расположенъ весьма дружелюбно и къ Англичанамъ и ко всѣмъ Христіянскимъ народамъ. Пишутъ, что любимая наложница его есть шайная Христіянка. — Преемникъ Го-Кееновъ скоро лишился своего мѣста и былъ казненъ.

Торгъ Англичанъ съ Кипаемъ ежегодно возрастаетъ. Они привозятъ туда изъ Индіи хлопчатую бумагу, олово, перецъ, сандалное дерево, слоновую кость и воскъ; а берутъ шелкъ, сахаръ, квасцы, фарфоръ, канфару, китайку и рпушь.

Въ 1792 году Кипайцы выиграли торговлею съ другими Европейскими народами 4 милліона рублей золотомъ и серебромъ; но есть, взяли отъ нихъ только на два милліона товаровъ, а своихъ опустшили на шесть. Одни Датчане болѣе продаютъ, нежели покупаютъ въ Кипаѣ. — Въ 1799 году Англичане привезли въ Европу 25 милліоновъ фунтовъ чаю.

(Изъ Нѣм. Политическаго Журнала.)

IV.

Извѣстія и замѣчанія.

Въ то время, когда Европа наслаждается общимъ и совершеннымъ миромъ, пылаютъ города на западнѣйшемъ изъ острововъ Антилльскихъ и кровь льется рѣкою. Неизбѣжность кончилась: Туссенъ Лувершюръ встрѣпилъ Французовъ пушечными выстрѣлами, и будетъ жертвою своей безразсудности. Африканскіе Генералы его сопротивлялись отважно, но вездѣ побиты, и выходя изъ городовъ Синтс-Доминго, Поръ Републикенъ, Поръ де Пе, зажигали ихъ: варварство достойное Негровъ! Бонапарте хотѣлъ поступить великодушно съ Туссенемъ; и хотя не былъ доволенъ его самовластіемъ и Конспитуціею, слишкомъ независимую отъ Французскаго Правленія, однакожь предлагалъ ему въ письмѣ своемъ достоинство знаменистаго Французскаго гражданина и всѣ возможные знаки общественной благодарности за его услуги Колоніи, еслили онъ искренно покорился Франціи. Генераль Леклеръ, не смотря на сопротивленіе Туссенева войска, отправилъ къ нему сіе письмо и дѣшей его, которыхъ онъ привезъ съ собою изъ Бреста. Африкан-

скій Генералъ, какъ видно, былъ въ нерѣшимости, опѣчалъ неясно, прислалъ назадъ къ Леклеру дѣшей своихъ аманатами, но не хотѣлъ въ назначенный срокъ къ нему явиться, и объявленъ врагомъ Республики. Часть его войска была уже испреблена, другая передалась къ Французамъ: самъ онъ стоялъ съ 8 тысячами въ лагерѣ, прошивъ котораго, по новѣйшимъ извѣстіямъ, со всѣхъ сторонъ шли Французы, занявъ главныя мѣста острова. Туссеню оспавалось умереть воиномъ съ мечемъ въ рукѣ, или уйти въ горы, гдѣ онъ можешь еще долго держаться, или бѣжать въ сѣверную Америку. Французы захватили часть казны его, около четырехъ милліоновъ рублей. — Сей Африканецъ конечно заслужилъ негодованіе Французскаго Правительства; но жаль, что онъ долженъ погибнуть съ именемъ преступника, оказавъ столько важныхъ услугъ Колоніи, бывъ другомъ порядка и спасителемъ Европейцевъ на островѣ. Теперь видно, что ему хотѣлось быть независимымъ владѣтелемъ въ С. Доминго, и что приверженность его къ Французской Республикѣ была только лицемѣремъ, посредствомъ котораго онъ надѣялся утвердить власть свою, чтобы со временемъ явно оплодился отъ Фран-

ціи. Туссенъ справедливо предчувствовалъ, что Маренгская побѣда будетъ для него гибельна; но честолюбіе не дозволило ему уступить необходимости и распаться съ мыслию быть основателемъ новаго правленія въ мірѣ. — Съ любопытствомъ и съ участіемъ ожидаемъ рѣшенія судьбы его. Бонапарте разоряетъ теперь въ С. Доминго послѣднее гнѣздо Французской Революціи.

Англійскіе Журналисты, которые все знаютъ, хотятъ увѣрить публику, что Бонапарте скоро переименуетъ Конспирію Французской Республики, объявитъ себя единственнымъ Консуломъ на всю жизнь, Камбасереса всегдашнимъ Президентомъ Сената, а Лебрюна Президентомъ Трибунала, и раздѣлитъ Францію на 25 провинцій, изъ которыхъ всякая будетъ имѣть своего Префекта, Генерала и Епископа. Но Бонапарте уже объявилъ, что онъ не любитъ переименовывать Конспирію — и сей новый планъ безъ всякаго сомнѣнія есть Лондонская выдумка.

Французскій Сенатъ, Законодательный Совѣтъ, Трибуналъ, всѣ судебныя Власти и Парижскій Институтъ спѣшили поздравить Консула съ миромъ; каждая рѣчь, по обыкновенію, была по-

хвальнымъ словомъ Герою и миротворцу Бонапарте. Неудачнѣе всѣхъ риторспво-валъ ученый Инспишунъ въ лицѣ своего Предсѣдателя, который между прочимъ съ важнымъ видомъ сказалъ: „те-перь мы видимъ, что Напура и самымъ Героямъ не даетъ совершеннаго мужества, ибо Бонапарте не имѣетъ швердоспи слушать похвалу свою!“ Это можно сказать въ шулку и въ оспроумномъ куплетѣ, а не въ торжественной рѣчи на мирѣ.

Иностранные Министры, поздравляя Консула съ миромъ, замѣтили, что онъ не имѣлъ того спокойнаго вида, который надлежало бы ему имѣть въ день всеобщаго примиренія. „Не мудрено, сказалъ одинъ изъ Консульскихъ Совѣтниковъ: ошнынѣ Бонапарте намѣренѣ еще болѣе трудиться, и сегодня поумру онъ пребовалъ отъ насъ дващцаши докладовъ по дѣламъ коммерціи, мореплаванія, земледѣлія, и проч.“

Парижскіе Журналисты подѣ спро-гою Ценсурю гражданина Баррера, который нѣкогда, подобно Юпитеру, бросалъ съ каедры громъ и молнію на всѣ святѣйшія для людей власпи, не смѣ-ютъ нынѣ сказать неоспорожнаго слова о послѣднемъ Нѣмецкомъ Князѣ, и съ

шрепетомъ переводящъ извѣстїя изъ самыхъ скромныхъ Гамбургскихъ газетъ. Будучи такимъ образомъ сжаты въ пѣсныхъ предѣлахъ, они рады всякому случаю перятыся въ невинныхъ догадкахъ и наполнятъ свои спрашцы. Въ тотъ день, какъ получили извѣстїе о мирѣ, Бонапарте былъ въ мундирѣ Консульскаго Совѣща: вопъ богатая матерїя для сихъ господъ! Одинъ думаетъ, что Консулъ хотѣлъ пѣмъ показашъ свое намѣренїе, опнынѣ занимаешься ревностно внушреними дѣлами правленїя; другой утверждаетъ, что онъ симъ мундиромъ изъявилъ благоволенїе брату своему за подписанїе мирнаго тракташа, ибо Исифъ Бонапарте есть Членъ Совѣща; пренїй но довольно и двухъ для нашихъ чипапелей.

Многимъ казалось спрашно, что Французское Правительство имѣло *снисхожденїе* перебранивашься съ Лондонскими Журналистами и доказывашъ въ *Монитёрѣ* лживость ихъ; но должно вспомнишь, что *ми* въ какой землѣ Журналы не имѣющъ такого сильнаго дѣйсствїя на общее мнѣнїе, какъ въ Англіи. Не только для народа, но и для многихъ Членовъ Парламента служатъ они единственнымъ источникомъ политическихъ

идей; а Бонапарше хочеть искренней дружбы Англичанъ. Вообще мнѣніе публики сдѣлалось нынѣ во всѣхъ земляхъ гораздо важнѣе, нежели прежде.

Адмиралъ Берклея предложилъ Англійскому Парламенту наградить Доктора Еннера за прививаніе коровьей оспы. „Не довольствуясь симъ драгоценнымъ „открытіемъ (сказалъ онъ), Еннеръ спѣшилъ сообщить его свѣту съ величайшимъ безкорыстіемъ. Слѣдуя примѣру „другихъ изобрѣтателей, онъ могъ бы „однѣ пользоваться сею великою тайною; но теперь вся Европа благословляетъ его Гений и ревность къ общему „благу. Строгая экономія во всѣхъ государственныхъ расходахъ есть должность „Парламента; но достоинство Англійскаго народа пребудетъ щедрости въ наградахъ за великія услуги человѣчеству.“

Питтъ и Гренвиль около года не говорили другъ съ другомъ; но теперь они помирились и ежедневно бывающъ вмѣстѣ. Сія новая связь служилъ поводомъ къ разнымъ слухамъ, о которыхъ мы еще не хотимъ говорить до времени. Гренвиль есть первый непріятель нынѣшняго Министрства, и приговоряется вмѣстѣ съ Биндамомъ гремять противъ

заключеннаго мира съ Франціею. Не лъзя думатьъ, чѣшбы Пиппъ, всегда швердый въ своихъ мнѣніяхъ, приспалъ къ нимъ; ибо онъ уже объявилъ торжественно, что миръ кажется ему полезнымъ для Англїи. Скоро засѣданїя Парламентна будупъ весьма любопытны. —

(Изъ Англ. Вѣдомостей.)

Изъ Вѣны пишуупъ отъ 15 Марта, что всѣ начальники Канцелярїи и разныхъ Департаментовъ получили отъ Императора указъ, немедленно предсавивъ ему свое мнѣніе о способахъ ускорить шеченіе дѣлъ и довести производшво ихъ до возможнаго совершенства. Сей указъ весь написанъ рукою Его Величества.

Нѣмецкіе Полипики давно уже занимающя новымъ раздѣломъ Германїи и способомъ удовольствоваться всѣхъ обиженныхъ Принцовъ. Говорятъ, что Маинцская земля и часть Дармштадтскаго владѣнїя отданы будупъ Оранскому Принцу; что Ландграфъ Дармштадтской получитъ Вестфалїю, Курфирстъ Баварской Вирцбургъ и Бамбергъ, а Король Прусской Падербонъ, Гильдесгеймъ и Эйхфельдъ. Но всѣ такїе планы весьма невѣрны;

Король Прусской подтвердилъ указомъ Духовенству наблюдать, чѣобы всѣ младенцы были непременно крещены въ шесть недѣль по своемъ рожденіи. „Мы „къ крайнему сожалѣнію узнали (говоритъ Король), что нѣкоторые родители пренебрегаютъ сей святой обрядъ Христіанской Религіи, на которой основано вѣрное исполненіе государственныхъ обязанностей.“

Изъ Штокгольма пишутъ слѣдующее: „Юный Монархъ нашъ, запрещая дворянству отказываться отъ своихъ правъ, хочетъ съ другой стороны уважить его санъ и достоинство въ государствѣ. Шестъ молодыхъ дворянъ изъ первыхъ фамилій выбраны въ провинціальныя судьи. Сіи мѣста счисляются у насъ весьма важными. — — Король позволилъ издать сочиненія своего Августѣйшаго родителя; кромѣ тѣхъ, которыя хранятся въ Упсальской Библіотекѣ, и которыя подарены ей Гуснавомъ, съ тѣмъ условіемъ, чѣобы распечатавъ ихъ черезъ 50 лѣтъ. Думающъ, чѣо сіи манускрипты заключаютъ въ себѣ Исторію Европы, написанную Его Величествомъ.“

Пишутъ изъ Гима, чѣо близъ Остѣи нашли въ землѣ прекрасную большую

Ахиллову спашую, совершенно цѣлую. Герой держитъ въ правой рукѣ мѣдное копье, а въ лѣвой мечъ; на головѣ у него шлемъ съ перьями. На сей спашуѣ нѣтъ имени художника. Вырѣзанная на колѣнѣ надпись: *Votive Marti*, доказываетъ, что она была посвящена богу войны. У насъ мало Греческихъ спашуй, которыя могли бы сравняться съ нею искусствомъ рѣзца.

(Изъ Монитѣра.)

Въ Лондонѣ везутъ цѣлый оставъ *Маммота*, найденный близъ Новаго-Йорка Господиномъ Пилемъ, жителемъ Филадельфїи. Любопытные ожидаютъ его съ нетерпѣніемъ. Родъ Маммотовъ, естли вѣрить преданію дикихъ жителей сѣверной Америкы, исчезъ за *десять тысячъ лѣтъ* до нашего вѣка. Сей звѣрь болѣе всѣхъ извѣстныхъ намъ животныхъ. Кости, собранныя Господиномъ Пилемъ, удивляютъ своею необыкновенною величиною.

Изъ Кадикса пишутъ, что опшуда отправленъ на корабль въ Американскія селенія тайный арестантъ въ черной бархашной маскѣ, которая закрывала все лице и волосы его. Думаютъ, что сей несчастный есть бывший Гишпанскій

Министръ иностранныхъ дѣлъ, Г. Урбійо. Эпо напоминаетъ славную желѣзную маску во время Лудовика XIV.

Одинъ Лиссабонскій жишель пишетъ слѣдующее :

„Португаллія, избавленная отъ бури, которою угрожала ей Французская Республика, наслаждается теперь тишиною и плодами мудрой дѣятельности своего Министра, Дона Родрига де Сузы. Онъ всего болѣе старается утвердить безопасность жищелей и заводитъ строгую полицію. Со времени несчастія Маркиза Помбала всѣ части Правленія такъ ослабѣли, что въ государствѣ нашемъ не было ни суда, ни расправы; убійства и воровство сдѣлались такъ обыкновенны, что Лиссабона походила на вершесъ разбойниковъ. Теперь новая полицейская команда хранитъ тишину и безопасность въ городѣ. Наслѣдный Принцъ имѣетъ великую довѣренность къ Министру, который исправнымъ сборомъ налоговъ умножилъ доходы государственныя и духомъ ревности оживилъ всѣ части Правленія.“

Правленіе Соединенныхъ Американскихъ Обласей намѣрено уничтожить смертную казнь и замѣнить ее вѣчнымъ заключеніемъ. Увѣряютъ, что иногда въ цѣлый годъ не бываетъ въ сѣверной

Америкѣ ни одного злодѣянiя, достойнаго казни. Какая слава для шамошнихъ нравовъ! и какой примѣръ для Европы!

Новый Американскiй Министръ въ Парижѣ не говоритъ по-Французски, и пакъ глухъ, что можетъ слышать только посредствомъ рога или трубы. Для конференцiй съ Министромъ Талераномъ онъ всегда беретъ съ собою переводчика.

Членъ бывшей Французской Академiи, гражданинъ Капрмеръ-Дижонваль, доказываетъ въ новой, изданной имъ книгѣ, что языкъ человѣческiй есть произведенiе воды, и что жажда была источникомъ всѣхъ изобрѣшенiй ума человѣческаго!! Онъ говоритъ, что начальныя звуки языка изображали шумъ воды и стѣхъ орудiй, посредствомъ которыхъ мы достаемъ ее; и что знаки Арифметики, азбуки и музыки суть ничто иное, какъ изображенiе ведра, бадьи, колодца, и проч. Если вы спросите у Автора, для чего люди говорятъ не однимъ языкомъ? то онъ скажетъ, что сему причиною разная форма водотерльныхъ машинъ, употребляемыхъ въ разныхъ земляхъ. Не думайте, чтобы гражданинъ Капрмеръ-Дижонваль шутилъ: нѣтъ, онъ пишетъ съ великою

важностію, и хочеть не дурачить, а просвѣстить насъ!! (изъ Gazette de France.)

Налогъ на доходы въ Англіи уничтоженъ. Онъ приносилъ Коронѣ болѣе 50 милліоновъ рублей ежегодно. Всякой платилъ десятую часть своихъ доходовъ.

О *новой* Швейцарской Конституціи не говоримъ, ибо она, по всѣмъ вѣроятностямъ, скоро уступитъ мѣсто *новѣйшей*.

Конецъ второй Части.

О Г Л А В Л Е Н І Е
В Т О Р О Й Ч А С Т И.
М А Р Т Ъ № 5.

Стран.

I. Роза, или палаты и книжныя.	3
II. Сравненіе Дидерота съ Лафатеромъ.	39
III. Рѣчь Французскаго Министра внутреннихъ дѣлъ, произнесенная имъ въ Парижскомъ мужьскальному училищѣ, при раздачѣ награжденій.	41
IV. О достоинствѣ Древнихъ и Новыхъ.	45
V. Благодарствіе.	52
VI. Слѣсъ.	55
VII. Гимнъ Глуцамъ.	59
VIII. Итальянская Консультъ въ Лионѣ.	62
IX. Письмо изъ Милана.	79
X. Письмо изъ Землина.	83
XI. Извѣстія и замѣчанія.	84

П А Р Т Ъ № 6.

	Стран.
I. Последніе дни Лафатеровой жи- зни. - -	95
II. Марія Антуанета. - -	112
III. Нѣкоторыя мысли лучшихъ Фран- цузскихъ Авторовъ, выбранныя изъ новыхъ сочиненій Госпожи Неккеръ. - -	125
IV. Парижской Лицей. - -	134
К. Кантова Философія во Франціи.	138
VI. Двѣ Шотландскія мужин. - -	140
VII. Моя Исповѣдь. - -	147
VIII. Письмо изъ Парижа. - -	167
IX. Любопытная нота Французскаго Кабинета, напечатанная въ Мо- нитёрѣ. - -	170
X. Письмо изъ Парижа. - -	175
XI. Египетскія происшествія. - -	179
XII. Умноженіе силъ Франціи. - -	189
XIII. Смѣсь. - -	191
XIV. Извѣстія и замѣчанія. - -	194

А П Р Ъ Л Ъ Н О 7.

	Справ.
I. Кто щедрѣе?	207
II. Удовольствіе.	218
III. Объявленіе о драгоценномъ Элек- сирѣ, которой весьма приятенъ для вкуса, веселитъ душу и сердце, и вообще производитъ въ людяхъ чудесныя дѣйствія.	225
IV. О Рускихъ Комедіяхъ.	232
V. Споръ о Вольтерѣ.	237
VI. Путешествіе Россійскаго капита- на Биллинга.	240
VII. Маркиза де-Шатле.	242
VIII. Смѣсь.	245
IX. О легкой одеждѣ модныхъ краса- вицъ девятого-надесять вѣка.	250
X. О силѣ Англии.	256
XI. О провинціальному начальствѣ въ Оттоманской Имперіи.	264
XII. Письмо изъ Парижа.	269
XIII. Опрежденіе Консуловъ отъ 13 Ван- тоза десятого лѣта.	276
XIV. Любопытныя засѣданія Англий- скаго Парламента.	278
XV. Извѣстія и замѣчанія.	288

А П Р Ъ Л Ъ № 8.

	Стрж.
I. Все на бѣдѣ, Исторія Эмигранта.	293
II. Бюффонъ и Руссо.	339
III. Письмо о Консулѣ Бонапарте.	342
IV. Рѣчь Фокса на смерть Герцога Бедфорда, произнесенная имъ въ Парламентѣ.	345
V. Новаго роду самоубійство въ Ан- глии.	351
VI. Письмо изъ Парижа.	354
VII. Вопросы и Отвѣты.	357
VIII. О новыхъ благородныхъ учили- щахъ, заводимыхъ въ Россіи.	358
IX. Стихи на слова, заданныя мнѣ Хлою: Мигъ, Каршина и Дверь.	366
X. О мирѣ.	371
XI. Письмо изъ Аженя, отъ 28 Марта.	376
XII. Новѣйшая Исторія и статисти- ческія достопамятности Китая.	379
XIII. Извѣстія и замѣчанія.	384

ОШИБКИ ВЪ ПЕЧАТИ.

<i>страни.</i>	<i>строк.</i>	<i>налет.</i>	<i>типай.</i>
255	14	часпи	часпѣ
257	3	Ишалиянскій	Ишалиянскою
259	3	пвѣрдоспи	пвердоспи
276	31	зависѣшь	зависѣшь
